

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ма Сянфэй

**СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОСАДКАХ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доц. Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербург
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА I. Теоретические основы изучения одного языка на фоне другого в аспекте выявления этномаркированных особенностей языка и культуры.....	13
1.1. Сущность и предмет лингвокультурологии и ее место среди других дисциплин.....	13
1.2. Единицы изучения в лингвокультурологии и их терминологическое содержание	22
1.3. Языковая картина мира как важнейшее понятие лингвокультурологии.....	28
1.4. Лингвокультурологический подход как средство выявления этномаркированных особенностей языка и культуры	36
1.5. Опыт изучения фразеологии в лингвокультурологическом аспекте	44
1.6. Погодные явления сквозь призму лингвокультурологии	51
Выводы.....	58
ГЛАВА II. Национально-культурные особенности вербализации представлений о снеге, дожде и граде в русском и китайском языках.....	61
2.1. Стереотипные представления о снеге в русском и китайском языках и культурах.....	61
2.1.1. <i>Осмысление снега в русской культуре и его отражение в языке ...</i>	61
2.1.1.1. Представления о снеге, отразившиеся в устойчивых выражениях и подтверждаемые данными Национального корпуса русского языка	63
2.1.1.2. Представления о снеге, репрезентируемые в современном дискурсе, не отраженные в лексикографических источниках.....	80
2.1.2. <i>Осмысление снега в китайской культуре и его отражение в языке</i>	87
2.1.2.1. Представления о снеге, отразившиеся в устойчивых выражениях и подтверждаемые данными Национального корпуса китайского языка	88
2.1.2.2. Представления о снеге, отражающиеся в современном языковом сознании китайцев, отсутствующие в лексикографических источниках	95
2.2. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках	98

2.2.1. Осмысление дождя в русской культуре и его отражение в языке .	99
2.2.2. Осмысление дождя в китайской культуре и его отражение в языке	111
2.3. Стереотипные представления о граде, отразившиеся в русском языке на фоне китайского	123
2.3.1. Осмысление града в русской культуре и его отражение в языке .	123
2.3.2. Осмысление града в китайской культуре и его отражение в языке	131
Выводы.....	135
Заключение.....	140
Список словарей и источников и их сокращенных наименований.....	143
Список использованной литературы	145
Приложение 1.	162
Приложение 2.	163
Приложение 3.	166
Приложение 4.	170

Введение

Каждый язык, по мнению Ю. Д. Апресяна, отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира [Апресян 1995.2: 284]. Человек, осваивая мир и познавая его с помощью языка, разделяет и принятую в данном языковом сообществе и выражаемую в языке единую систему взглядов – так называемую *языковую картину мира*. Изучение языковой картины мира, т.е. совокупности знаний о нем, отраженных в языке [Пименова 2005: 17] – одно из наиболее востребованных научных направлений современной лингвистики. Обращение к языковой картине мира осуществляется как в рамках изучения национальной концептосферы и ее составляющих, а языковые знаки в этом случае представляют собой средство их постижения, так и в рамках лингвокультурологии – при раскрытии сформировавшихся в культуре этномаркированных стереотипных представлений, общих для коллективного носителя языка [Красных 2002, Бартминьский 2005, Зиновьева 2016].

Итак, стереотипные представления как участвующие в отражении определённого фрагмента языковой картины мира являются важным элементом нашего исследования, операциональной единицей, которой мы пользуемся для направленного выявления национально-культурной специфики языка.

Живя в природе, человек не может не воспринимать и не осмысливать различные ее проявления – в этом состоит во многом его когнитивная деятельность. Наблюдая и осмысляя различные явления – социальные, психические, бытовые, космические и др., связанные с разными аспектами материальной и духовной жизни, человек выделяет и метеорологические явления [Пименова 2005: 81-82], о чем свидетельствует как весьма значительная группа представленных в русском языке их лексических вербализаторов, так и объем отражающих эти явления устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, сравнений.

Лексико-семантическое поле слов (существительных), репрезентирующих метеорологические явления, насчитывает, согласно «Русскому семантическому словарю», более 80 слов: *изморось, облачность, позёмка, ливень, туман, метель, вьюга, буря, иней, гроза, молния, гром* и др. [РСС.3: 141-145]. Как следствие повседневных наблюдений в языке появляются не только прямые номинации явлений окружающего мира и в том числе наблюдаемых осадков (*град, снег, дождь, морось*), но и проведение аналогий между явлениями природы и жизнью и деятельностью человека, что фиксируется, в частности, устойчивыми выражениями языка, например: *появиться как дождь* – ‘О чьём-л. внезапном, неожиданном появлении’ [БСРНС: 176]; *(приехал/ свалился кто-л.) как снег на голову* [БСРНС: 625]; *попасть из дождя в воду; Коли в мае дождь, будет и рожь; Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет* – ‘о чем-л., неопределенном, не решенном до конца’ Д.4: 247; *В дождь крышу не кроют, а в ведро сама не каплет* [БСРП: 285]; *бежать как дождь* – ‘Олон. Бежать большой толпой или врассыпную’ [БСРНС: 625] и т.д.

Внимание исследователей к явлениям природы, участвующим в жизнедеятельности человека, – растительному и животному миру, воде и водным явлениям, небу и небесным светилам, временам года и т.д. – свидетельствует об **актуальности** их изучения, о возможности познания через анализ отражаемых различными языковыми единицами стереотипных представлений о специфике национального видения мира. Интерес к этой проблематике проявляют многие ученые: Н.Ф. Алефиренко, Л.Ю. Буянова, М.В. Домбровская, В.И. Драчук, Е.И. Зиновьева, Д.А. Ламинская, Н.И. Маругина и А.А. Рольгайзер, Л.Б. Савенкова, Р.Х. Хайруллина, А.Д. Шмелев и многие др.

Система устойчивых словесных комплексов – сравнений, фразеологизмов, пословиц – является важным средством представления ценностно-смысловых отношений как основы русской лингвокультуры. Эта система универсальна с точки зрения межнациональной логики познания и

уникальна – с точки зрения дискурсивного пространства определенного этноса [Золотых 2013: 72]. Между тем пласт устойчивых единиц русского языка, способных репрезентировать культурно значимые элементы менталитета народа, связанные с метеорологическими явлениями, важными среди которых являются осадки, является недостаточно изученным. Так, например, в диссертации М.В. Домбровской, посвященной концепту «дождь» в русском и французском языках, этот фрагмент картины мира изучается методом ассоциативного эксперимента, что оставляет за рамками работы многие из устойчивых оборотов языков [Домбровская 2006]. В иных работах авторы касаются различных способов вербализации метеорологических явлений лишь косвенно: например, в диссертации Цзу Сюецина, посвященной временам года; в работах Л. Н. Гуковой, Г.И. Баранниковой, в статье У Вэй, рассматривающих номинативное поле концепта «зима» [Баранникова 2013, Гукова 2002, Цзу Сюецин 2009, У Вэй 2012] и т.д. Таким образом, **новизна** нашего исследования определяется тем, что анализа и описания стереотипных представлений о всех трех основных видах осадков – дожде, снеге и граде, сформировавшихся в национальном сознании и отразившихся в устойчивых выражениях и в современном дискурсе носителей русского языка, на фоне китайского языка, по нашим данным, до сих пор не проводилось. В работе последовательно проведены параллели между образами устойчивых сравнений с эталонами – наименованиями осадков и связанными с ними различными ассоциациями, отражающимися в повседневной речи, что позволило представить идеографическую классификацию, охватывающую в целом видение основных видов осадков носителями двух языков и культур.

В наши дни описание единиц языка как средства отражения национально маркированных сведений, фиксируемых русским языком, во многом поддерживается исследованиями сопоставительного характера, выявляющими особенности культурно-национальных эталонов и стереотипов на материале самых разных пар языков, в том числе с

привлечением материала китайского языка. В предлагаемом нами направлении – изучении стереотипных представлений об осадках (снеге, дожде и граде), отразившихся в русских устойчивых единицах и в современном дискурсе носителей русского языка, на фоне материала китайского языка – исследования не проводилось. Материалы Национальных корпусов русского и китайского языков привлекаются нами в целях подтверждения, уточнения и расширения спектра стереотипных представлений об изучаемом объекте, выявленных на примере устойчивых единиц.

В данной работе мы опираемся на опыт лингвокультурологических исследований Ю.Д. Апресяна, А.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, Е.И. Зиновьевой, В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, А.В. Масловой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова и других.

Объектом исследования являются, во-первых, русские и китайские устойчивые выражения различного лингвистического статуса с компонентами *снег, дождь, град* и, во-вторых, контексты национальных корпусов русского и китайского языков, участвующие в репрезентации представлений об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской.

Предмет исследования – содержание отражающихся в русском языке стереотипных представлений об осадках (дожде, снеге, граде), рассматриваемых на фоне китайского языка, степень их общности или национально-культурной специфичности.

Целью нашей работы является изучение системы признаков, охватываемых стереотипными представлениями об основных видах осадков, отразившимися в русском языковом материале – на фоне аналогичного материала китайского языка, и выявление как общности наблюдений в двух языках и культурах, так и их национально-культурного своеобразия в каждом из языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) познакомиться с исследованиями, составляющими теоретическую базу данной работы;
- 2) выявить семантику ключевых слов (*осадки, дождь, снег, град*) в русском языке и выбрать ориентиры для отбора устойчивых словосочетаний и их семантического и лингвокультурологического анализа;
- 3) отобрать массив устойчивых единиц, репрезентирующих стереотипные представления о дожде, снеге и граде в русском и китайском языках;
- 4) проанализировать контексты из Национальных корпусов русского и китайского языков, содержательно связанные с предметной областью, включающей осадки в виде снега, дождя и града;
- 5) выявить и классифицировать стереотипные представления об отдельных видах осадков, отразившиеся в лексикографических источниках и речевом дискурсе, характерном для носителей каждого из языков;
- 6) выделить отраженную в устойчивых выражениях лингвокультурную информацию, установить культурно-национальные особенности в массиве стереотипных представлений о дожде, снеге и граде в русском языке на фоне китайского, а также универсальные признаки и представления, общие для двух языков.

Гипотеза исследования: лингвокультурологический подход к устойчивым сочетаниям русского языка и явлениям современного дискурса носителей русского языка, демонстрирующим вербализацию стереотипных представлений об осадках, и их исследование на фоне аналогичного китайского материала позволит выявить некоторые общие и специфические черты мировосприятия, отраженные в рассматриваемых языковых единицах, особенности универсального и национально-специфического в осмыслении важного фрагмента языковой картины мира.

Для реализации поставленных задач в исследовании используются следующие **методы**: прием сплошной выборки из сборников пословиц, поговорок и сравнений, применяемый для определения корпуса устойчивых выражений в русском и китайском языках; метод семантического анализа (по данным словарей); метод компонентного, дистрибутивного и контекстологического анализа; метод лингвокультурологического анализа, позволяющий выявить универсальное и национально-специфичное в языках и культурах; сопоставительный и описательный методы; приём оценочно-стилистической и частотно-количественной характеристики.

Материал составляют устойчивые выражения – фразеологизмы, сравнения и пословицы, почерпнутые методом сплошной выборки из словарей под ред. В.М. Мокиенко – Большого словаря русских пословиц (2010), Большого словаря русских народных сравнений (2008), Большого словаря русских поговорок (– и словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля (1984), методом направленной выборки – из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (2011); таких китайских словарей, как Большой китайско-русский словарь, Словарь современного китайского языка (2016), Словарь китайского языка, Фразеологический словарь китайского языка (1978), Китайско-русский идиоматический словарь (1980), отражающих видение мира многими поколениями носителей китайского языка. Обращение к национальному корпусу русского и китайского языков дало возможность наблюдения актуальных представлений в сегодняшнем сознании носителей русского и китайского языков.

Теоретическая ценность работы видится в выявлении совокупности представлений о значимых для русской и китайской ментальности явлениях природы и приоритетных для каждой из лингвокультур признаков, ассоциируемых с отдельными типами осадков и отражающих как прагматические наблюдения, так и векторы их поэтического осмысления; в определении степени актуальности представлений, вербализованных устойчивыми выражениями двух языков, для современных носителей

русских и китайских культур и языков; в выяснении экстралингвистических факторов, способствующих появлению специфических образов устойчивых выражений.

Практическая значимость работы видится в возможности использования ее результатов в рамках преподаваемых дисциплин – лингвокультурологии, фразеологии, лексикологии, межкультурной коммуникации, перевода. Сделанные наблюдения и материал могут также найти применение в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Значительный объем стереотипных представлений о трех типах осадков, выявленных на материале зафиксированных словарями устойчивых выражений разного лингвистического статуса и речевого дискурса, свидетельствует об их важности для носителей двух культур и языков.
2. Векторы осмысления в обеих культурах анализируемых типов осадков позволяют говорить о значительно более широком спектре ассоциаций, реализуемых носителями языка в литературной и речевой практике, нежели зафиксированные лексикографическими источниками.
3. Отдельные типы осадков – *снег, дождь и град*, обнаруживающие много общего в своей естественной природе и ее проявлениях, представляются – при известной доле общего в их видении – разными в их ментально-культурном осмыслении.
4. Значительное многообразие ассоциаций, связанных с дождем и снегом, по сравнению с представлениями о граде можно объяснить экстралингвистическими факторами – различиями в продолжительности и частотности наблюдаемых в жизни явлений, спектром их свойств и реальной утилитарной оценкой говорящими.
5. Представления об отдельных видах осадков образуют в каждой из культур систему признаков, актуализируемых говорящими, и складываются как из практических наблюдений за реальными природными явлениями, так и из

связанных с ними ассоциаций, формирующих метафорическое восприятие, соотнесение с миром эмоций.

6. Стереотипные представления об осадках в двух культурах и языках имеют много общего – особенно этой очевидно в отношении наиболее частотных признаков, отмечаемых говорящими. Тем не менее в результате сопоставления данных возможно выявление этномаркированных представлений, определяемых особенностями быта конкретного этноса, его традициями, условиями формирования ментальности. В русских устойчивых выражениях ощутима прагматичность, утилитарный подход и оценка анализируемых погодных явлений. В китайском же материале по сравнению с русским в большей степени проявляется связь сложившихся фразеологизмов с мифами и легендами, с традицией поэтизированного восприятия природы.
7. Массив устойчивых выражений, используемых современными носителями языка, с одной стороны, значительно сужается – в силу причин экстралингвистического характера, а с другой – пополняется новыми выражениями, актуализирующими отмеченные ранее признаки в новом семантическом направлении.

Результаты исследования прошли апробацию на международных и всероссийских конференциях: «XXII Международная научно-методическая конференция» (2017 г.), «XLVI Международная филологическая конференция» (2017 г.) «Международная фразеологическая конференция «Имена и фразеология»» (2017 г., Скопье), «I Международный лингвистический симпозиум "Язык, культура, этнос"» (2017 г., Бишкек), «13th World Congress of Semiotics» (2017 г., Каунас), «XXVII Международная научная конференция «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества» (2017 г.), «XLVII Международная филологическая конференция» (2018 г.). Ход исследования и его результаты также обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как

иностранный и методики его преподавания СПбГУ (2015-2018) и на фразеологическом семинаре при Межкафедральном словарном кабинете СПбГУ (2017). По теме диссертации опубликовано 6 работ, из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ – 3.

Структура работы

Работа состоит из введения, 2-х глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и источников и их сокращенных наименований и приложений.

Во введении приводится обоснование актуальности темы, определение объекта и предмета исследования, формулируются гипотеза, цель и задачи работы, указываются используемые в работе методы исследования, формулируются новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, определяется анализируемый материал.

В первой главе рассматриваются основные теоретические положения лингвокультурологии и ее место как особого направления в науке, раскрывается содержание терминов «языковая картина мира» и «фразеологическая картина мира», приводятся точки зрения ученых в отношении рассматриваемых проблем, даются определения исследуемых единиц – «пословицы», «поговорки», «сравнения», рассматриваются отдельные векторы лингвокультурологических исследований, проводимых как на материале одного языка, так и в аспекте анализа фактов одного языка на фоне другого; показана степень изученности аналогичного материала в иных аспектах и на примере других языков.

Во второй главе проводится лингвокультурологический анализ стереотипных представлений русских и китайцев об основных видах осадков – снеге, дожде и граде – с целью определения национально-маркированного и универсального.

Диссертация сопровождается **приложениями, списком литературы и использованных словарей.**

ГЛАВА I. Теоретические основы изучения одного языка на фоне другого в аспекте выявления этномаркированных особенностей языка и культуры

1.1. Сущность и предмет лингвокультурологии и ее место среди других дисциплин

Важность культурологии и лингвокультурологии в частности объясняется во многом способностью человека – в отличие от всех других существ – обладать культурой, которая зародилась и утвердилась с накоплением знаний в человеческом обществе. Культура есть не только совокупность предметов вещного мира, созданного руками человека, то есть города, мосты, здания, мебель и др., но и мир смыслов, которые человек реализует в своей деятельности; они могут быть вербализованы с помощью языка. Философ М. Хайдеггер считает, что «человеческая деятельность понимается и организуется как культура» [Хайдеггер 1986: 93].

Люди, живущие в самых разных местах планеты, работают и действуют по-разному, в соответствии со своим коллективным разумением и собственными привычками. В настоящее время, в процессе глобализации, стали возможными и частыми контакты представителей самых разных стран, что значительно увеличивает важность языка как средства ознакомления с нравами интересующей страны, особенностями ее культуры и характером деятельности другого этнического коллектива, как средства оптимизации межкультурной коммуникации. По мнению В.А. Масловой, язык как особый способ представления мира «служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации». Здесь внутренняя форма, соотносясь с лексическим значением, по словам В.А. Масловой, создает особую стереоскопичность словесного представления мира [Маслова 2001: 12, 46].

Весьма важным является приоткрываемый с помощью изучаемого языка другой страны образ мыслей его носителей, система взглядов на окружающий мир и шкала ценностей народа. Если «культуру можно

определить как то, что данное общество делает и думает», то язык есть указание на то, как думают [Сепир 1993: 193].

Таким образом, язык, являясь, с одной стороны, составной частью культуры, формой ее трансляции, играет, с другой стороны, важную и незаменимую роль в изучении культуры, хотя познание культуры через язык – задача не из легких, поскольку «культурное значение языковой формы лежит не на поверхности определенных культурных стереотипов, а в подоснове, на неосознаваемом уровне» [там же: 281].

Исследование отношений культуры и языка в науке весьма востребовано, а эффективность метода изучения культуры через язык обеспечивает изыскания ученых в нескольких актуальных лингвистических направлениях – лингвострановедении, этнолингвистике, лингвокультурологии. Исследование культуры предполагает и такой аспект исследования, как «интерпретация социокультурной и культурно-исторической информации в аспектах лингвокультурологии, поскольку культурно значимую информацию несут, заключают в себе языковые единицы (и языковые категории)» [Бельчиков 2009: 271].

Термин *лингвокультурология* появился в последние десятилетия – в значительной степени благодаря работам фразеологической школы. В 1998 г. на международном симпозиуме «Фразеология в контексте культуры» обсуждались методологические аспекты лингвокультурологии и принципы лингвокультурологического анализа фразеологизмов [Известия РАН.5: 77]. Специалист в области лингво- и фразеокulturологии, В.Н. Телия подчеркивала, что «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Телия 1996: 222].

Лингвокультурология получила статус самостоятельной науки и продолжает развиваться в настоящее время благодаря трудам С.Г. Воркачева [2004, 2007], Г.А. Токарева [2003], Е.И. Зиновьевой [2003, 2005, 2016], В.И. Карасика [2001, 2002, 2013], М.Л. Ковшовой [2014], В.В. Красных

[2002], В.А. Масловой [2001, 2018], М.В. Пименовой [2001], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2002], В.Н. Телия [1999] и многих других.

Любая новая наука на первом этапе своего появления не может не быть связана с другими науками – не составляет исключения и лингвокультурология.

Корни лингвокультурологии можно обнаружить в некоторых произведениях исследователей – В. Гумбольдта, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Э. Сепира и др. – их можно рассматривать как представителей первого периода развития науки [Маслова 2001: 28]. Размышляя над вопросами истории и философии языка, проблемой объединения русских народностей как реализации великой культурной идеи, гипотезой лингвистической относительности, они отмечали важность языка для человека и общества и сформулировали свой взгляд на взаимодействие языка и культуры, зависимость способа мышления народа от языка, на котором он говорит. Так, Э. Сепир пишет, что люди «в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества» [Сепир 1960:135].

В. фон Гумбольдт воспринимает язык и дух как равноценные вещи, высоко оценивает влияние духовной жизни на язык. По его мнению, чем сильнее воздействие духа на язык, тем богаче развитие последнего [Гумбольдт 1985: 47]. Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры [там же: 48]. Учёный считает, что и в сегодняшнем обществе, несмотря на чёткое разграничение материального и духовного, язык даёт человеку предпосылки и создаёт основу для развития всех сторон жизни: «Когда мы стремимся к бесконечному, первое побуждение, отвагу и энергию на этом пути мы получаем от языка» [Гумбольдт 1985: 113]. -Признавая существование языка в человеке, в движении каждой его мысли, сторонники гипотезы Сепира-Уорфа разделяли его мнение.

Размышляя над прошлым и будущим языка, над версиями его происхождения, А.А. Потебня, вслед за Гумбольдтом, признаёт связь языка с духом несомненной, хотя и критикует Гумбольдта за неоднозначность трактовки этой связи [Потебня 1989: 46]. Плодотворность изысканий А.А. Потебни видится в том, что язык не был для него изолированным феноменом, а, наоборот, был связан с культурой народа. Видя в языке порождение народного духа, А.А. Потебня признаёт, вместе с тем, обусловленность национальной специфики народа именно языком [там же: 5]. Для исследователя язык представляет собой «механизм, порождающий мысль», он указывает на неоспоримую связь строения языка с характером его умственной деятельности.

Ф.И. Буслаев – исследователь проблем народной поэзии, литературы и языкознания, основатель русской мифологической школы, рассматривает историю русского языка в тесной связи с историей фольклора и русской культуры в целом. Классическим стало его высказывание о том, что «в языке выражается вся жизнь народа. <...> Язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницей прошедшей жизни нашей» [Буслаев 1850: 49].

Лингвокультурология как наука возникла в конце XX века в результате смены научной парадигмы со структуралистской на антропоцентрическую, ценностную. Характеризуя лингвокультурологию как науку, современные ученые определяют ее сущность и акцентируют ее особенности по-разному. В.А. Маслова, рассматривая историю развития лингвокультурологии, называет труды В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира и др. как характеризующие первый период развития науки [Маслова 2001: 28]. По мнению В.А. Масловой, основанием для появления этого вектора в науке стало признание несомненной связи лингвистики и культурологии, способности языка к отражению многочисленных проявлений культуры народа [там же: 8]. Роль языка в аспекте лингвокультурологии определяется исследователем следующим образом: это изучение способов, которыми язык

воплощает в своих единицах и тем самым хранит и транслирует культуру [там же: 35].

Взаимосвязь языка, мышления и культуры несомненна – они составляют единое целое, состоящее из трех компонентов, «ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его видение и отношение к нему [Тер-Минасова 2008: 24].

В.В. Воробьев, приветствуя переход от традиционной лингвистики к «лингвистике антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью», и считая это лингвокультурологическое направление в области современных штудий своевременным и перспективным [Воробьев 1997: 6], весьма полно излагает его теоретико-методологические основания: это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления», т.е. систему норм и общечеловеческих ценностей [там же: 36-37].

Е.О. Опарина определяет лингвокультурологию как гуманитарную дисциплину, которая изучает «воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [Опарина 1999: 30]. В.А. Маслова говорит о лингвокультурологии как направлении науки, возникшем на стыке лингвистики и культурологии и исследующем проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [Маслова 2001: 8]. В. В. Красных, отмечая в качестве предмета лингвокультурологии изучение проявления, отражения и фиксации культуры в языке и дискурсе, указывает на непосредственную связь этой

дисциплины «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12].

Представители Санкт-Петербургской лингвокультурологической школы Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков, определяя лингвокультурологию как науку, исследующую все разнообразие способов представления знаний носителей того или иного языка об окружающем мире, говорят о возможности такого описания объектов изучения, которое полностью раскрывает значение анализируемых единиц [Зиновьева, Юрков 2009: 15].

Таким образом, сам человек, его ментальность, материальная и духовная культура, фиксируемые языком, входят в круг интересов лингвокультурологов.

Достоянием собственно антропологической парадигмы науки о человеке, «центром притяжения которой является феномен культуры», считает лингвокультурологию В.Н. Телия [Телия 1996:122]. Исследователь отмечает тесное переплетение культурного фактора в языке с языковым фактором в человеке. «В данной логике лингвокультурология выступает как наука о человеке, ядром притяжения которой является феномен культуры [Телия 1999: 34]. Таким образом, смыкание до некоторой степени лингвокультурологии с антропологической наукой можно усмотреть в их тесной связи с человеком и человеческим мышлением.

Человек становится важным объектом и когнитивной лингвистики, чьи теория и понятийный аппарат в определенной мере являются общими с лингвокультурологическими – в частности, позиции в отношении мышления и сознания, картины мира, метафоры, национально-культурная специфика и т. д. «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира» [Лебедева 1999: 21].

Картина мира, как важный элемент когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, привлекает к себе внимание многих исследователей – и тех, кто считает себя когнитивистами, и тех, кто относит себя к лингвокультурологам. Важность языка как средства познания окружающего

мира отмечается всеми исследователями. Так, Е.С. Кубрякова – автор словаря, представившего взгляды ученых и определения терминологического аппарата, используемого при концептологическом подходе к языку, обращается к проблемам «роли языка в осуществлении процессов познания и осмысления мира, в процессах его концептуализации и категоризации» [Кубрякова 1999: 4–5].

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что «когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное отношение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию» [Попова, Стернин 2002: 8].

В.В. Карасик и Г.Г. Слышкин указывают на тесную связь между лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой, обусловленную особенностями антропоцентрической парадигмы: оба направления связаны с рассмотрением языка в диаде «язык и человек» и уделяют значительное внимание проблеме картины мира и различных ее вариантов, «но в когнитивной лингвистике язык прежде всего изучается как когнитивный механизм, а в лингвокультурологии язык – феномен культуры, хранитель культурного кода нации» [Карасик, Слышкин 2001: 76].

Учитывая проявления ментального, М.В. Пименова делает важное наблюдение о том, что «в ходе теоретической и практической деятельности человек чаще имеет дело не с непосредственным миром, а с репрезентацией мира, с когнитивными моделями и языковыми схемами, существующими в языке» [Пименова 2001:55].

Лингвокультурология смыкается и с этнолингвистикой, хотя в рамках этой науки учёные обращаются в первую очередь к диалектному материалу, к языкам племён. Этнолингвистика представляет собой, по мнению Н.И. Толстого, «направление языкознания, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их

взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995: 27]. Продолжая выявление соотношения между двумя дисциплинами, следует упомянуть, что в этнолингвистических исследованиях используется диахронический метод, в то время как в лингвокультурологии – синхронный, а используемый в них инструмент – полевой лингвистический метод – является общим.

Основным же объектом лингвокультурологии является «часть содержательного плана языковых единиц всех уровней, которая обусловлена особенностями культуры, а также характер системноструктурных отношений в языке, сложившийся под влиянием культуры языкового общества» [Юрков 2012: 12].

В отличие от лингвокультурологии, разрабатывающей в первую очередь теоретические аспекты проблемы воздействия культуры на язык в синхронном аспекте, главный предмет лингвострановедения состоит в том, чтобы показать взаимоотношения культуры и языка на практике – основным направлением лингвострановедческих исследований, обращенных к изучению национально-культурной семантики русского слова, является аспект методический, связанный с преподаванием языка [Молчановский 1985: 8-39]. В аспекте лингвострановедения основной подход к языку – коммуникативно-деятельностный, а лингвокультурология – теоретическая наука [Зиновьева 2016: 3].

Различие между лингвострановедением и лингвокультурологией видится В.А. Масловой в том, что предметом изучения первой из них являются национальные реалии, нашедшие отражение в языке, а лингвокультурологию интересуют не только сами отражаемые языком национальные реалии, но и причины и характер их вербализации, а также механизм функционирования слов, являющихся вербальными оболочками [Маслова 2001: 12].

Представленные точки зрения учёных позволяют выявить общее в объекте названных выше дисциплин, увязывающих язык и культуру, и более

чётко определить предмет лингвокультурологии: это единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся «тем “каналом”, по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 11].

Роль языка в аспекте лингвокультурологии определяется В. А. Масловой следующим образом: это изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах и тем самым хранит и транслирует культуру [Маслова 2001: 35].

М.Л. Ковшова считает, что данное научное направление обращается в основном к анализу взаимодействия языка и культуры, языка и сознания. Исследователь характеризует используемый ею лингвокультурологический метод как ориентированный «на максимальную экспликацию процессов, которые происходят в сознании носителя языка» [Ковшова 2012: 58].

Объект и предмет лингвокультурологии к настоящему времени сформулированы достаточно чётко. Основным ее объектом является «часть содержательного плана языковых единиц всех уровней, которая обусловлена особенностями культуры, а также характер системноструктурных отношений в языке, сложившийся под влиянием культуры языкового общества» [Юрков 2012: 12]. Предмет же лингвокультурологии составляют единицы языка, которые приобрели «символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщают результаты собственно человеческого сознания», зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, поэтических и прозаических текстах, фразеологизмах, символах и поговорках (поговорках) и т.д. [Маслова 2001].

Лингвокультурология как наука имеет теоретико-методологические основания, полно изложенные в работе В.В. Воробьева: это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с

ориентацией на современные приоритеты и культурные установления», т.е. систему норм и общечеловеческих ценностей [Воробьев 1997: 36-37].

Таким образом, в круг интересов лингвокультурологов входят взаимоотношения культуры и языка, фиксируемые языком ментальность человека и общества, их материальная и духовная культура. Как пишет Е.И. Зиновьева, важнейшее значение в рамках лингвокультурологии придается исследованию различных способов представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что обеспечивает – через описание этих объектов – раскрытие значения анализируемых единиц, его оттенков, коннотаций и ассоциаций, отражающих сознание носителей языка [Зиновьева 2016: 12].

1.2. Единицы изучения в лингвокультурологии и их терминологическое содержание

В трудах исследователей в качестве единиц изучения в аспекте лингвокультурологии выступают явления, терминологически именуемые как лингвокультурема, логоэпистема, концепт, стереотипное представление, прототип, символ, эталон, код культуры, прецедентный феномен, культурный смысл [Алефиренко 2010, Воробьев 1997; Верецагин, Костомаров 2005; Воркачев 2004, Красных 2002; Ковшова 2007, Колесов 1999, Караулов 1987, Сорокин 1993, Юань Лиин 2016] и др. В данной работе мы будем оперировать терминами «стереотипное представление» и «лингвокультурная установка».

Лингвокультурология активно изучает стереотипы,¹ являющиеся важной частью лингвокультуры и охватывающие разные сферы человеческой жизни в качестве культурно и социально обусловленных мнений и традиционных представлений о качествах предметов, нормах поведения

¹ Одним из активно развиваемых направлений лингвокультурологического плана является изучение, например, гендерных стереотипов [Телия 1996, Рябов 2001, Рябова 2000, Кирилина 1999].

людей, сложившихся традиционных мнениях об окружающем мире [Карасик 2004: 98].

Важность стереотипов в формировании и описании языковых и культурных явлений в настоящее время не подвергается сомнению. К этому термину все чаще прибегают, решая вопрос об источниках приобретения знаний, языковых механизмах, участвующих в формировании разных типов знания [Косяков 2009: 3] и способах его вербального представления. Актуальность исследования стереотипов в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах видится в том, что стереотипы, раскрывающие «общие особенности национальных, социальных и других черт характера личности», имеют особую важность как когнитивный фактор и влияют на качество и эффективность межкультурной коммуникации, а изучение языковых средств создания стереотипов позволяет получить представление о разного типа механизмах их формирования [там же].

К языковым стереотипам С.М. Андреева относит суждения об определенном объекте внеязыкового мира, субъективно представляющие предмет, содержащие описательные и оценочные признаки, которые «являются результатом трактовки действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Андреева 2010]. Функцию таких стереотипов выполняют во многом устойчивые выражения – идиомы, формулы, устойчивые сравнения, пословицы. Так, в представление человека о мире, «формирующееся под влиянием культурного окружения (т.е. культурно-детерминированное представление), существующее как в виде ментального образа, так и виде вербальной оболочки», С.М. Андреева и Ван Ци включают информацию, репрезентируемую такими единицами, как *лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский* и др. [Андреева, Ван Ци 2010].

Стереотипы, формируясь в обществе, постепенно находят свое отражение в языке. Таким образом, язык, по мнению О.А. Леонтович,

является не только средством объективации стереотипов, но и служит в качестве инструмента, их воспроизводящего [Леонтович 2005: 238].

Термин «*стереотип*», появившись в методологическом аппарате социологии и социальной психологии [Филимонова 2003: 12], постепенно распространился на многие дисциплины и в том числе – лингвокультурологию.

С.М. Толстая пишет о расширении содержания термина *стереотип* следующее: «Если первоначально стереотип понимался как некоторая «субъективная» добавка к «объективному» образу объекта, а языковой стереотип – как коннотативная (оценочная) добавка к лексическому значению слова (аккуратностью не исчерпывается образ немца и значение слова немец), отражающая коллективное мнение о соответствующем денотате, то впоследствии стереотип стал трактоваться как целостная «наивная теория» объекта (предмета, лица или явления), включающая не только оценочные (коннотативные, интегральные), но и категориальные (идентифицирующие) признаки» [Толстая 2009: 262]. Стереотип в широком смысле, в отличие от суждений только о группах лиц либо их представителях, можно понимать как некую ментальную (семантическую) сущность, которая может быть представлена разнообразными языковыми формами.

Важность стереотипов речевого общения для диалога культур подчеркивает и Ю.Е. Прохоров, отмечающий, что через систему стереотипов как репрезентантов культуры в широком её понимании проявляется принадлежность человека к определенной культуре, т.е. национально-культурная идентификация личности [Прохоров 1996: 194]. Таким существенным элементом являются, по мнению Ю.Е. Прохорова, стереотипы речевого общения, важные для диалога культур [Прохоров 1996: 194].

Освоение стереотипных представлений, наряду с языковой компетенцией, является важным показателем глубокого понимания этнокультурной традиции определенного народа, ориентации в культурном

контексте. При этом освоение культурной традиции предполагает формирование стереотипов на уровне образов и концептов [Береснева 1994: 173].

Термином «представления» пользуется В.В. Красных, определяя предмет лингвокультурологии как выявление базовых оппозиций культуры, отраженных в зеркале языка. Она отмечает важность зафиксированных языком представлений об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и других, проступающих сквозь призму языка древнейших представлений, соотносимых с культурными архетипами [Красных 2002: 12]. В каждой национальной совокупности ментальных механизмов, формирующих в целом языковое сознание, существует и хранится стереотипное представление [там же: 178].

Стереотипные представления во многом формируют и отражают наивную картину мира и потому привлекаются в качестве единиц, участвующих в описании языковых и культурных явлений, при решении вопроса об источниках приобретения знаний и способах их вербализации.

Н.Ф. Алефиренко подчёркивает важность языковых стереотипов как субъективно обусловленных образов, которые «создают специфическую этносемантическую атмосферу языка и этнолингвистического мышления как результат репрезентации стереотипных восприятий мира в языке в соответствии с определяемой ценностью и семантическими качествами той или иной лингвокультуры» [Алефиренко 2014: 11]

По мнению Т.А. Григорьевой, стереотип представляет собой лингвоментальный феномен, двусторонний знак, «означающее которого — устойчивое упрощенное типизированное представление о предмете, явлении или ситуации (ментальный стереотип), а означающее — его устойчивая вербальная реализация или инвариант ряда реализаций (вербальный стереотип) [Григорьева 2003: 6].

Важным для нас представляется и уточнение, сделанное Е. Бартминьским, о важности для понимания существа стереотипа не столько

структурного вида высказываний (текстов), которыми он репрезентируется, сколько семантики слов и выражений, способа их толкования, что, безусловно, входит в языковую компетенцию говорящего на данном языке [Бартминьский 2005: 146]. По мнению исследователя, стереотипом является «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [там же: 148]. Такая интерпретация действительности закрепляется в языке в виде комплекса суждений о мире, отражается в грамматических формах, в лексике.

В настоящее время учёные все чаще обращаются к этнокультурным, этномаркированным стереотипам, к которым могут быть отнесены как представления «о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей» [Го Лицзюнь 2014: 84], так и увиденные их глазами представления о фрагментах окружающего мира и мыслимые ими абстрактные понятия, рассматриваемые в темпоральном, пространственном, духовно-нравственном, экзистенциальном и др. аспектах.

В нашем исследовании мы обращаемся к ментальному стереотипу в его вербальном воплощении – как проявлению языковой картины мира, некоему обобщению, получающему более или менее устойчивую вербальную реализацию – как в составе устойчивых выражений, отшлифованных длительным употреблением, так и в различных сферах и стилистических регистрах современного языка. Например, в исследовании Д.С. Трынкова, обращенном к немецкому языковому материалу, отмечается важность процесса стереотипизации и самих стереотипов, участвующих в формировании «определенной модели мира и сценария человеческого нахождения в нем». Стереотипы этнокультурного сообщества – в том числе и связанные с образами солнца и луны – появляются как результат взаимодействия внеязыкового знания о мире и знания, вербализованного в семантике слов. Это приводит к возникновению «культурно-языкового

образа называемых предметов, в состав которого входят стереотипные признаки, с которыми данный предмет ассоциируется в сознании языковой личности» [Трынков 2011].

Под *стереотипным представлением* нами, вслед за В.В. Красных, понимается в данной работе «фиксированная ментальная “картинка”, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типового” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2002: 178]. К таким фрагментам могут быть отнесены и рассматриваемые в данной работе представления об осадках – дожде, снеге и граде.

Одной из форм реализации стереотипных этномаркированных представлений являются *лингвокультурные установки*, которые часто выявляются при анализе законченных суждений – в первую очередь, таких, как пословицы, которые привлекаются к анализу и в данной работе. Так, В.Н. Телия, отмечая культурную значимость языковых единиц, их лингвокультурологический потенциал, понимает под *установкой культуры* «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [Телия 1999: 18].

По мнению В.А. Масловой, установки культуры есть имеющиеся у каждого народа определённые идеалы, которые «вырабатываются на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует установки» [Маслова 2001: 50]. Сюда же относятся и правила, упорядочивающие жизнь членов общества.

Н.Н. Семененко говорит в своих работах, посвященных изучению паремий, о мировоззренческих установках национального сознания, в которые включаются образная репрезентация характеризуемой пословицей ситуации и её оценка [Семененко 2011: 217], некое одобряющее или

порицающее отношение носителей языка к высказываемой в поговорке идее или представляемой в ней модели поведения.

Пользуясь разными терминами – *установки жизненной философии народа*», или *«прескрипции народной мудрости»* (В.Н. Телия, 1996), *идеологемы* (О.А. Корнилов, 2003), *культурные установки* (В.А. Маслова 2001), *лингвокультурные установки* (Е.И. Зиновьева, 2016), *базовые мировоззренческие установки* (Н.Н. Семенов, 2011), *логемы* (Л.Б. Савенкова, 2002), *ценностные ориентиры* (Е.Н. Комаров 2003) и др., – учёные сходятся в том, что национально-культурное своеобразие в каждом языке может проявляться на уровне установок культуры, отражающих принятое в сообществе носителей языка определённое прочтение предъявляемой (вербализуемой языковыми единицами) информации, типичные оценочные позиции, уровень общественного сознания.

Таким образом, даже общечеловеческие, т.е. универсальные, культурные установки могут вербализоваться в разных языках особым образом, что определяется рядом лингвистических, прагматических и культурологических факторов.

1.3. Языковая картина мира как важнейшее понятие лингвокультурологии

В.В. Красных, отмечая в качестве предмета лингвокультурологии изучение проявления, отражения и фиксации культуры в языке и дискурсе, указывает на непосредственную связь этой дисциплины «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12].

Осмысление окружающего мира – целого и отдельных его фрагментов, – носителями определенного языка, репрезентируемое разными его единицами, получило название «языковой картины мира».

Одним из первых на содержание языка и мышления, отмеченных национальной спецификой, обратил внимание В. фон Гумбольдт,

отметивший, что различные языки «являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [В. фон Гумбольдт 1985: 324]. Языковая картина мира признавалась исследователем зависящей от восприятия мира человеком, подвижной, динамичной.

В общем смысле, картина мира понимается как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2007: 51]. Помимо языковой картины мира, учёными выделяются также физическая, языковая, религиозная, поэтическая картины мира [Небольсина 2005: 302].

Ю.Д. Апресян видит в языковой картине мира, которую он называет наивной, результат отображения в определенной языковой форме, в словах – совокупности знаний об объективном мире, постигаемом в процессе осуществляемой человеком деятельности. «Наивная – не означает примитивная, за “наивностью” языковой картины мира стоит опыт десятков поколений» [Апресян 1995: 6, 39].

Лингвистов, лингвокультурологов и – шире – филологов языковая картина мира (ЯКМ) интересует в первую очередь как типичная для обыденного сознания определенного коллектива схема восприятия действительности, зафиксированная в языке [Яковлева 1994: 9; см. также: Шмелев 2002, 2009].

Предметом изучения для лингвокультурологов является, по мнению Н.Ф. Алефиренко, языковая картина мира как некая абстракция, языковое воплощение модели мира как таковой. Языковая картина мира – это совокупность наивных знаний, «зафиксированных на разных уровнях языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом», в которых отражаются константы русской культуры [Алефиренко 2010: 102-103].

Будучи одним из важнейших понятий лингвокультурологии, языковая картина мира получает разнообразные, но отнюдь не противоречивые

трактовки. Так, В.А. Маслова отмечает универсальность в целом свойственного языку способа концептуализации действительности. При этом за национально окрашенным видением окружающего мира, зафиксированным в языке, признается известная доля специфичности [Маслова 2001: 85].

Каждый язык располагает собственным способом восприятия и концептуализации действительности. Этномаркированность, т.е. своеобразие «конструируемой» картины мира, определяется тем, что в ней «опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт» [Песина 2014], поэтому картина мира является отражением социального и общественного сознания, хотя от нее нельзя ожидать, что она отражает мир достаточно последовательно и точно. С точки зрения С.А. Песиной, картина мира, отражаемая человеческим сознанием, «как глобальный образ мира или как специфически человеческий способ миропостижения связана с возможностями воспринимаемого и не может быть выполнена в “языке”, незнакомом человеку» [там же]. Следовательно, речь всегда идёт о языковой картине мира, характерной для носителя определённого языка.

При этом следует помнить и об избирательной фиксации явлений окружающего мира, поскольку на отраженный в языке способ его видения оказывают влияние социально-исторические характеристики жизни народа. А способ видения мира, зафиксированный в языке, определяет, в свою очередь, «активное социально-историческое сознание народа и его ежедневное поведение» [Карасик 2004: 198].

Д.Б. Радбиль пишет, что в языке откладываются прежде всего «все достижения в сфере духовной деятельности человека и этноса в целом. Язык как бы “прививает” нам определённый взгляд на вещи, определяет характер и направление умственной активности» [Радбиль 2017: 21]. Сопоставляя словарное описание слова с представлением носителя языка о той или иной физической или психической реальности, учёный заключает, что языковая

концептуализация информации является экстралингвистической; она не принадлежит системе языка, а составляет свод неявной, скрытой мирообразующей информации, являющейся результатом «нашего взаимодействия с окружающим миром» [там же].

Ю.А. Бельчиков же видит в языке средство отражения явлений не только духовной сферы. Будучи зеркалом жизни народа, язык способен закреплять в своих единицах – в первую очередь в лексике и фразеологии – сведения о самых разных явлениях народной жизни, отрицательных и положительных её сторонах, фактах истории и культуры, фиксировать факты как давно ушедшего времени, так и современности, «народный склад ума» и внутренний мир человека [Бельчиков 2009: 277-278].

М.В. Пименова считает, что языковую картину мира составляют ментальные модели, отображающие и фиксирующие в языке мировоззрение определенного сообщества [Пименова 2001: 20]. Выделив несколько разновидностей картины мира – фольклорную, мифологическую, религиозную, философскую, научную, обыденную, концептуальную», М.В. Пименова отметила и проиллюстрировала примерами несовпадение научной и наивной картин мира, но при этом – несомненную связь концептуальной и языковой картин мира: «Языковая картина мира эксплицирует компоненты концептуальной картины мира, является единственным средством доступа к национальной концептуальной системе» [Пименова 2011: 40, 146].

По мнению В.И. Карасика, языковая картина мира есть отраженный в языке посредством системы образов исторический и ментальный опыт народа, говорящего на данном языке. Она составляет часть ментальной картины мира, в ней можно выделить «определенные области или аспекты, такие, как, например, ценностная, эмотивная или юмористическая языковые картины мира» [Карасик 2004: 198].

Выделяя, помимо языковой, концептуальную картину мира, В.И. Карасик видит в ней результат соединения общечеловеческого,

национального и личностного и отмечает возможность изменения языковой картина мира, характерной для носителей определённого языка в зависимости от гендерных параметров и социальной принадлежности говорящих. С этим вполне созвучно мнение В.А. Масловой, допускающей различие между концептуальными картинами мира у людей, говорящих на одном языке, но принадлежал к разным возрастным группам [Маслова 2001: 67]. Такая точка зрения позволяет говорить о языке как инструменте познавательного процесса.

В сфере художественной речи исследователи отмечают характерное для того или иного писателя видение окружающего мира с его героями и их специфическое отражение в произведении – см., например: Хазагеров 1992, Исаева 1996, Немец 2002, Новосельцева 2005, Чакалова 2006 и др.]. Однако и в этом случае писатель как носитель языка, реализуя свою идею, отталкивается в произведении, безусловно, от национальной языковой картины мира, от этномаркированного когнитивного пространства. «В противном случае звучание авторского образно-ассоциативного камертона принципиально не совпадало бы с восприятием текста читательской аудиторией и утратило бы всякий смысл» [Селиверстова 2017: 124]. Писатель как особая языковая личность, раскрывая свое субъективно-индивидуальное видение мира – «сквозь призму собственного жизненного опыта», выступает, между тем, и как член социокультурного пространства, определяемого традициями и обычаями своего народа, культурными нормами и т.д. [Барановская, Полянская 2011: 109].

Считая языковую картину мира «коммуникативно-когнитивным уровнем языковой способности личности», Е.М. Зотова анализирует коммуникативно-когнитивную организацию художественной картины мира в рассказах Б.В. Шергина, где язык как средство обеспечения коммуникативного взаимодействия играет значительную роль [Зотова 2013: 17].

Таким образом, в данной работе под языковой картиной мира понимается вслед за О.А. Корниловым, запечатлённый в лексике и фразеологии национального языка так называемый «отражённый мир», который является проекцией внешнего мира, производимой этническим языковым сознанием и несёт в себе информацию об особенностях национальной ментальности [Корнилов 2000].

Языковая картина мира постигается за счет изучения разных языковых единиц. П.А. Небольсина, отвечая на вопрос, представляют ли языковую картину мира только лексико-семантические средства языка или же весь строй языка, включая морфологию и синтаксис, приводит разные позиции исследователей [Небольсина 2005: 303-304]. Если Э. Сепир был сторонником первой позиции, признавая право на выражение национальной специфики только за лексикой, то в настоящее время можно говорить «о влиянии какой-либо национальной черты если не на всю базовую структуру языка, то, по крайней мере, на ту или иную синтаксическую или морфологическую категорию» [там же]. Так что позволительно говорить и о культурно обусловленном выборе грамматических форм.

По мнению В.И. Карасика, «языковые картины мира различаются в грамматическом и лексическом отношении», при этом грамматическая специфика языкового картирования мира, касающаяся только содержательных грамматических категорий, производна все же от лексической ее специфики [Карасик 2004: 198].

О.А. Корнилов, не отрицая роли всех разделов языка – синтаксиса, фонетики, морфологии – в качестве источников информации об особенностях национального характера, говоря о языковой картине мира, имеет в виду, в первую очередь, лексико-фразеологические средства языка, выполняющие, по его мнению, «функцию фиксации национального видения мира» [Корнилов 2003: 105].

В лексике видят возможность яркого отражения характера и мировоззрения народа А.Д. Шмелев и Т.В. Булыгина, выделяющие широкий

спектр различных слов – соответствующих определенным аспектам универсальных философских концептов; особым образом выделенных понятий; мелких слов, в которых выражается национальный характер [Булыгина, Шмелев 1997: 491].

Анализ фразеологических репрезентаций отдельных ментальных структур, типичных для носителей языка, не случайно служит основой для воссоздания национальной картины мира в любом языке. Фразеология в широком смысле – фразеологические единицы (ФЕ), пословицы, устойчивые сравнения – являются богатным материалом, демонстрирующим особенности мировоззрения носителей языка [Максимовских 2009: 90].

Лингвокультурологи и когнитивисты, рассматривая языковую картину мира носителей определенного языка не случайно включают в массив анализируемых единиц фразеологизмы.

Еще Б.А. Ларин, признавая фразеологические единицы важной составной частью языковой системы, отмечал их особую роль как входящих в национальную историко-культурную сокровищницу: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы» [Ларин 1977: 156].

Особую роль фразеологических единиц, пословиц и других типов паремий, прецедентных текстов в изучении языковой картины мира отмечает и В.И. Карасик [Карасик 2004: 198].

Фразеологизмы можно рассматривать как единицы лексико-фразеологического словаря языка, отражающего в совокупности пропущенные через призму ментального восприятия сведения об окружающем мире, или же выделять особый подход, состоящий в соотнесении только фразеологических единиц языка – сравнений, идиом, пословиц и проч. – с «таксонами культуры», результатом которого является содержание национально окрашенной культурной коннотации [Телия 1996: 253].

Интерпретация фразеологизмов как культурных знаков осуществляется при обращении к фразеологической картине мира (ФКМ), которую мы, вслед за Р.Х. Харуллиной, понимаем как «часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии», где каждая ФЕ является элементом системы и «выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности» [Хайруллина 2008: 13]. По мнению Р.Х. Хайруллиной, фразеологическая картина мира представляет собой универсальную, т.е. имеющуюся в любом из языков, образную систему особых языковых единиц, передающих своеобразие национального мировидения, антропоцентричных и экспрессивных [там же: 12].

В качестве одного из важных признаков ФКМ В.А. Маслова называет обращенность на субъекта, поскольку фразеологизмы предназначены не столько для описания мира, сколько для его интерпретации и выражения к нему своего субъективного отношения [Маслова 2001: 82], вербализации «лингвокреативного потенциала человеческого мышления» [Буянова 2012: 4].

Интересен взгляд на единицы, составляющие фразеологическую картину мира, высказанный Д.О. Добровольским [Добровольский 2009] и поддержанный М.Г. Соколовой [Соколова 2010] и другими исследователями. Это позиция, основанная на признании совмещения в ФЕ двух планов – прямого и переносного и, следовательно, наличии двух картин мира, воссоздаваемых средствами фразеологических единиц. В одном из вариантов ФКМ (1) представлена единицами, рисующими – на основе буквального прочтения идиомы – образные и символические (сюрреалистические) картины, невозможные в реальной жизни (ср.: *сесть в калошу, толочь воду в ступе, биться головой о стену*). В этой картине мира проявляются «следы» обычаев, традиций, исторических событий и элементов быта [Добровольский 1990]. Вторую же часть фразеологической картины мира – современную (2) – ФЕ создают своими сигнификативными значениями. Общепонятными и вполне актуальными являются образы, представленные в ФЕ *палец о палец не*

ударить, плевать в потолок, дрожь в коленках, мурашки бегают по спине, рукой подать, в двух шагах, под самым носом и др., картирующие современную носителям языка действительность [Там же].

Фразеологические единицы не только свидетельствуют об особенностях яркого образного мышления этноса, но и – самим выбором квалифицируемых и оцениваемых предметов и явлений окружающего мира – подтверждают их значимость для носителей языка и формируют особую призму мировидения. Фразеологизмы, по мнению В.Н. Телия, являются «наиболее прозрачными для воплощаемых средствами языка концептов “языка” культуры» [Телия 1999: 9].

Лингвокультурологический потенциал фразеологизмов – в самом широком понимании, т.е. включая устойчивые сравнения, поговорки, пословицы, – базируется на том, что фразеологический фонд каждого этноса репрезентирует в яркой, запоминающейся, этномаркированной форме события и факты истории, предметы и явления окружающего мира и свое отношение к ним. Во фразеологии, как пишет Л.П. Юздова, можно выявить глубинные философские воззрения человека и представления об окружающей его реальности, «понять истоки современной духовной культуры нации», увидеть особую ценностную картину мира [Юздова 2009: 123]. Благодаря фразеологическим средствам можно воссоздать спектр актуальных для носителей определенного языка и типичных для них эмоций [Зверева 2002].

1.4. Лингвокультурологический подход как средство выявления этномаркированных особенностей языка и культуры

Лингвокультурологический подход к анализу материала определенного языка, ориентированный на выявление национальной специфики как в видении окружающего мира, так и в его языковом отражении, реализуется преимущественно на фоне другого языка, что позволяет особенно наглядно

представить этномаркированное в сопоставлении с универсальным, общечеловеческим.

«Врастая» в некий язык, становящийся родным, человек, по словам Й.Л. Вайсгербера, находится в течение всей своей жизни под его влиянием [Вайсгербер 2009: 30]. Это, безусловно, касается не только используемых языковых форм и категорий, но и традиционной концептуализации мира и «рационализации человеческого опыта», проявляющихся в языке как «выразителе и хранителе бессознательного стихийного знания о мире» [Постовалова 1999: 26].

Появившиеся в последние десятилетия многочисленные работы, основанные на материале двух и более языков, свидетельствуют о важности этой активно развивающейся парадигмы в науке и эффективности лингвокультурологического подхода для выявления национального окрашенной языковой картины мира и ее отдельных фрагментов. Результаты взаимодействия «двух разных семиотических систем» – языка и культуры, «между которыми существуют отношения интеракции» [Зыкова 2016: 452], особенно хорошо видны при анализе особенностей восприятия мира и явлений культуры, вербализованных средствами одного языка, на фоне языкового материала носителей иной культуры, что позволяет выявить в каждом случае ощутимые сходства и различия.

Язык как образующий, по В.Н. Телия, «фундаментальный уровень культуры» является составляющей важной цепи «человек – язык – культура», каждое звено которой является неотделимым от других [Телия 1999: 237].

Лингвокультурологическое направление в науке реализуется в разных аспектах. Во-первых, языковая объективация (вербализация) представлений носителей определенного языка и культуры может анализироваться с позиций коллективной языковой личности – с опорой на лексикографические источники и многочисленные контексты из литературы разных стилей и жанров, отражающие традиционные общие представления о некотором

фрагменте языковой картины мира [Малафеев 2012; Зыкова 2013; Хохлова 2004; Григорьева 2003; Купчик 2006; Кривошاپко 2010, Яценко 2003 и др.].

Так, на словарных данных, а именно многочисленных пословиц, представленных в современных лексикографических источниках, основываются авторы-паремиологи, исследующие роль народной афористики в отражении русской этноязыковой картины мира и выделяющие ее этноспецифические признаки, актуальные для русской лингвокультуры [Жданова 2000, Ильина 2013, 2014; Ипанова 2005, Савенкова 2002, 2004; Селиверстова 2016 и др.].

На ограниченном языковом материале, представленном региональной языковой макросистемой и микросистемой отдельного говора Архангельской области, Н.В. Хохлова выявляет способы концептуализации природы внутренней формой лексических единиц, вербализующих такие явления, как снег и дождь [Хохлова 2004: 9].

В информационный объем пословичной картины мира, представленной словарными единицами, включаются, как пишет Е.В. Маркелова, «ценности, имеющие универсальную значимость для всех членов этносоциума», – такие, как мировоззренческие установки, морально-этические ценности и характеристики практической деятельности, отражаемые в провербиальных смыслах [Маркелова 2004: 2].

С другой стороны, творчество большого писателя как художественное целое, побуждающее исследователей к глубокому лингвистическому и литературоведческому анализу и осмыслению, позволяет увидеть результаты интегрирующего взаимодействия словарных значений, традиционных этномаркированных представлений и личного опыта автора, взаимодействия, находящего отражение в поэтике автора, «особенностях художественного мира и его константных оснований, определяющих творчество писателя». Такой подход реализуется, например, в работе Т.А. Мегирьянц «Концепт “город” в творчестве Б. Пастернака», позволяющей на примере денотатов города выявить специфические

смысловые уровни концепта, увиденного в контексте развития литературы первой трети XX века [Мегириянц 2002: 8].

Изучению поэтической картины мира в ее репрезентации через художественные концепты – сложные, личностно-индивидуальные, эстетические – посвящены многие современные работы, написанные в аспекте лингвокультурологического анализа. Так, например, С.А. Кривошапко рассматривает пространство и время в поэтическом тексте (С. Есенина) с целью выявления способов создания с помощью разноуровневых языковых средств (ключевых слов-репрезентантов) в их разнообразных связях особой художественной реальностью. Итогом данного процесса становятся «индивидуально-авторская пространственная и темпоральная картины мира», структурирующие художественное пространство. «Фактически, – пишет исследователь, – это система мнений и знаний человека о мире, отражающая его познавательный опыт» [Кривошапко 2010].

Самые различные фрагменты языковой картины мира получили освещение в научных работах последних лет. В качестве основной мотивации подобных исследований можно считать высказывание проф. В.В. Колесова о способности языка закреплять в себе особые черты нации. Он писал: «Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры [Колесов 1999: 81] и, безусловно, в репрезентирующих их языковых единицах.

Обращаясь к изучению отдельных лингвокультурных образований (концептов, макроконцептов, лингвокультурем и т.д.), ученые стремятся к выявлению совокупности способов – а затем и специфики – вербализации в русском (или ином) языке этнокультурных стереотипов, проявлений национального сознания, этномаркированных нравственных оценок и т.д.

Это направление разрабатывается в работах Л.Ю. Буяновой и А.Р. Ерошенко, рассматривающих особенности вербализации в русской

культуре констант «жизнь», «душа», «любовь» как основы русской ментальности [Буянова, Ерошенко 2003], В.П. Синячкина, отмечающего этнокультурную эволюцию понятия *хлеб* в русской культуре и вычленяющего на основе данных словарей, Библейских текстов, народных традиций и фольклорных ритуалов основные лингвокультуремы («хлеб как жизнеобеспечивающее средство существования», «хлеб как проявление хлебосольства» и др.), составляющие в совокупности «фундаментальную лингвокультурную константу на пространстве русской культуры» [Синячкин 2003].

В.С. Ли, рассматривая носителя русского языка с точки зрения языковой этики, проявляющейся как на уровне лексики – уже самого факта наличия таких слов, как *ябедничать* и *жаловаться*, *подсматривать* и *смотреть*, так и в массиве фразеологических устойчивых выражений языка. Участвующими в выражении «морализующей коннотации» признаются также, по мнению автора, такие «прагматические клише», как *не покладая рук*, *обливать грязью*, *бросать слова на ветер*, *гонять собак*, *длинный язык у кого* и др. [Ли 2012: 80-81]. Ср. также находящиеся в русле этой научной парадигмы исследования работы С.Г. Воркачева [Воркачев 2007], В.В. Калько [Калько 2008], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2018], Н.А. Лантух [Лантух 2003], Е.И. Селиверстовой [Селиверстова 2018] и др.

Изучение языковой картины мира в аспекте сопоставления отраженных в ней особенностей культуры представителей разных этносов – направление исследования, актуальность которого подтверждается значительным количеством работ. В развитие сравнительно-противопоставительного лингвокультурологического и когнитивного анализа значительный вклад вносят работы таких исследователей, как Н.Ф. Алефиренко [2011], А.С. Алешин [2010], С.Г. Воркачев [2007], М.Л. Ковшова [2014], Н.Н. Изотова [2012], В.А. Пищальникова, В.В. Киселев [2015], А.А. Рольгайзер [2015], Е.Г. Стешина [2012], Ле Минь Нгок [2011], Т.А. Эмих [2005] и др., рассмотревших данные русского языка на фоне

английского, немецкого, шведского, словацкого, вьетнамского, японского и т.д.

Большую часть таких исследований составляют работы, ориентированные на показ специфики видения мира носителями одного из языков на фоне другого. При этом исследователями анализируются лексические и фразеологические средства вербализации этномаркированных представлений и когнитивных признаков.

Показывая вербализуемое фразеосредствами двух языков – русского и чешского – представление об умном человеке, Е.М. Маркова отмечает различия в культурных кодах, участвующих в передаче семантики «умный», демонстрирует различные когнитивные модели, основанные на «идеях заполненности, наличия головы как вместилища ума» и др., на ассоциации с мотивами света, на сравнении с чертом и проч. [Маркова 2012: 84-85].

Диссертационное исследование Н.Ю. Перфильевой «Специфика вербализации концепта “погода” средствами русского и английского языков» позволило на лексическом и фразеологическом материале показать сложный характер данного образования в русской и английской культурах, выявить существенные отличия – статичность и нейтральную коннотацию – концепта «Погода» в русской языковой картине мира, а также – реализацию в английской языковой картине мира признака процессуальности и негативную коннотацию, ассоциируемую с тем, что «надо пережить как нечто неприятное, но неизбежное» [Перфильева 2008:10].

Пристальное внимание исследователей привлекает паремиологическое пространство языка – в аспекте сопоставления способов вербализации отдельных фрагментов фразеологических картин мира. Это направление представлено в диссертациях Е.А. Ошевой, привлекающей материал русского и английского языков [Ошева 2013].

В работе Ани Рахмат, основанной на паремийном материале русского и индонезийского языков, выявляется национально-культурная маркированность пословиц, репрезентирующих концепт *семья*, что позволяет

получить достаточно широкое представление об универсальном и национально-специфичном в двух языках на уровне установок культуры, стереотипов, образов и символов двух культур [Ани Рахмат 2013]. В обоих языках и культурах понятие весьма актуально, что доказывается наличием обширных номинативных полей; концепт *семья* имеет сложную структуру, представляющую собой интегральную совокупность ряда более конкретных, по отношению к нему, микроконцептов (*мать, отец, дети, муж, жена* и т.д.). Национально-специфичными являются языковые средства выражения часто близких культурных смыслов, конкретные формы и способы реализации значения, наиболее характерные для определённой лингвокультуры. Например, для русской лингвокультуры оказывается не характерной констатация неудачного брака, распавшейся семьи; ср. в индонезийском *Итали сломались, и лопарь лопнул; Дерево, сучья, ветки – всё стало хрупким*). В русском языке также отсутствует образно выраженная мысль о стремлении семьи к счастью и процветанию (ср. инд.: *Вести лодку к острову надежд; Вести семейный корабль к берегу мечты*) [Там же].

Можно назвать работы, в которых авторами выявляются представления об окружающем мире, сформировавшиеся в трех и более языках [см.: Трынков 2011 и др.]. Следует признать, что во многом это исследования, основанные на фразеологическом материале. Так, в работе Л.Ш. Кубединовой о правде и лжи на основании изучения фразеологической микросистемы «речь» в крымскотатарском, русском и английском языках делаются выводы об образном своеобразии единиц каждого из языков, о разной степени сдержанности в выражении своей прямоты и недовольства, характерной для разных культур; о шкале аксиологических оценок, о сходстве и различиях в вербализации правдивых и ложных намерений [Кубединова 2012: 270-272].

Диссертация М.А. Бредиса, посвященная особенностям стереотипных представлений о деньгах и денежных отношениях, отразившихся в пословицах, основана на материале пяти языков – русского, немецкого,

английского, литовского и латышского, что позволяет автору увидеть степень близости и расхождения в их паремиологических фондах. Привлечение многоязычного языкового материала позволяет увидеть как влияние генетического родства и наличия близких контактов на формирование пословичных массивов в отдельных культурах и способы осмысления в них явлений окружающего мира, так и полную от них независимость. Изучив отразившиеся в паремиях соотношения понятий «деньги», с одной стороны, и «ум», «любовь», «дружба», «бережливость», «скупость», «правда», «заботы», «долг» – с другой, исследователь делает вывод о том, что «образная составляющая пословиц в разных языках может иметь различия, а совпадение пословиц по смыслу в языках соседствующих народов делает эти различия более заметными». Эти различия могут быть обусловлены этническими особенностями, традиционностью образной системы конкретного языка, спецификой национального менталитета [Бредис 2017: 9]. Упоминание в пословицах денежных единиц, – пишет М.А. Бредис, – даёт дополнительные сведения относительно истории и культуры, морально-этических норм каждого из народов [Там же: 20].

Обращаясь к анализу лингвокультурных реалий русской языковой картины мира на фоне иного языка и иной культуры, исследователи выявляют в каждом случае ощутимые сходства и различия. Немало исследований последнего времени ориентировано на анализ материала русского языка на фоне аналогичного материала китайского языка. К примеру, на фоне китайского языка Пи Цзянкунь рассмотрел оппозицию *правда-ложь*, вербализуемую паремийными средствами в двух языках и выявил характерные для двух культур стереотипные ценностные представления, установки и эталоны. Это позволило ему разработать алгоритм лингвокультурологического анализа пословиц, включающего выделение ментальной установки лингвокультуры, вербализованной в рассматриваемых единицах, определение ее двойственности или однозначности, характеристику образа, лежащего в основе паремии, и

пословичного бинорма. Исследователь показал, каковы процессы метафоризации компонентов *правда, истина, ложь, кривда, неправда* и языковых способов их персонификации и особенности употребления русских ПЕ в современных текстах [Пи Цзянкунь 2014].

Изучая концепт «Время», вербализованный паремийными средствами китайского и русского языков, О.В. Чибисова и И.В. Каминская приходят к важным выводам лингвокультурологического плана: о необходимости учитывать важную роль пословицы в создании эстетически значимой языковой картины мира и одновременно не оставлять без внимания особенности пословиц в конкретном каждом языке. Их сопоставительный анализ позволил увидеть своеобразие восприятия категории времени в китайской культуре, отличного от русского. «китайцы рассматривают «время» прежде всего как нечто продолжительное и быстротечное, русские же – как нечто последовательное» [Чибисова, Каминская 2012: 102]

1.5. Опыт изучения фразеологии в лингвокультурологическом аспекте

Фразеология, включающая в широком понимании языковые единицы, характеризующиеся определенной долей устойчивости и воспроизводимости разного статуса – пословицы, поговорки, устойчивые сравнения, а нередко и крылатые выражения и афоризмы, давно признается «зеркалом культуры», «автобиографией народа» [Телия 1999: 9]. Основания для этого видятся в их способности запечатлеть различные стороны жизни народа – обиходно-бытовой, духовной, ментальной. «Фразеологизмы, – пишет А.М. Мелерович, – осуществляют моделирование фрагментов реального мира в соответствии с возможностями своей категориальной сущности» [Мелерович 2008: 29]. Наряду с другими языковыми единицами они организуют мыслительную деятельность, кодируют определенные кванты человеческого знания. Наличие национально-культурного компонента отмечает во фразеологическом значении и В.М. Мокиенко, обращаясь, в частности, к истории происхождения таких русских ФЕ, как *делить шкуру неубитого*

медведя и медвежья услуга, и анализируя не только языковые, но и экстралингвистические факты [Мокиенко 2012: 10-12].

Активная разработка теории фразеологии – в работах В.П. Жукова [1978, 1986], А.В. Кунина [1986], А.И. Молоткова [1977], В.М. Мокиенко [1989], Г.Л. Пермякова [1988] и др., пришедшаяся на 70-80-е годы прошлого столетия, привела к выявлению основных структурно-грамматических, семантических и стилистических характеристик фразеологической единицы.

«Классические» фразеологизмы – это самостоятельные, воспроизводимые, относительно устойчивые единицы, представленные словосочетаниями различной структуры, обладающие семантической слитностью, т.е. целостным значением, и экспрессивностью [Мокиенко 1989: 5], исполняющая во фразе функцию члена предложения. Фразеологизму свойственна семантика лексического характера, т.е. значение целого не складывается из суммы значений составляющих словосочетание слов.

Источниками фразеологических единиц являются самые разные жизненные сферы, однако общий принцип их возникновения един. ФЕ формируются следующим образом: повторяется определенная, достаточно типичная ситуация, которая соответствует буквальному значению словосочетания – прототипа ФЕ. К примеру, человек работает, не закатывая длинных рукавов. Запечатлеваясь в памяти, этот образ, соотносимый со словосочетанием, становится со временем знаком несерьезного отношения к работе; словосочетание приобретает переносный смысл [Опарина 1999: 67]. Этот образ становится внутренней формой фразеологизма и хранителем некоторой доли информации о национальной культуре. Внутренняя форма включает в себя культурный подтекст – мифы, обычаи, ритуалы, информацию об исторических событиях. «Фразеологизмы исследуются как языковые единицы, служащие для наименования (номинации) мысли (представления) об объектах материального или идеального мира, их свойствах и отношениях, сформировавшейся в сознании человека в процессе его познавательной деятельности [Кравцов 2008: 219].

Фразеологизмы поэтому не случайно стали объектом пристального внимания лингвокультурологов: они несут в себе яркие признаки национального колорита. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц предполагает выявление «отзвуков» культуры, традиций, далекого прошлого в существующих устойчивых единицах. «Посредством отбора кодирующих единиц, инкорпорированных в структуру устойчивых оборотов, лингвокультурологами осуществляется вербальная репрезентация культурных ценностей, ассоциаций, эталонов разнообразных качеств, действий, сопоставлений и пр.» [Козлова 2008: 236]. Совокупность единиц – в том числе пословиц, отражающих те или иные важные для человека представления – например, о воспитанности и невоспитанности, о толерантности, вежливости и других отмечаемых говорящими проявлениях поведения и отношений между людьми [Жукова 2006; Зацепина 2007; Михайлова 2005; Пищальникова, Киселев 2015 и др.], иллюстрирует особенности мировоззрения носителей определенного языка [Максимовских 2009: 90] и в этом смысле представляет собой благодатный материал для лингвокультуролога.

Изучая языковую и культурную семантику фразеологизма, М.Л. Ковшова пишет, что «фразеологизмы в ходе трансляции ими культурных смыслов выступают в качестве символов, эталонов, стереотипов, то есть берут на себя роль знаков “языка” культуры» [Ковшова 2012: 346]. Это отмечается также и И.В. Зыковой: «В культурной или национальной обусловленности фразеологизмы не только не утрачивают своей теоретической значимости, но и обретают новую силу в рамках современного культурологического подхода к фразеологии» [Зыкова 2014: 120].

Фразеологизмы являются бесценным культурным достоянием каждого народа, с одной стороны, в силу того, что «корнями уходят в историю народа», связаны «с обычаями и традициями предков, бытом и укладом их жизни», с обиходно-эмпирическим опытом народа [Гарипова 2012: 81].

Источником культурного знания становится при этом внутренняя форма фразеологизма.

С другой стороны, устойчивые выражения участвуют в отражении национально-маркированного своеобразия и своими переносными значениями – особенно это касается пословиц. Так, Е.В. Иванова выделяет в пословице различные «единицы содержательного плана», имея в виду такую информацию, как, например, отмеченные в пословице *Не все то золото, что блестит* когнитивная тема уровня значения («Внешний вид обманчив») и когнитивная тема уровня внутренней формы («Золото блестит») [Иванова 2002: 60]. Вероятно, можно говорить в данном случае и о фрагменте знания (опыта) «Не <только> золото способно блестеть».

Устойчивые сравнения являются одним из значительных разрядов фразеологических единиц. Включение их в общую фразеологическую систему оправдано уже самой природой сравнения, – пишет В.М. Мокиенко. «Оно – не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Сравнение экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации» [Мокиенко 2016: 37].

Устойчивое сравнение определяется как «образное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему признаку» [Горбачевич 2004: 4]. Ценность сравнения видится в его способности сближать разные предметы (свойства, явления и т.д.), что «помогает раскрыть в объекте сравнения, кроме основного признака, ряд дополнительных, а это, естественно, обогащает художественное впечатление» [Там же].

Устойчивые сравнения – это богатейший материал, исследуемый в разных аспектах. Так, Е.К. Николаева, исходя из культурной значимости образов устойчивых сравнений, рассматривает обороты, соотносимых с пищевым культурным кодом как проявлением нормативно-ценностной системы вторичной номинации. Так, компонент сравнения *мёд* выступает в

качестве разнообразных эталонов – вкусной еды, умной речи, приятной беседы, доброго отношения и т.д. [Николаева 2016: 153-154].

Обращение к системе эталонов, используемых в качестве образной части сравнительного оборота, осуществляется как в рамках одного языка, так и в сопоставительном аспекте, поскольку позволяет наглядно представить важность этих единиц в качестве источника информации о ценностной ориентации носителей определенного языка и культуры. Так, на примере компаративных единиц русского и чувашского языков И.В. Кузнецова и М.Р. Лукина выявляют, во-первых, систему межъязыковых соответствий – от наличия эквивалентов до полного отсутствия близкого оборота в одном из языков, и, во-вторых, обнаруживают примеры, подтверждающие «яркую самобытность, своеобразие образного видения мира». Это такие обороты русского языка, как *ломаться как тульский пряник, блестеть как начищенный самовар, как с гуся вода* и др. Показательно и разнообразие примеров самого разного осмысления эталона *лунь* в русских сравнениях – при отсутствии его в чувашском языке [Кузнецова, Лукина 2016: 195-196] примеры одно эквивалент с

Русские устойчивые сравнения на фоне их китайских аналогов рассматриваются в работе Юй Фэнин «Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира». Автор отмечает значимость устойчивых сравнений в обеих культурах и языках, их экспрессивность и наглядность и показывает их национальное своеобразие, обусловленное сложившимися в определённой культуре стереотипными ассоциациями и представлениями. Общими чертами сравнений является использование сходных эталонов – образов животных и птиц, реалий мира природы, что объясняется общностью жизненных наблюдений, универсальностью лингвокультурных кодов. Однако в работе описаны и существенные различия как в форме выражения сравнения, так и в образности. В китайском языке, например, отсутствуют сравнения, направленные на характеристику черноты волос человека, а также эталоны,

относящиеся к группе наименований, связанных с семантикой смерти (ср. в русском *бледный как смерть, как покойник*) [Юй Фэнин, 2016: 3, 21].

Лингвокультурологический анализ, проводимый А. С. Алёшиным на материале устойчивых сравнений шведского языка, рассматриваемых на фоне русского языка, выявил выявить «национально-культурную детерминированность устойчивых сравнений» [Алёшин 2010: 89].

Носителями этнокультурной информации являются, безусловно, и пословицы – выражения, имеющие народное происхождение, грамматическую форму законченного предложения, выполняющие преимущественно назидательную функцию. В.И. Даль, автор одного из авторитетнейших собраний паремий русского языка, так определяет пословицу – это «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Даль 2004: 14]. В.М. Мокиенко видит в пословице «логически законченное образование, образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко 2010: 8].

Проводя водораздел между пословицами и поговорками, В.П. Жуков определил обе единицы следующим образом. Пословицы – это краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план (или только переносный) и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение, а поговорка – это краткое народное изречение, имеющее только буквальный план [Жуков 2000:11].

Отмечая художественные достоинства пословиц как единиц фольклорного жанра, Г.Л. Пермяков называет их «художественными миниатюрами, в яркой, чеканной форме обобщающими (моделирующими) факты действительности» [Пермяков 1988: 14]. Исследователи отмечают также их лаконичную форму и глубокое содержание.

Все три названные нами типа устойчивых выражений принадлежат фразеологии, являются хранителями культурно отмеченной информации и

активно привлекаются исследователями для выявления сходства и различий в ментальном осмыслении окружающего мира представителями разных этносов и, соответственно, культур.

«Запечатлённая в пословицах и поговорках народная мудрость и красота образов, с помощью которых она выражена, – это прямое отражение красоты и мудрости коллективного языкового сознания данного народа» [Корнилов 2003: 324].

Работая в русле лингвокультурологического подхода к фактам языка, исследователи отмечают значительные трудности его реализации. Так, И.С.Просвирнина и Шао Жуй, изучающие устойчивые выражения в русском и китайском языках, вербализующие представления о скромности, отмечают очевидное несовпадение выделяемых в двух языках классов фразеологизмов, паремий и метафор, их структурные, семантические и стилистические особенности, создающие, в частности, существенные трудности при попытке адекватной передачи выражения с одного языка на другой [Просвирнина, Шао Жуй 2013: 97]. Однако исследователи обнаружили и существенные черты сходства во фразеологии двух языков, близость культурных кодов, используемых при выражении семантики. Отмечена авторами и специфика в использовании фразеологии в двух языках: незначительность отличия пословиц от поговорок (фразеологизмов) в китайском языке и большая характерность устойчивых выражений китайского языка для письменной речи – «как по происхождению, так и по современному употреблению» [Просвирнина, Шао Жуй 2013: 101].

Е.И. Зиновьева отмечает, что «при наличии универсальных черт паремии отличаются национально-культурным своеобразием в каждом языке, могут быть различными образные средства языка, лексическое наполнение паремий, что обусловлено различиями истории, традиций, уклада жизни, быта народов – носителей языка; вербализуемые установки культуры также могут отличаться» [Зиновьева 2016: 19].

В работе «Фразеологизмы с элементом "вода" в русской лингвокультуре на фоне китайского языка: лингвокультурологический подход» в фокусе внимания авторов находится особая семантика, выявляемая с помощью анализа как самих языковых единиц и условий их функционирования, так и стоящих за ними культураносных смыслов. Ван Хунвэй и Янь Кай на основании анализа паремий и метафор двух языков подчеркнули важность связанного с водой временного аспекта (*сколько воды утекло* и кит. 时光如水 (букв.: ‘время как вода течёт’), представления о чистоте (*вывести на чистую воду* и кит. 水洁冰清 (букв.: ‘человек как прозрачная вода и как чистый лёд’) и др. [Ван Хунвэй, Янь Кай, 2017:64-67].

Эффективность лингвокультурологического подхода проявляется в разнообразии признаков, выявленных исследователем Лян Сяонань в работе, посвященной концепту «Время» в китайском и русском языках. Автору удалось обнаружить многие универсальные культурные смыслы (например, тесную связь времени с пространством). С другой стороны, специфичность видения окружающего мира проявляется в обнаруженных исследователем этномаркированных представлениях о времени – таких, как разные способы выделения суток, разное понимание о минуте и разные модели времени [Лян Сяонань 2008: 17].

Таким образом, на современном этапе опыт изучения русской фразеологии в лингвокультурологическом аспекте представляется довольно обширным, разработаны способы (алгоритм) описания универсальных и национально-специфичных черт фразеологии в русском и в китайском языке.

1.6. Погодные явления сквозь призму лингвокультурологии

Поскольку в рамках лингвокультурологии, основанной на принципах антропоцентризма, научные объекты отбираются и становятся предметом изучения в зависимости от их роли для человека, их назначения в его жизнедеятельности, их функций для развития человеческой личности и ее усовершенствования, «человек становится точкой отсчета в анализе тех или

иных явлений» [Кубрякова 1995: 212], в сферу лингвокультурологических исследований вовлечены и разнообразные явления природы, времена года, погодные явления и т.д., поскольку они являются универсальными признаками и условиями среды обитания человека. Не случайно Анна Вежбицкая отмечала важность слов, способных иметь смысловые эквиваленты во всех языках и обозначающих разнообразные явления природы [Вежбицкая 1993: 188]. К числу таких наиболее нейтральных и обыденных относятся, безусловно, осадки.

Представления об осадках составляют важный фрагмент языковой картины мира, о чем свидетельствуют как работы, косвенно касающиеся таких явлений, как *снег, град, дождь, морось, иней* и проч., так и исследования, целенаправленно обращающиеся к изучению способов вербализации погодного кода в определенной культуре [Васильев 2003, 2007, 2009; Васильева 2007, Домбровская 2006, Мазурик 2006, Рябых 2006, Тарасова 2012, Тимкова 2013, Фисенко 2005, У Вэй 2012].

Так, в работе А.А. Чемерчевой, посвященной народной метеорологии в тамбовских говорах и рассматривающей ее в этнолингвистическом аспекте, дается краткий обзор исследований, так или иначе связанных с метеорологическими представлениями, реализуемыми в народных обрядах и ритуалах, – о ветре, граде, громе, дожде, облаках и т.д. Сам автор обращается к изучению группы лексем и их текстовых реализаций, отражающих метеорологическую реальность (это тематические группы «Молния», «Гром», «Дождь», «Ветер», «Снег», «Радуга», «Роса, туман» и др.) и «ее восприятие, ощущение в сознании и чувствах людей», а также семантические оппозиции «сухой-мокрый», «тепло-холод», «динамика-статичность», «ясно-пасмурно», детерминирующие всю систему в целом [Чемерчева 2006: 16]. Исследователь приходит к выводу о специфичности системы народной метеорологии как фрагмента языковой картины мира – со всеми ее лингвистическими, этнографическими, мифологическими,

фольклорными компонентами – и существенном ее отличии от энциклопедической картины мира [там же].

Определяя «систему координат», в рамках которой в диссертации Н.Ю. Перфильевой интерпретируются результаты осуществленного в работе лексикографического исследования концепта «погода», вербализованного средствами русского и английского языков, автор исходит из того, что погода входит в одну из центральных зон национальной концептосферы, поскольку интерес к погоде в России носит не столько теоретический, сколько практический характер – в силу территориальной масштабности страны, когда при северных морозах в южных районах возможны цветы и тепло. «Вполне естественно, – пишет исследователь, – что в такой стране климат волнует всех. <...> Высокий рейтинг некоторых информационных программ обусловлен еще и тем, что в них дается подробный прогноз погоды» [Перфильева 2008: 10]. Рассматривая в лингвокультурологическом ракурсе отразившиеся в привлеченных исследователем словарях – двуязычных, толковых, ассоциативных, фразеологических и проч., средства вербализации концепта «погода», Н.Ю. Перфильева подчеркивает, что научный интерес в работе лежит не в области собственно погоды, а «в области ее восприятия и переживания человеком и в сфере языкового выражения этих переживаний», что делает важным увидеть, как человеком понимаются и оцениваются погодные условия [Там же: 10].

Такой подход позволил исследователю показать «сложный и многослойный характер данного образования в русской и английской культурах, универсальные и национально-специфические черты, отражающими своеобразие и самобытность языковых картин мира двух народов» [Там же]. Говоря об отражении в рассматриваемом материале черт национального менталитета и мировосприятия, присущих представителям каждой из культур, Н.Ю. Перфильева отмечает в русской языковой картине мира в качестве сущностных отличий концепта «Погода» такие черты, как статичность и нейтральная коннотация, «доминирующее восприятие в

качестве решающего фактора, не подвластного влиянию человека», а в английской языковой картине мира, по ее мнению, реализуется признак процессуальности и ощущается негативная коннотация, связанная «с неприятным, с тем, что нужно пережить» [Там же].

О дожде, снеге и граде приходится говорить, если исследователь касается смежных с ними понятий. Так, снег является одним из признаков художественного концепта «Зима» [Драчук 1990: 4].

Интересный подход демонстрируется в работе В.П. Васильева, детально анализирующего словную организацию когнитивного содержания концепта «Дождь» в русском языковом сознании и выделяющего различные его признаки физического, территориального, консистенциального, количественного, интенсивного, аксиологического свойства [Васильев 2003: 3]. Анализируя весьма широкую вербальную сеть, включающую такие вербализаторы, как *выпадать, капля, дождевка, брызги, горошины, (дождевая) пыль* и многие другие, исследователь выявляет ряд сопряженных понятий («роса», «капля», «вода» и др.), определяет характер диалектной лексикализации отдельных признаков и т.д. Интересно, что при наличии достаточно разнообразных наименований явления «дождь» именно одноименный метеоним «воплощает в себе наибольшую часть нашего знания об обозначаемом явлении» [Васильев 2007: 163-164].

Избирая в качестве объекта наблюдения «культурно-языковую картину мира диалектной общности Сибири, проявляемую через наименования народной метеорологии», В.П. Васильев обращается к другому участку ассоциативно-семантической сети – к культурно маркированному денотативному классу с опорным словом *град* [Васильев 2007]. Денотативный класс, по В.П. Васильеву, включает единицы разных частей речи, участвующие в объективации концепта и вычленении ключевых для понимания метеобъекта идей, определяемых социокультурной средой, менталитетом человека и его ценностными ориентациями [там же].

Итогом длительной и скрупулезной работы В.П. Васильева и Э. В. Васильевой явился «Сибирский метеорологический словарь», в котором интерпретация метеонимов, направленная на «раскрытие информации о сущности обозначаемых ими явлений, производится на основе их дискурсивных реализаций (первая зона репрезентации концептов) и с учетом лексико-фразеологических средств языка как фактов “отсроченного” мышления (вторая зона репрезентации концептов)» [Васильев, Васильева 2007].

На платформе лингвокультурологического подхода в диссертации «Концепт “дождь” как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков)» М.В. Домбровской осуществляется «лексикографическое исследование концептов *дождь* и *pluie*, проведенное на языковом материале авторитетных русских и французских словарей». Моделирование концепта «дождь» как компонента национальной картины мира в двух языках позволило автору «получить представление о базовой сущности концептов дождь и *pluie* в национальных картинах мира», выстроить обобщенную структуру концепта, выявить особенности функционирования лексем *дождь* и *pluie* в соответствующих языках [Домбровская 2006: 146]. Так, в частности, исследователь выявил, что «общей семой для французского *pluie* и русского дождя в диахронии оказалась сема ‘струиться’, которая является одной из наиболее важных в семантической структуре лексемы, служащей для номинации концепта «дождь» [там же: 107]. Пристальное внимание к явлениям сочетаемости слов в двух языках позволило М.В. Домбровской провести четкий водораздел между блоком субъективным – с доминантой «человек» от блока объективных характеристик с доминантой «дождь» и на основе количественных данных доказать важность тематических групп «чувственное восприятие человека» и «эмоциональная оценка человеком дождя» [там же: 102].

Выявление особенностей отражения метеорологических явлений в поэтическом тексте – особый аспект изучения метеонимов. Е.Б. Рябых в своей диссертации «Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков)», обращается к способам вербализации метафорически осмысленных концептов природных явлений русской и немецкой лингвокультур, репрезентируемых такими лексемами, как *облако/ туча, месяц/ луна, солнце, звезда, ветер, снег, радуга, молния, гром*, и их немецкими аналогами (*die wolke, der mond, die sonne, der stern* etc.) [Рябых 2006: 8]. К анализу ею привлекаются материалы русско- и немецкоязычных поэтических текстов XVIII-XX веков, а также их переводные варианты на обоих языках.

Пользуясь арсеналом разнообразных методов и приемов и верифицируя полученные результаты данными психолингвистического эксперимента, исследователь доказывает выдвинутую гипотезу, согласно которой «концептуальные метафоры, зафиксированные коллективным сознанием в поэтическом дискурсе конкретного лингвокультурного сообщества), закреплены также на уровне индивидуального сознания представителей данного лингвокультурного сообщества» [там же]. По мнению Е.Б. Рябых, «в обыденном сознании представителей русского и немецкого лингвокультурных сообществ артефактная (предметная) метафорическая модель стоит на первом месте по показателям частотности и многообразию областей-источников, привлекаемых для метафорической экспансии в области-мишени, представленные концептами природных явлений». Проведенные исследователем наблюдения относительно предметных метафорических моделей стали основой для обобщений, касающихся концептуализации отнюдь не только природных явлений: один из выводов гласит о том, что в целом «продуктивность антропоморфной метафорической модели уменьшается» – в пользу переориентации «господствующей концептуальной метафоры на данном этапе развития общества на предметный мир» [Рябых 2006: 190].

Поэтическое видение, отразившееся во многих произведениях русских и японских поэтов серебряного века и воплотившее как мироощущение, характерное для определенной эпохи, так и художественное кредо определенного литературного направления, освоение в его русле новых эстетических ориентиров, открывает перспективы для интересных наблюдений и за функционирование слов-метеонимов. А. Мазурик рассматривает концепт «снег» в аспекте осмысления различий, обнаруживаемых в поэтических текстах западной и восточной культур [Мазурик 2016: 26]. Это позволило автору выявить ряд мотивов, как типичных для одной из культур и отсутствующих в другой – в русской лирике это мотивы смерти, сна, иномирия, грезы и др., а в японской, в частности, идея бесконечного движения, повторяемости, мотив грусти и тоски – так и общих, универсальных. К последним относятся, например, ассоциативная связь с тишиной и белизной. Автор приходит к выводу, с одной стороны, о значительной роли традиционного мироощущения в каждой из литератур, а с другой, – о взаимном обогащении семантической структуры концепта «снег» в обеих литературах в результате межкультурного диалога Японии и России [там же: 26].

В монографии «Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте» автор включает в объект своего рассмотрения отразившиеся в русской поэзии представления и ассоциации, связанные со снегом, занимающим в силу экстралингвистических особенностей «существенное место в картине мира русского народа» [Тарасова 2012: 152]. Контекстные воплощения, выделяемые и классифицируемые исследователем, весьма разнообразны и показывают, что «реалия отражается в образе в ее развитии, разных связях, в результате осмысления сквозь призму разных ситуаций, что создает богатые возможности для выбора тех или иных концептуальных признаков объекта, их комбинации» [там же: 156]. Способы языкового представления и осмысления концепта, его включенность в традиционные поэтические формулы в различных текстах становятся источником сведений о культурном

слое концепта» [там же: 153]. К этнокультурным параметрам автор относит, например, связь снега со смертью, продуцирующую способность снега, его связь с урожаем, здоровьем скота и людей, гадательные функции снега.

Т.Н. Тимкова, исследуя в лингвокультурологическом аспекте такой фрагмент языковой картины мира у русских и турок, как «снег», подчеркивает, что комплексный анализ языковой вербализации этого концепта носителями турецкого языка позволяет обнаружить его специфические особенности – такие, например, как ассоциации с холодом и одиночеством, чарами и чудом, символический знак симметрии и неповторимости поэзии [Тимкова 2013: 358].

Выводы

Проведенный нами анализ исследований, связанных с темой нашей работы, позволяет обобщить освещенные в них теоретические проблемы следующим образом.

Язык, обладая кумулятивными свойствами и способностью вербализовать происходящее с человеком и этносом, фиксировать наблюдения, сделанные в отношении объектов окружающего мира, и результаты их ментального освоения, становится все более важным как средство словесного представления мира, накопления, по В.А. Масловой, и хранения культурно-значимой информации, оптимизации межкультурной коммуникации. Благодаря языку раскрывается образ мышления и коллективная шкала ценностей определенного народа.

Интерес к исследованию культуры, преломленной в языке, привел к формированию особого лингвистического направления – лингвокультурологии, ориентированной на интерпретацию социокультурной и культурно-исторической информации, закодированной в языковых единицах разного лингвистического статуса. Формирование лингвокультурологического направления имеет давнюю историю и традицию: его начало было положено

еще трудами В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, и др. В настоящее время оно активно развивается благодаря работам В.Н. Телия, В.В. Воробьева, Е.И. Зиновьевой, В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, В.А. Масловой, Е.О. Опариной и многих других, исходящих из аксиомы о неоспоримой ныне связи условий жизни человека, окружающего его мира с характером его умственной деятельности и языком.

Соприкасаясь с рядом иных научных направлений – с этнолингвистикой, лингвострановедением и др., лингвокультурология имеет в настоящее время четко сформулированные объект и предмет: она исследует способы репрезентации знаний о мире носителей определенного языка – через изучение языковых единиц разных уровней, речевого поведения, дискурса. Это позволяет говорить об отражении в языке этномаркированного сознания.

В трудах исследователей наблюдается разнообразие терминов, используемых при процедуре выявления культурных смыслов, скрытых в языковых единицах и способствующих национально-культурной идентификации личности (лингвокультурема, логоэпистема, символ, эталон, код культуры, культурная установка и т.д.). В данной работе для проведения анализа выбраны термины «стереотипное представление» и «лингвокультурная установка».

Стереотипные представления в их вербальном воплощении рассматриваются нами как имеющие более менее устойчивую вербальную реализацию и отражающие наивную картину мира и потому привлекаются в качестве единиц, участвующих в описании языковых и культурных явлений, – как в составе устойчивых выражений, отшлифованных длительным употреблением, так и в различных сферах и стилистических регистрах современного языка.

Средствами вербализации отраженного в языке способа видения окружающего мира (языковой картины мира) носителями языка и особенностей их национального характера являются различные языковые средства. При этом исследователями отмечается особая важность в качестве

источников информации о национальном видении мира лексико-фразеологических средств языка, о чем свидетельствуют работы лингвокультурологического плана, выполненные с привлечением этого материала.

Фразеологизмы – во всем их разнообразии, включающем пословицы, устойчивые сравнения и поговорки, – используются в качестве материала как при выявлении «таксонов культуры» в рамках одного языка, так и для получения совокупности национально окрашенных сведений об окружающем мире, характеризующих разные культуры и языки. Подобные единицы участвуют в формировании особой, фразеологической (паремиологической) картины мира.

Исследования отдельных фрагментов языковой картины мира, репрезентируемых стереотипными представлениями, сложившимися в культуре одного этноса на фоне языка и культуры другого народа, не могли не коснуться и такой сферы, как погодные явления, связанные в свою очередь, с представлениями о временах года, природном календаре, с народной метеорологией (приметами, загадками) и т.д.

Способы вербализации погодного кода видятся лингвокультурологам актуальными как в пределах одной определенной культуры, так и в аспекте выявления этномаркированной специфики в выражении стереотипных представлений об осадках – дожде, снеге и граде – и их ментальной оценке носителями одной культуры на фоне другой.

Между тем общего взгляда, охватывающего представления носителей русского языка обо всех трех видах основных осадков, отразившиеся в устойчивых выражениях и современном речевом дискурсе, и сопоставленного с аналогичной картиной, выявляемой на материале китайского языка, до сих пор в современной лингвокультурологии нет.

ГЛАВА II. Национально-культурные особенности вербализации представлений о снеге, дожде и граде в русском и китайском языках

2.1. Стереотипные представления о снеге в русском и китайском языках и культурах

2.1.1. Осмысление снега в русской культуре и его отражение в языке

Россия велика, ее территория занимает, в отличие от многих иных стран, значительную часть северного полушария; на её территории часто наблюдается снег, что находит отражение в богатом запасе выражений, именующих в русском языке это природное явление: *снежура, пороша, уброд, чир* [Даль 1: 411], *глубокоснежье* [РСС 3: 62]. Русский язык располагает довольно значительным рядом слов – названий явлений природы, так или иначе связываемых со снегом, например: *метель, вьюга, пурга, буран* ('снежная буря в степи'), *капель* ('падение с крыши, веток капель тающего снега'), *позёмка* ('ветер, поднимающий слой снега с земли'); *мокрый снег* ('снег с дождем'), *снег крупной, крупчатый* ('снег пополам с мелкими градинками'), *мартовский ноздреватый снег* и др. [РСС 3: 62].

Представления о снеге вербализуются и такими языковыми единицами, как устойчивые обороты – сравнения, фразеологизмы, пословицы: *снег полоть, как снег в голову; Бабушка надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет* и т. д. В русском языке также существует немало загадок о снеге: *Скатерть бела, весь свет одела* (= снег); *К божьему мясоеду гусей щиплют* (= снег идёт); *Белый лебедь на яйцах сидит* (= поля, покрытые снегом); *Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью оживает* (= снег); *На дворе в холоде горой, а в избе водой* (= снег); *Увидел мать, умер опять* (= снег) [ДП.2: 363]. Все это свидетельствует о важности стереотипных представлений о снеге, представленных в русской языковой картине мира.

В данном разделе работы мы остановимся подробно на выявленных нами стереотипных представлениях о снеге, вербализуемых преимущественно лексемой *снег* и устойчивыми сочетаниями, включающими этот компонент, и далее – на особенностях ассоциативного осмысления свойств этого явления – с целью получения представления об объёме и разнообразии смыслов и ассоциаций, связываемых с явлением, стоящим за этим словом.

В толковом словаре В. И. Даля, помимо дефиниции 'мерзлые пары, падающие, в виде хлопьев, клочьев, с облаков', названы связи снега со льдом и дождем: 'самый рыхлый лед, 'заменяющий зимою дождь' [Д.4: 249]. В словаре Д.Н. Ушакова отмечены форма, вид, цвет, природа, структура снега: 'атмосферный осадок в виде белых хлопьев, состоящих из спаянных кристалликов воды разных форм, преимущественно в форме звёздочек: '*Снег падает хлопьями. Белый, как снег*' [ТСУ.1: 255].

Словарь русского языка приводит следующее определение снега: 'Твёрдые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев': *хлопья снега. Мелькает, вьётся первый снег. Звездами падая на брег. Пушкин, Евгений Онегин* [СРЯ.4: 163-164]. Снег, как видим, квалифицируется в первую очередь как относящийся к осадкам (т.е. выпадающим сверху), имеющий белый цвет и особые форму и структуру. Здесь же приводится и иная возможность трактовки значения слова *снег*: 'Сплошная масса таких осадков, покрывающая какое-л. пространство' [там же].

На основе приводимых словарями прямых значений слова *снег* можно выделить и иные признаки этого явления. В словаре С.И. Ожегова в толковании лексемы *снег* упоминается и время года: 'сплошная масса этих осадков, покрывающая землю зимой' [Ож.: 736].

Семантический словарь указывает и на связь наличия снега с определенным типом погоды: 'Выпадение снежных осадков; снежная погода'. *Зимой холод, снег. С утра ветер, снег* [РСС.3: 144]. Интересно, что в

приведенных в словарях примерах подчеркиваются трудности и препятствия, создаваемые длительным выпадением обильного снега. *Задержаться из-за снега* (т.е. из-за снегопада). *В снег — не проехать* [там же].

Нельзя не заметить, что существенным отличием снега от града и дождя является представление о нем в русском сознании как о способном образовать снежный покров (покрывало), лежать на земле, под ногами, образовывать толстый слой: *Глубокий снег. Поля покрыты снегом. Следы на снегу. Сугробы снега по самые окна. Очистить крыши от снега* [РСС.1: 611]. Обилие снега подчеркивается формой множественного числа: *Лежат снега*.
РСС

2.1.1.1. Представления о снеге, отразившиеся в устойчивых выражениях и подтверждаемые данными Национального корпуса русского языка

В словарях устойчивых выражений – это, прежде всего, «Большой словарь русских народных сравнений» (БСРНС), «Большой словарь русских поговорок» (БСРПог), «Большой словарь русских пословиц» (БСРП), «Пословицы русского народа» В.И. Даля – приводятся обороты, основанные на осознании говорящими самых разнообразных признаков этого явления природы. По ходу выявления признаков, отражающихся в устойчивых выражениях, мы будем приводить примеры употребления слова *снег* нашими современниками, подтверждающие частотность употребления, типичность для коллективного сознания носителя русского языка отдельных представлений. Отдельно (в разделе 2.1.3) мы покажем те векторы ассоциаций – иногда весьма необычных, – которые расширяют общую картину вербализуемых представлений за счет признаков, не репрезентированных в лексикографических источниках.

Способность снега выпадать в большом количестве, ***ложиться покровом, ковром***, укрывающим землю на зиму, очень важна для будущего урожая. Пословицы как единицы народного происхождения весьма активны в фиксации этой зависимости – их в русском языке очень много: *Снег глубок и хлеб хорош; Снег – крестьянское богатство; Больше снега на полях, больше*

хлеба в закромах; Снег глубок – хлеб хорош, зима без снегу – не быть хлебу; Каков снегушек, таков и хлебушек [БСРП: 838]; *Зима без снега – лето без хлеба* [там же: 374]. Таяние снега весной обеспечивает землю обильной влагой: *Много снегу – много хлеба; много воды – много травы; Снегу надует, хлеба прибудет; вода разольётся, сена наберётся* [БСРП: 838]; *Зима пройдет, и снег сойдет, а что посеяно – взойдет* [там же: 374]. Снег здесь, как видим, воспринимается исключительно как полезное и необходимое явление – залог обеспечения едой: крестьян – хлебом, а скота – травой. Более того, снег, покрывший на зиму посеянные озимые, приравнивается говорящими к удобрениям: *Снег на озимь – тот же наём* (навоз, удобрение), *Мокрый снег на озими – тот же навоз* [БСРП: 838]. Ср. также:

Лучше всего *сеять* свежие семена сразу после сбора или же глубокой осенью, *под снег* [С. А. Курганская. Акониты // «Первое сентября», 2003].

Польза снега для хранимого в амбаре хлеба отмечена и в ПЕ, которая служит у русских приметой – *На каком амбаре снег, из того (в том и) покупай хлеб*; для этого выражения даётся следующее пояснение: «потому что он сух: над прелым [хлебом] снег наперед сходит» [БСРП: 18].

Ассоциации снега с **большим, безграничным количеством** отразились в устойчивых выражениях *как снега <зимой> – 'много'*. Представления о привычно большом количестве снега отразились как в контекстах из Национального корпуса русского языка, так и в материалах сети «Интернет»:

Пьяных за выходные навалило *как снега* (заголовок) На территории Шекснинского района с 3 по 7 ноября проводилось профилактическое мероприятие по линии ГИБДД «Нетрезвый водитель». На дорогах было выявлено и отстранено от управления шесть водителей. (<http://zvezda.net/article/2016/11/16/pyanyh-za-vyehodnye-navalilo-kak-snega>; дата вхождения: 13.02.2017)

«Нападало, *как снега зимой!*»: жители Балаклеи сдают силовикам найденные снаряды (заголовок) Движение транспорта в город не перекрыто, но силовики предупреждают всех водителей об опасности от

взрыва снарядов из-за пожара на местном военном складе, говорится в сюжете ТСН. (URL: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/napadalo-kak-snega-zimoy-zhiteli-balaklei-sdayut-silovikam-naydennye...>; дата вхождения: 11.02.2018)

Депрессия – это отсутствие связи. За окнами поезда снега – как грязи, И грязи – *как снега зимой*. В соседнем купе отходняк у буржуев. Из радиоточки сипит Расторгуев, Что скоро вернется домой. (Дмитрий Быков. Блаженство 2017. Poetry. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457721515>)

Это сравнение мы находим и в форме пожелания всех благ коллективному адресату – пользователям сети Интернет: Всем благополучия и изобилия, *как снега зимой!* (Женские штучки; <https://ok.ru/shtuchkas/topic/67686791105389>)

Там, дай бог, в год два-три покойника, а ведь в Петербурге кажинный божий день народу намрет, *как снегу в подворотни навьет*. [Г.И. Успенский. Живые цифры (1957)]

Сколько денег нищим ты ни раздашь, а их опять, *как снегу в степи*, к тебе в дом нанесет. [П.И. Мельников-Печерский. В лесах и на горах]

Как видим из примеров, диапазон предметов и явлений, которые характеризуются в количественном отношении с помощью образа снега, весьма широк – артефакты, абстрактные представления, люди, но совсем не обязательно падающие, действительно, как снег, – сверху (снаряды).

Интересны контексты с пословичным выражением, не зафиксированным словарями, но уже обнаруживающим устойчивость. На настоящем этапе нами не обнаружены примеры употребления пословицы применительно к иным, помимо снега, явлениям.

Снега много не бывает: восемь фильмов про зимний апокалипсис О том, как представляют снежную катастрофу кинематографисты (заголовок) (URL: <https://russian.rt.com/nopolitics/article/477355-sneg-zima-katastrofa-kino>).

Снега много не бывает...бывает БАльшой снег! (заголовок) 2 декабря 2017 года в рамках Горнолыжного фестиваля «БАльшой снег. Неспортивные игры» на г. Зеленая в п. Шерегеш Кемеровской области состоятся внетрассовые соревнования Forest Cross. (URL: <http://www.ski.ru/az/blogs/post/snega-mnogo-ne-byvaetbyvaet-balshoi-sneg/>; дата вхождения: 11.02.2018)

Привычность для значительной части русских снега зимой – и **в достаточном количестве** – даёт основание для многих национально окрашенных коннотаций – например, для иронической констатации и отрицательной оценки **скупости, жадности** человека через образ выпрашиваемого снега: *У жадного (скупого) среди зимы снега не выпросишь* [БСРП: 374]. Эта идея реализуется и во фразеологизме, характеризующем жадного: *не выпросить снег среди зимы* у кого-л.

С другой стороны, снег использован в качестве образной основы выражений, говорящих о **способности продать (распространить, навязать) нечто не очень ненужное, чего вокруг в избытке**, и характеризующих человека предприимчивого, преуспевающего в своей деятельности. Здесь нами отмечены два варианта вербализации этой идеи.

Вернер фон Браун был не только обаятельным красавцем, способным *«продать снег эскимосам»*, как шутили его коллеги, но и широко образованным человеком. [Юрий Кирпичев. О ракетном бароне замолвите слово... // «Знание - сила», 2011]

Теперь я бизнесвумен, *продающая снег зимой*. За неделю я полностью окупила все мои расходы, связанные с покупкой франшизы и приобретением материалов и даже вышла в небольшой плюс... (Как продать снег зимой? – "Электронный бизнес в интернет"; business-lady.com/ideya_narod_418.php; дата вхождения: 10.02.2018)

Почему у одного получается *продать снег зимой*, а другой терпит неудачу за неудачей на этом поприще. И ведь мы продаем не только в магазинах. Из рук в руки переходят машины, бытовая техника, одежда с

обувью и многое другое. Какая-то мамочка быстро распродает детские вещи, коляски, ванночки. (URL: <https://ok.ru/dnevnikuspeha/topic/65339374526551>; дата вхождения: 10.02.2018)

Говорящие, описывающие время года и погоду, фиксируют выпадение снега и его таяние как знаки происходящих изменений – обычных и аномальных. Так, в устойчивом сравнении *таять как снег* отражается одно из его физических свойств – **недолговечность, временность**, объясняемая способностью *таять*; ср. указание на эту способность снега в следующих примерах:

Выпавший в конце октября снег быстро растаял, и наступившая было зима снова сменилась тёмной осенью... [Елена Ильина. Четвертая высота (1945)]

Снег, выпавший в начале зимы в низовьях Волги, быстро растаял, небо надолго закрылось низкими свинцовыми, постоянно морозящими тучами. [М. Б. Салимов. Сказка о последнем хане // «Бельские Просторы», 2010].

Вот с наклоненной головы Ники, как *в оттепель снег с крыши, сползает* нелепая белая косынка, румяные щеки медленно теряют цвет [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012].

Подтверждение этому мы находим и в ПЕ, использующей образ быстро исчезающего внешнего снега, дающего основание для аналогии с недолговечностью материнского гнева: *Материнский гнев, что вешний снег: и много его нападет, да скоро изникнет* [Д.4: 249].

Как видим, в контекстах отражаются разные фазы процесса таяния снега. Однако наиболее важной является семантика **бесследного исчезновения**, о чем свидетельствует сочетание этого образного выражения с наименованиями самых различных предметов – конкретных и абстрактных:

В огне пожаров, последовавших за этим ударом, поголовье крупных животных *таяло, как снег* [Александр Грудинкин. Первые люди и последние мегазвери Америки // «Знание – сила», 2010].

[ЕВГЕНИЯ ШТЫКИНА, жен.] Но сначала пусть огласят весь список причастных банков, пожалуйста! Страна должна знать своих героев. [NELENA NELENA, жен.] Список можно получить в ЦБ, на крайняк, в Агентстве Страхования Вкладов (они над этим списком горячими слезами плачут, дыра-то растёт быстрее, деньги *тают как снег под солнцем...*) [коллективный. «Ъ»: В Москве задержан лидер группы, которая вывела из России \$46 млрд. Комментарии к статье (2015)].

Уйдёт по уголовной статье или как-то иначе? *Таял прошлогодний снег* Флер демократического обаяния развеялся довольно быстро. [Анна Коузова. Арестованный выбор // «Огонек», 2014]

Признак *недолговечности* видится носителям русского языка и в представлении о первом выпавшем снеге, который редко ложится сразу ковром, а скорее тает и потому кажется обманчивым: *Снег первый хоть и чист, да обманет – зима в одну ночь не настанет*. Хотя мы не находим подтверждения идеи обманчивости первого снега в других устойчивых выражениях, это представление реализуется в современной речи русских. Ср. текст сводки новостей об аварийности на дорогах, вызванной первым снегом (Новости: *первый снег обманчив* (заголовок) С наступлением первых зимних дней на дорогах района участились случаи дорожно-транспортных происшествий; URL: http://gov.cap.ru/info.aspx?gov_id=60&id=1293237&type=news; дата вхождения 11.02.2018), а также поэтические тексты с сайта «Стихи.ру»:

Обманчив первый снег, недолговечен – Так счастье человеческое зыбко. Так хвост удачи увильнёт беспечно Расплатой за случайную ошибку. (Юлия Казмерчук. *Обманчив первый снег*, недолговечен/ Стихи.ру; URL: <https://www.stihi.ru/2011/03/02/484>; дата вхождения –11.02.2018)

Чудесен, но *обманчив первый снег*. Ещё вчера позёмкой заметало земные веси... А сегодня – нет той красоты, что Небо посылало. Наверно, это Осени каприз: продлиться захотелось ей немного. (Евгения Лем.

Обманчив оказался первый снег...! Стихи.ру; URL:
<https://www.stihi.su/2016/11/12/1201>; дата вхождения: 11.02.2018)

Представление о полном исчезновении снега отразилось и во фразеологизме *искать прошлогодний снег* – ‘Прост. Ирон. вернуть, обнаружить то, чего уже нет, что безвозвратно минуло’. <...> – Да бросьте вы, мужики! – морщится Колька. – Чего *искать прошлогодний снег*? Да и зачем искать? Я молчу, потому что не знаю, зачем. (С. Алексеев. Материк) [ФСРЛЯ].

Если в сравнении *растаять как апрельский снег* [БСРНС: 625] за счет компонента *апрельский* – т.е. ‘поздний, несвоевременный, неспособный лечь толстым слоем’ – проявляется семантика ‘быстрота исчезновения’, то в выражении *исчезнуть, как прошлогодний снег* [БСРНС] за счет интенсифицирующего определения *прошлогодний* акцентируется также признаваемая говорящими его способность исчезать совершенно без следа.

В образном представлении явление таяния снега и его динамичность носители определенного языка и культуры могут связывать с влияющими на него факторами, например:

Видение разрушилось, растаяло, *исчезло, как ноздреватый снег под яркими лучами весеннего солнца* [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)].

Ср. также более ранний пример:

Она трепетала как листок от моих порывов; она *таяла как снег*, сквозь который проникает лава (т.е. нечто горячее, «прожигающее снег»). [А. А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах (1830)]

Русской традиции ходить в *парную баню*, символом которой выступает в первую очередь пар, посвящено немало пословиц: *Пар костей не ломит; Пар любить – баню топить; Пар хорош, да веник плох* и др. [БСРП: 641]. Баня с парилкой считается не просто обязательной (*Вшивый да ленивый в баню не ходят; Кабы не баня, все бы мы пропали* [БСРП: 32-33]), но и

способом оздоровления. У русских принято зимой, выбежав из парной бани, *растираться снегом* и даже бросаться в снег, что помогает закаливанию организма – на контрасте горячего и *холодного*. Это может иметь *закаляющий, омолаживающий эффект*, что и отразилось в пословице: *Снегом да паром, так не будешь старым* [РКСПП: 259].

Важным для русского языкового сознания оказывается и *время выпадения снега*. Так, национально окрашенными, отражающими русские народные традиции, являются пословицы, в которых прослеживается связь свадьбы и замужества с появлением снега: *Бел снег землю прикрывает, не меня ли, молоду, замуж снаряжают*. Объясняется это тем, что к 14 октября – к Празднику Покрова Святой Богородицы – обычно выпадает первый снег, становится холодно, о чем говорят ПЕ *Покров – закрывай коров; Покров, натопи нашу хату без дров; Покров – не лето, а Сретенье – не зима* [БСРП: 682]. К этому времени обычно заканчивался весь цикл крестьянских работ, завершались заготовки на зиму и до весны наступала пора отдыха, поэтому свадьбы обычно откладывались на осень; ср.: *Придёт Покров, девка голову покроет* [там же]. *Покрыть голову (головушку)* – выйти замуж, выдать кого-л. замуж' [СРНГ: 29: 17]. Значение этого оборота идет от традиции, согласно которой замужней женщине не пристало ходить с непокрытой головой. В выражении *Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молоду, женишком* отразилась, вероятно, и ассоциация белого цвета снега и фаты невесты как символа ее чистоты и невинности. Здесь налицо использование в тексте пословицы прямого и фразеологизированного значения глагола *покрывать*: с одной стороны – *землю снегом*, и с другой – *покрывать голову*, но, как свидетельствуют авторы Большого словаря русских пословиц, в контексте *покрой меня женишком* не исключается и идея совокупления – такое значение также свойственно в определённых словосочетаниях глаголу *покрывать* [БСРП: 37].

Направление выпадения снега – *сверху* – отразилось в ПЕ с дезидентифицирующей структурой (см. о них подробнее в [Бочина 2002]),

семантика которой формируется противопоставлением непрошеного снега, который выпадает сам по себе, и победы (возможно, и чего-либо другого), которая не достается без усилий: *Победа – не снег, сама на голову не падает* [БСРП: 670]. Мотив падения чего-либо сверху как факт незаслуженного и/или легкого получения каких-либо благ реализуется и в иных фразеологизмах (*падать с неба* – ‘досталось без особых усилий’; *падать/ упасть (свалиться) <с неба> на голову* – ‘о пришедшем, случившемся неожиданно и не всегда желанном’).

Это представление о падении сверху связано и с семантикой неожиданности – ср. ироническую пословицу о зиме: *Застала зима в летнем платье: а мы чаяли – зимы не будет* [БСРП: 374]. **Неожиданное выпадение снега** как первый знак приближения или наступления зимы – одно из наиболее востребованных, регулярно вербализуемых представлений о снеге, несмотря на регулярность его появления каждый год. Этому, возможно, способствует и тот факт, что снег может появиться в не соответствующую ему по времени года пору – в апреле и даже мае. оборот *как снег в (на) голову* [БСРНС: 625] приводится практически всеми словарями устойчивых выражений и весьма активен в речи носителей русского языка. Ср. использование его в многочисленных контекстах, демонстрирующих возможности сочетаемости с наименованиями событий, лиц, явлений и проч.:

Её бывший муж, только что овдовевший, свалился *как снег на голову*, и придётся с ним повозиться, потому что в таком состоянии она не может его оставить одного... [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // «Новый Мир», 2000].

Итак, ждём суда месяц, другой, скоро год, и вдруг *как снег на голову*: суд будет через неделю и не в Чернигове, а здесь, у нас [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)].

В конце прошлого года вузам *как снег на голову* свалился министерский мониторинг продуктивности деятельности, по итогам которого учреждения высшей школы разделили на две категории [Людмила

Данилкина. По высшему разряду (2013.05.21) // «Новгородские ведомости», 2013].

Многократное же выпадение снега рассматривается говорящими как основание для вывода о накопленном опыте, который позволяет относиться к происходящему как к чему-то привычному, не удивляющему; ср.: *уже не первый снег (мороз) на голову что кому* – ‘много пожил’ [Д.4: 249]; *Не первый снег на голову кому* – Народн. ‘Кому-л. не впервые приходится иметь дело с чем-л. (говорится о человеке с большим жизненным опытом)’ [БСРПог: 627].

Не первый снег на голову – заголовок рассказа в сборнике В.Н. Крупина «Босиком по небу», где своими наблюдениями делится бывалый, знающий человек. (2009; URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1008665/51/Krupin_-_Bosikom_po_nebu.html)

Белизна снега как наиболее яркий его признак (такое сравнение имеется даже в итальянском языке, весьма далеком по своим природным условиям от северных стран) лёг в основу сравнения *белый как снег*, используемого в речи для указания на белизну самых разных предметов и явлений – стен церкви, материи и одежды, меха, соли, мебели, зданий, клубов дыма, цветущих деревьев и проч.

Вскоре они уже пересекли всю холмистую Калифорнию и тогда медленно, будто бы в киношном замедлении, выплыли на *белый как снег* пляж Кармел [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976].

Лихой княжеский конь, *белый, как снег*, разгоряченный и похрапывающий от скачки... [Виталий Губарев. Преданье старины глубокой (1960-1980)].

Я попросил ее подождать меня минуту, а сам побежал через дорогу в кондитерский магазин и купил большой круглый торт, нетолстый и *белый как снег* [Константин Воробьев. Вот пришел великан (1971)].

Но одеяние было странное: подрясник *белый как снег*, но не какой-нибудь небесный, а из земного материала, и я заметил даже, что, кажется, пикейный [В. Д. Пришвин. Невидимый град (1962)].

Этот оборот активно используется в русской культуре для описания цвета волос (белых, светлых и седых), зубов и цвета лица человека, характеризующего его физическое или психическое состояние ('О внезапно побледневшем (от страха, нервного шока) человеке' [БСРНС: 625]). Ср. в контекстах:

Неужели все-таки Заваруев бросил в чай какую-то гадость? Но если бросил, то только в чашки, а не в заварку, ведь он тоже пил этот чай на наших глазах. Я выбежал на крыльцо. Паша сидел на траве *белый как снег* и глубоко дышал [Александра Маринина. Черный список (1995)].

Седой как снег, без единого чёрного волоса старик, который недавно ещё был Римским, подбежал к двери, отстегнул пуговку, открыл дверь и кинулся бежать по тёмному коридору. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

Кто имеет чистый белый цвет волос? Не просто яркий светлый блонд, а *белый как снег*, как сметана. *Белый-белый, белее некуда*. Как вы достигли этого, как ухаживаете за волосами? (<http://www.woman.ru/beauty/hair/thread/4287968/>; дата входа: 13.02.2017)

Лицо было синее, кончик острого носа – *белый как снег*, один глаз болезненно сощурен, а другой и вовсе закрыт. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Отель «У погибшего альпиниста» (1970)].

При этом нельзя не отметить амбивалентности сопоставления со снегом внешнего вида человека: характеристика белой кожи молодой девушки (иногда – невесты) положительна – вне указания на внешние обстоятельства. Противопоставление белой кожи и красных (алых, коралловых) губ – один из типичных стереотипов красоты (*Кожа белая как снег*, Губки как кораллы. То, что я красивей всех, Зеркальце сказало; <https://ok.ru/group/52243007275185/topic/62682934460593>; дата входа

13.02.2017). Однако контексты употребления этого выражения показывают, что чаще акцентируется именно неестественность белизны и указываются факторы, способствующие ее появлению: страх, шок, предобморочное состояние, болезнь, слабость и т.д.

По сведениям Юй Фэнин, исследовавшей эталоны, используемые в устойчивых сравнениях русского и китайского языков, снег выступает в качестве эталона белизны и при характеристике цвета бороды и усов, а также зубов [Юй Фэнин 2016: 87].

Вариантом сравнения является оборот с компонентом *первый*, призванным, вероятно, усилить степень проявления белизны, хотя в реальной жизни это представляется несколько сомнительным. С определением *белый* примеров в современном употреблении нам не встретилось. Ср.:

Как *первый снег*, побледнела Велга, но глаза ее сверкнули радостью, и она отвечала Чарне. [И. А. Бунин. Велга (1895)]

Уж колокола отзвонили, погасли плошки, кончилась заутреня и вокруг столика, покрытого скатертью, старой, заплатанной, заштопанной, но *белой*, как *первый снег*, сидели кружком: старый музыкант, жена его Шарлота и веселая Лизхен. [Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)]

Снег выступает общепризнанным эталоном белизны, что подчеркивается в устойчивых выражениях с разным языковым статусом – фразеологизмах, сравнениях, пословицах: *белее снега белого*; <Как ни мойся,> *белее снегу не будешь*; *Хоть кожу сотри, а белее снега не будешь*; [БСРП: 417]. Белый цвет – постоянный и основной признак снега.

Признак белизны снега широко представлен и в паремиях: с одной стороны, белизна снега противопоставлена его *несъедобности* (невозможности служить продуктом питания) и *бесполезности* в этом смысле (*Белый снег, да никто его <не>ест*; *Бел снег, да не вкусен* [БСРП: 838]), а с другой стороны, по признаку цвета он контрастирует с маком в рамках типичной паремийной структуры: *Бел снег, да ногами топчут, черен*

мак, да люди едят; Бел снег, да не вкусен; чёрен мак, да бояре едят; Снег белый, да не сыр, зять милый, да не сын [Там же].

Белый цвет в русской культуре ассоциируется с *чистой* (ср.: *Чистый как снег* [БСРНС: 625]); ср.:

Подбелить избу, подновить загородку, держать печку в таком виде, чтобы всегда была *чистая, как снег*, все это для наших мужиков требования бессмысленные, если они привыкли жить в курных избах. [М. Шишкин. *Всех ожидает одна ночь* (1993-2003)]

Однако чаще это сравнение используется в переносном смысле, ассоциируясь с *невинностью, целомудрием, с чистой помыслов, репутации* и т.д. Ср.:

Так, мой тесть, участвовавший в реквизициях, 60 лет спустя говорил мне: «Это был грабеж». То, что льстило его самолюбию гимназиста, в старике вызывало стыд. А сколько дел наделали эти гимназисты – с *чистой, как снег*, совестью! [Г. С. Померанц. *Записки гадкого утёнка* (1998)]

Она была *чиста, как снег зимой*. В грязь соболя! Иди по ним по праву. Но вот мне руки жжет ее письмо, Я узнаю мучительную правду. (Владимир Высоцкий. *Она была чиста как снег зимой*; URL: www.megalyrics.ru/lyric/vysotskii/ona-by-la-chista-kak-snieg-zimoi.htm)

Хороший воин тот, у кого душа *бела, как снег*, и мысли просты, и своего главного врага – сомнение – он убил еще в начале пути, когда руки его впервые коснулись оружия. [Александр Григоренко. *Мэбэт* // «Новый мир», 2011].

В последнем примере определение *белый* утрачивает свою цветовую семантику и выступает в качестве синонима слов *чистый, непорочный, незапятнанный* и т.д., отражая достаточно давнюю традицию подобного восприятия; ср.: *Девушка — что первый снег: всякая соринка видна на ней*. [Ю. В. Жадовская. *Отсталая* (1861)].

Интересно, что в современном употреблении сравнение *чистый как снег* все чаще встречается с интенсификатором – определением *альпийский*, усиливающим интенсивность проявления «чистоты» – незамешанности ни в чем порочащем, порицаемом:

Знали, что надо предупредить спортсменов не принимать стероиды накожным способом. Обсуждали всё это «очень мощно, конкретно». А потом на пресс-конференциях истово убеждали всех, что все россияне *чисты, как альпийский снег*. [Андрей Митьков. «Мы все знали и без этой записки». Год назад спортивные чиновники знали, что у наших спортсменов будут искать допинг (2003) // «Известия», 2003.02.07]

[Прокурор Вышинский] Был талантливым и честным прокурором, знавшим суть дел подсудимых не по позднейшим хрущевским пересказам. Вышинский блестяще критиковал такой принцип буржуазного судопроизводства, как «признание – царица доказательств», который ему же потом и приписали. А еще ему принадлежит фраза: «Прокурор должен быть *чист, как альпийский снег*», но сегодня для российской прокуратуры это звучит как прикол. [URL: http://www.aif.ru/society/history/konstruktor_vragov_naroda_strah_i_nenavist_prokurora_vyshinskogo/ Дата вхождения: 31.01.2018]

В следующем примере за счет противопоставления 'внешнего' и 'внутреннего' актуализируется признак безупречности, качества напитка. Автор прибегает и к другому приему – колоративному противопоставлению, оттеняющему семантику качества:

Это не чернота. Это прекрасный итальянский кофе «Лаватца»! Он черен только снаружи, а по сути бел, *как альпийский снег* [Валерий Панюшкин. Гордый дух Лаватца (1997) // «Столица», 1997.01.06].

Снег, как мы показали выше, представляется полезным – как условие сохранения влаги в почве и гарантии получения высоких урожаев. При этом имеется в виду его *своевременность*: *Хороший тот снег, когда бывает во время своё* [БСРП]. Именно поэтому в иных условиях снег становится в

устойчивых выражениях снег *эталоном бесполезного, излишнего*, того, что уже утратило свое значение: *Нужен как летошний снег* [РФ: 648]; *рад, что ланскому снегу* ('прошлогоднему') [БСРНС].

Этот популярный образ мы обнаруживаем и в тексте заговора на разлуку и отворот: «Как мне *снег вчерашний не нужен*, как трава сухая не нужна, как жена косая, хромая, глупая не нужна мне в любезницы, так и я, раб Божий (имя) не буду нужен рабе Божьей (имя) ни днем, ни ночью, ни вечером, ни утром, ни сегодня, ни завтра и никогда [Заговоры сибирской целительницы; URL: <http://rubooks.org/book.php?book=9170&page=28>; дата вхождения – 11.02.2018].

Способность снега, покрывающего землю, *запечатлевать следы* становится очевидной из таких примеров пословиц: *Не было снегу, не было и следу; Где был, тута нет; а где снег, тут и след; Пойдет снег, оставишь (покинешь) и след* [БСПП: 838].

Шел снег, поэтому определить давность следов не представило трудности [М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010].

В некоторое противоречие с указанной способностью вступает, однако, представление о том, что *выпавший снег способен замести, скрыть, утаить*: *Снег всё скроет, метель занесёт* [там же]. Ср. также:

Все под открытым небом, как *снег сойдет*, так все увидите :) .. [коллективный. Форум: ЗАО «Завод игрового спортивного оборудования (2011)].

Толщина (глубина) слоя выпадающего и лежащего всю зиму снега является причиной *недоступности* чего-либо, что отразилось в паремиях, основанных на образе глубокого снега: *Зимой съел бы грибок, да снег глубок; Зимой и рад бы сорвать грибок, да снег глубок*.

Водные свойства снега, его «негорючесть» отразились в паремии *Коли умеешь взяться за дело, так и снег загорится, а не умеешь — и масло не вспыхнет*.

В пословице *Февраль богат снегом, апрель – водою* [БСРП: 838] также отражается явление превращения снега при таянии в воду.

Химический состав снега – в сущности это *замерзшая влага (С неба снег звездой, на ладошку – водой)* – позволяет использовать его как воду, т.е. для очистки, мытья чего-либо, например:

Тот выскочил из седловины, Степан как раз снимал с задней ноги, сустав выламывал, замер, недобро провожая взглядом машину *и вытирая о снег* руки. [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

Всё небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли *и потеряли снегом*. [А.П. Чехов. Ванька; <https://citaty.info/quote/401989>]

Снег как зимнее явление сопрягается в сознании носителей языка с *холодом, низкой температурой* воздуха. Ср. пословицу *Снег холодный, а от стужи укрывает* [БСРП: 838]. Как известно, снег не дает растениям вымерзнуть, закрывая их: *Снег земле-кормилице – теплый кожух* [БСРП: 838].

Ехали на перекладных от одной станции к другой, летом — жара и пыль, зимой — *снег и холод* [Виктор Мещеряков. Я зрю тебя идущим в путь... // «Знание - сила», 2011].

Правильные, сочувственные слова — в городе, мне рассказывали, ветрено, с воды дует, *снег* то и дело начинает идти — тут всякий замерзнет [Евгения Пищикова. Спасение норвежцев // «Русская жизнь», 2012].

Благодаря *охлаждающей функции* снег может использоваться в качестве компресса:

А мама уже руками размахивала, за щеки хваталась, ко лбу снег прикладывала. [коллективный. Форум: Обмен пособиями, материалами и книгами (2012)]

О снеге носители языка говорят и пишут в связи со многими проблемами – необходимостью приобретать и *носить утеплённую одежду и обувь*.

В ноябре *валит снег*, и минусинцы переходят на зимнее обмундирование: дубленка или шуба, шапка, песцовая или соболья, шали, варежки, на ноги валенки или унты [Алена Лоскутова, Елена Петрова. Алена Лоскутова из Минусинска // «Русский репортер», 2012].

Помню, как перед выездом из Еревана, где в начале декабря было ещё тепло, мы столкнулись с *проблемой одежды* для лауреатов: в Москве и в Смоленске уже *лежал снег, было холодно*. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

Говорящие отмечают и способность снега *замерзать*, смерзаться, превращаясь в *лед*, что отражается в ПЕ *Нету снега, нет лёда* [БСРП: 838].

Хаос, растерянность, страдание — всё было впечатано, *вморожено в снег*, сохраняя в своей ледяной неподвижности последнее отчаяние, судороги мечущихся на дорогах машин и людей. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]

Она идет рядом со мною, переставляя ноги, как столбики, и как-то особенно ударяя о затоптанный, *заледеневший снег*. [Полина Барскова. Черный свет: проблема темноты в блокадном Ленинграде // «Неприкосновенный запас», 2010]

МЦ хорошее ружье в заботливых руках, но оказалось, после вчерашней охоты снег в канале пружины затвора *замерз* вместе с пружиной [М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010].

Снег как один из видов осадков, *связан с дождем*: они часто сменяют друг друга на протяжении короткого временного отрезка (ср.: *снег* — 'заменяющий зимой дождь' [Д.4: 411]) и, к тому же, схожи по своей природе. Ср. пословично-поговорочное выражение *Ну, был бы дождь, да снег помешал* [БСРП: 838] — здесь оба природных явления воспринимаются как

одинаково влияющие на обстоятельства жизни человека, и фразеологизм *На одном часу и снег и дождь*.

Снег с дождём хлестал по капотам, под которыми, как всегда, ёжились расчёты, сидя на поворотных рамах «катюш» [И. П. Максимов. Январская карусель (Из фронтального дневника) // «Бельские Просторы», 2010].

Снег идёт вполонину с дождём и бьёт по подоконнику дряблым кашеобразным стуком. [Владимир Маканин. Отдушина (1977)]

Таким образом, многие из отразившихся в устойчивых выражениях признаков снега, осознаваемых носителями русского языка и культуры, проявляются и в речи.

2.1.1.2. Представления о снеге, репрезентируемые в современном дискурсе, не отраженные в лексикографических источниках

Устойчивые сочетания зафиксировали многие, наиболее важные, признаки снега, отражающие представления носителей русского языка и культуры о снеге, однако контексты употребления слова *снег* в речи еще более расширяют картину вербализуемых представлений за счет признаков, не отмеченных в лексикографических источниках. Покажем последовательно обнаруженные признаки.

Снег, являясь, с одной стороны, полезным и обеспечивая укрытие от больших морозов всего растущего и посеянного поздней осенью и обильной влагой, необходимой для активного роста и хорошего урожая, с другой стороны, нередко становится темой разговоров, связанных с необходимостью ***убирать дороги и тротуары***, особенно во время обильных снегопадов, т.е. с создаваемыми им ***неудобствами***.

Особенно красив Арбат зимой, поскольку *снег* на нем почему-то принято *сгребать в гигантские кучи* и оставлять аккурат посредине улицы. [Иван Давыдов. Бездымная улица // «Русская жизнь», 2012].

Дед Губай тоже наш родственник, вот он по-стариковски *кидает* *деревянной лопатой снег* у калитки. [М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010].

Говорящие, описывающие время года и погоду, фиксируют выпадение снега и его таяние как знаки происходящих *погодных изменений* – *обычных и аномальных*. То есть, по существу, снег оценивается с позиции его своевременности и уместности.

4 апреля, в день рождения Андрея Тарковского, здесь было ещё холодно, накануне ночью *выпал снег*, отчего и Волга стала совсем белой. [Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06].

Мокрый снег прошел в ряде районов Москвы и Подмосковья (Вторую зиму подряд в пустыне Сахара выпал снег – Газета.Ру; URL: <https://www.gazeta.ru> – дата вхождения 15.02.2018)

Лексема *снег* демонстрирует широкую сочетаемость с глаголами, отмечающими количество и продолжительность выпадения снега, связанные с ним звуки или, наоборот, их отсутствие, и признаковыми прилагательными, характеризующими живописность снега, его восприятие говорящими. Ср.: *Не то снег, что метет, а что сверху идет* Д.4: 249 – т.е. всерьез следует воспринимать только снегопад.

Под утро подморозило, *повалил снег* и укрыл все за несколько часов [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012].

Иногда проезжала машина, *снег* за ней *вихрился* и *летел комками* из-под колёс [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Снег характеризуется и со стороны интенсивности и способов его выпадения, появления:

Зажглись фонари, и *снег* вокруг них *кипел* и *кружился* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

В свете существенных изменений в природно-погодных условиях (температуре, времени начала и окончания отдельных сезонов и др.) все чаще в сводках и прогнозах погоды сообщают о *количестве* выпадающего снега –

катастрофически огромном выпадении осадков или же, наоборот, об их нехватке. Ср.:

Прогноз на ближайшие дни неутешителен. *Снега* в Челябинске по-прежнему *не будет* (заголовок) [*Снега Челябинску не досталось*; URL: <https://lentachel.ru/news/2017/11/30/snega-chelyabinsku-ne-dostalos.html>; дата вхождения – 11.02.2018].

Больше всего *снега досталось* Белогорску (заголовок) Наибольшее количество осадков, выпавших в течение минувших суток в Амурской области, *досталось* Белогорску. Там зарегистрировано *18 миллиметров снега*. [ИА «Амур.инфо»; URL: www.amur.info/news/2016/10/17/116907 – дата вхождения 15.02.2018]

В минувшие сутки снег прошёл во всех районах Приамурья, кроме Тындинского. *При "дележе" снега* в Кузбассе окраинам опять *не досталось* [URL: <https://dreamhack201212.livejournal.com/210168.html> – дата вхождения 15.02.2018]

Отсутствие снега может повлечь за собой за собой ***нежелательные серьезные последствия***. Ср.:

Как недавно упомянул френд trentvenom, в Кемерово *выпал долгожданный снег. По колено*. Вот правда не знаю, сколько там его Кремль выделил, но до моего города лишь *ошметки* дошли – снежок *начался* вечером и почти сразу *закончился*. А коммуникации меж тем вот-вот промерзнут [При «дележе снега в Кузбассе окраинам опять не досталось; URL: dreamhack201212.livejournal.com/210168.html - дата вхождения 11.02.2018].

В представлениях говорящих снег связан с ***опасностью*** – в первую очередь, в связи с дорожной ситуацией, из чего следуют предостережения водителям:

А она бы мне отвечала: «Осторожней, дорогой, я слышала в новостях, что на Урале *такой снег*, такие заносы, поосторожнее, не гони...» [Евгений Гришковец. *ОдноврЕмЕнно* (2004)].

Говорящими отмечаются *характерные звуки*, издаваемые при ходьбе по снегу, которые обозначаются с помощью различных глаголов, существительных и прилагательных.

Снег *скрипел под ногами шелковым свистящим скрипом* [Г. В. Иванов. Фарфор (1933)]

Вылетел на опушку. Слышит: *снег под чьими-то шагами поскрипывает*. Заяц с перепугу не знает, что делать [Юрий Макаров. Про зайца // «Мурзилка», 2001].

Тянем вдвоём. *Повизгивает снег*, подмораживает. Варя— чумазая, с болячкой. [И. Грекова. Фазан (1984)]

При таком морозе *снег* не то что *трещит*, а прямо-таки *визжит* под ногами заводчан, которые не дыша спешат домой навстречу Новому году. [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013]

Все это происходило в февральский день 1634 года в полном молчании, только *хрустел снег* под копытами и колесами сдаваемых пушек, да фыркали лошади и граяли вороны по деревьям и холмам. [Олег Ермаков. Смоленский мост // «Знание-сила», 2013]

Снег воспринимается как способный производить некоторый *шум* и *при своем выпадении (А)*, хотя чаще говорится о *бесшумности (Б)* снега, о наступающей при этом тишине.

(А) Нежданный *снег шуршал* всю ночь, под утро стих, и тут же его влажную шкуру схватило морозцем. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

(Б) Морозно и ни ветерка, *падал лёгкий пушистый снег*, тишина, но, знаешь, такая тишина, которая полна звуков, *хруста снега под ногами, гулом города* и во всём этом было какое-то по-настоящему зимнее спокойствие [Письмо молодого человека подруге (2002)].

Как показывает последний пример, говорящие часто указывают и на способность снега издавать звук под ногами идущих или едущих.

Весьма разнообразны лексические сопроводители, участвующие в описании *сверкания снега* – явления, объясняемого его кристаллической структурой.

Снег сверкал на утреннем солнце, откуда-то тянуло дымком, а нос изнутри слипался от мороза. [Бахтияр Эхмедханов, Наталья Львова. Эх, рассказать бы Гоголю... // «Однако», 2010]

Искрится снег, мерцает иней,/ На улице белым-бело... /Деревьям в снежной шапке зимней /Уже уютно и тепло.../ Мороз игриво щиплет щечки,/ С утра *пушистый снег идет*.../ Часы сейчас дойдут до точки / И враз наступит Новый год! [Александр Рязанцев; URL: <http://dedmorozural.ru/stati/stihi-pro-novy-i-god/iskritsja-sneg-mercaet-inei-stihi.html>; дата вхождения – 11.02.2018]

Чудно вот так посмотреть: степь голая, зона покинутая, снег под месяцем *блещет* [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)].

Ср. также: А могила была внутри выложена блестящими еловыми ветвями, а на дворе мороз, солнце, *слепит снег*... [И. А. Бунин. Чистый понедельник (1944)]

Сплошная масса нетронутого снега может восприниматься как *ровное гладкое полотно*.

На том месте, где садилась тарелка, *лежал ровный, нетронутый снег*. [Сергей Козлов. Новогодняя сказка // «Мурзилка», 2003].

Люди бродят как тени, садятся на яркие пластиковые кресла Йошиоки и Старка, молча следят за картинами, проецирующимися на белое *полотно снега*, молча сжимают снег в горсти [Юлия Пешкова. Ярмарка тщеславия (2002) // «Домовой». 2002.06.04].

Цветовое восприятие снега может отличаться от признания за ним только лишь белизны. Так, весенний снег под солнцем часто видится голубым, синеватым, но это скорее обман зрения.

Кое-где ещё *лежал посиневший ноздреватый снег*, но к полудню начало припекать, как летом. [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]

Снова *снег синее* в поле И не тает от лучей. Снова сердце хочет воли, Снова бьется горячей [Георгий Иванов. Снова снег синее в поле; URL: <https://ok.ru/group53387390287947/topic/67963032002635> – дата вхождения 15.02.2018]

В реальной жизни снег может быть и грязным, и серым, и коричневым, поскольку он не остается нетронутым, «соседствует» с человеком, осуществляющим разнообразные виды деятельности.

— У Маковского *снег серо-коричневатый*, он всегда встречается в вещах реалистических, с социальным оттенком, — уважительно сказала Евгения Николаевна [Саша Денисова. Зима как зеркало русской жизни // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010, 2010].

Даже на холсте Петра Грузинского с Масленицей все не слава богу: *снег свинцовый*, молодцы на тройке, идущие на обгон, угрюмые, бабу взяли покатать — и та не рада. [Саша Денисова. Зима как зеркало русской жизни // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010, 2010]

Как видим, в этом примере цвет снега включается в круг лексических средств, передающий в целом настроение, вызываемое изображенным на картине. Свинцовый, помимо значений ‘серый’, актуализирует также семантический оттенок ‘тяжелый’.

К периферийным признакам снега можно отнести те, что редко актуализируются говорящими и представляются индивидуальными. Интересен пример, в котором белизна, чистота и холод снега вызывают ассоциацию с мертвенностью.

— И не надо! — гордо вслед им шепчет Юрасов, а в душе его становится так *бело и холодно*, как будто *снег там выпал — белый, чистый, мёртвый снег* [Л. Н. Андреев. Вор (1904)].

Как видим, такие ассоциации объясняются душевным состоянием героя.

Все, имевшие дело со снегом, знают, что он вполне *съедобен* и утоляет жажду, хотя обычно это не рекомендуется делать: можно простудиться.

Ему страшно, он плачет, *глотает снег*, а тут ещё мокрый мех лезет в горло... [И. Грекова. Фазан (1984)]

Это объясняется *употреблением* местным населением *талой воды в пищу*: *снег* для них — основной *источник питьевой воды зимой* [Илья Кашницкий. Чудеса из ведра // «Зеркало мира», 2012].

Все, имевшие дело со снегом, выпадющим при температуре, близкой к нулевой, знают о таком его свойстве, как *липкость*, «*послушность*», *возможность придания формы*:

Мне уже тесно, понимаешь? Я другого хочу и ничего с собой поделывать не могу. Мне кажется, что там — реальная жизнь, обаяние, мощь приключения, только оттуда можно жизнь менять, буквы перестали работать. Я хочу *лепить историю, как снег...* Видимо, я не прав, сунусь туда и проиграю всем этим акулам. [Сергей Шаргунов. Вась-вась (2009)]

Снег может создавать *радостное настроение*, ассоциироваться с новизной ощущений, противопоставляемых унынию, однообразию, скуке:

И радуга. И *первый снег*. — Это не доказывает, что мы вправе поганить этот мир еще больше, раз он так стойко держится [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)].

Или, наоборот, может участвовать в описании психологически тяжелого настроения, перекликающегося с описанием природы, - *печали, пессимизма* и проч. :

И те превратили ее в серый *печальный снег*. [Иван Давыдов. Слова и кошки // «Русская жизнь», 2012]

Снег демонстрировал самые печальные оттенки русской души [Саша Денисова. Зима как зеркало русской жизни // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010, 2010].

У художника Сверчкова тройку занесло на обочину, и ямщик был близок к замерзанию — *снег вокруг носился косматый, серый, зловецкий*

[Саша Денисова. Зима как зеркало русской жизни // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010, 2010].

Таким образом, отразившиеся в русской языковой картине мира стереотипные представления о снеге проявились как в устойчивых выражениях, так и во многих контекстах современного дискурса носителей русского языка.

2.1.2. Осмысление снега в китайской культуре и его отражение в языке

В данном разделе работы остановимся подробнее на видении и осмыслении такого явления, как снег, носителями китайского языка и культуры, вербализуемого, в первую очередь, иероглифом 'снег (雪)' и устойчивыми сочетаниями, включающими этот компонент, но также и иными репрезентантами семантики 'снег (雪)' – с целью получения представления об объеме и разнообразии смыслов и ассоциаций, связываемых с явлением, стоящим за этим словом.

С древности китайцы начали наблюдать это погодное явление и пытаться изобразить его форму, что со временем привело к переходу от пиктографического письма к современному иероглифу 'снег (雪)'. Согласно словарю китайского современного языка, он обычно входит во многие устойчивые словосочетания: 雪量 ('большое количество снега'), 雪暴 ('снежная буря, метель'), 雪人 ('снеговик'), 雪白 ('белый как снег'), 雪糕 ('мороженое на палочке'), 雪亮 ('блестящий как снег'), 雪片 ('хлопья снега'), и 雪冤 (букв. снег и обида – 'смыть обиду') [ССКЯ: 1478]. Нельзя не упомянуть об ассоциации снега с семантикой очищения; в китайском языке иероглиф 雪 может реализовать глагольную семантику. Так, в большом китайско-русском словаре приводятся такие выражения, которые в буквальном смысле (формально) содержат компонент «снег»: 雪涕 букв. снег и слезы – 'вытирать слёзы' [БКРС]; 雪足 букв. снег и ноги – 'вытирать (мыть) ноги' [БКРС]; 雪耻 снег и чувство стыда – 'испытывать чувство стыда'

[БКРС]; 昭雪 яркий и снег – ‘блестяще оправдаться, отвести от себя обвинения’; ср.: очиститься, обелиться [БКРС].

2.1.2.1. Представления о снеге, отразившиеся в устойчивых выражениях и подтверждаемые данными Национального корпуса китайского языка

В устойчивых выражениях китайского языка, зафиксированных в лексикографических источниках, отразились различные признаки снега.

1. Снег как *природное явление* представлен в выражениях:

冰天雪地 (букв. мороз и вьюга, снега и льды): 地质勘探队员在冰天雪地里为国家发现宝藏。 (букв.) Геологоразведчики воевали с морозом и вьюгой, снегами и льдами, отыскивая для Родины богатства ее недр [КРИС 1980: 29]. Здесь отражается сразу комплекс признаков: сопряженность с ветром, низкой температурой, обилием; связь со льдом.

Утилитарная положительная оценка снега отразилась в выражении 雪兆丰年 (букв. Снег предвещает урожайный год) [СХФС 2015: 832].

Описание характера выпадения снега – большими хлопьями – есть знак сохранения зимы как времени года: 大雪纷飞 (букв. снег идёт большими хлопьями). Например: 在我国的北方还是大雪纷飞, 而在南方已是百花吐艳。 Если на севере нашей страны ещё беснуется вьюга (букв. большой снег), то на юге её уже распускаются цветы [БКРС].

Среди прочих выделяется образное выражение 雪泥鸿爪 (букв. след гусей на снегу), где отпечаток следа вызывает в памяти воспоминания.оборот следует понимать так: ‘следы прошлого; воспоминания; мимолётные впечатления’ [СХФС 2015: 832; БКРС].

Данные Национального корпуса китайского языка подтверждают многочисленными примерами, что снег во многом воспринимается как природное явление, обладающее несколькими свойствами: он способен выпадать обильно, укрывать (покрывать, заносить) землю и предметы, идти хлопьями, таять и т.д. и часто доставляет людям неудобство.

一大片一大片的雪正下的紧，棉花似的堆在院内，堆在屋顶上[张金寿，母子俩，1940]。(Снег идёт большими хлопьями. Снежинки образовали во дворе и на крыше кучу, напоминающую хлопок) [Чжан Цзиньшоу, Мать и сын (1940)].

雪大起来，落在地上就慢慢化掉[袁政谦，新楼，1985，山花出版社]

。

(Снег идёт все сильнее, снежинки падают на землю и медленно тают) [Юань Чжэнцян, новый дом(1985)]

你那雪多厚呀？[中国青年报，1992]

Насколько глубокий у вас снег? [Китайская молодежная газета (1992)]

他把雪扒开，从雪窝里抱出一堆柴火，生起了篝火[何建明，勇探西峡，1981]。(Он раскопал снежный занос и вынул кучу дров из-под снега, развел огонь) [Хэ Цзяньминь, Симэнь ущелье (1981)].

不一会，山顶上已经被雪覆盖了 [路遥，不冻结的土地，1975，陕西文艺出版社]。

(Вскоре вершина горы был покрыта снегом. [Лу Яо, Не замороженная (замерзшая) земля (1975)])

雪越下越大，山野被白茫茫的大雪埋住了，食物又变得少起来[梁泊，走向低谷，1990，少年儿童出版社]。

Снег идёт сильнее, горы и пустынные равнины были скрыты снегом, еда становится меньше и меньше[Лян Бо, Выходить в долину (1990)].

真是心急不知累，虽然冒着雪，踩着泥水，她却走得很快[袁政谦，新楼，1985，山花出版社]。(В нетерпении не знают усталости — это правда. Невзирая на снегопад, она очень быстро идет, ступает ногами по грязной воде) [Юань Чжэнцян, Новый дом (1985)].

О восприятии снега как способного таять говорит следующий пример:

戒备心理，敌对意识很快冰消雪化[郭镇之，中国电视史，1991，中国人民大学出版社]。

Осторожность и враждебное сознание сразу исчезли, как лёд растаял и снег стаял [Го Чжэньчи, История китайского телевидения (1991)]. Выражение имеет достаточно типичную структуру, когда две части оборота дублируют друг друга, выражая единый смысл.

2. Семантика *множества*, ассоциируемая со снегом, актуализируется в нескольких устойчивых оборотах:

雪片飞来 (букв. Хлопья снега летят (несутся) нескончаемо; 'сыпаться непрерывным потоком'; ср. *сыпаться градом*). 报纸上刊载了老王救火负伤的英雄事迹后, 各地的慰问信如雪片飞来。 После того, как на страницах газеты была напечатана заметка об отважном поведении Лао Вана при тушении пожара и о том, что он получил ожоги, к Лао Вану со всех концов страны *непрерывным потоком* (т.е. как снег) полетели сочувственные письма [КРИС 1980: 625].

各方贺电雪片飞来。 Поздравительные телеграммы посыпались градом (букв. хлопьями снега) со всех сторон [БКРС].

3. Весьма актуальным для китайской культуры и китайского языка является ассоциация снега с признаком *белизны*.

白雪皑皑 (букв. о чем-л. цвета снега, белоснежном) [БКРС]. Это устойчивые единицы служат в основном для описания пейзажей со снегом и инеем.

Присутствует в китайском языке и метафора снега, используемая при описании внешности – а именно цвета волос, седины.

白鬓霜毛 (букв. в волосах на висках появился снег (седина), а усы покрылись инеем, т.е. 'Волосы у кого-либо (старика) очень белые, совсем седые') [БКРС].

Исследуя семантику цвета и ее участие в характеристике лица и его частей в русской и китайской языковой культуре, Юй Фэнин отмечает, что при опросе информантов об известных им устойчивых сравнениях, характеризующих белый цвет лица, многие китайцы, помимо сравнений *как*

полная луна, как цветок абрикоса и др., привели в своих анкетах оборот *белый как снег* [Юй Фэнин 2016].

Ср. в современном дискурсе:

老家伙去秦皇岛疗养, 才走两个月, 就不知怎么弄得又黑又瘦, 以前灰糟糟的头发变得雪一样的白[陈朝声, 星海, 1985, 鲁鸣出版社]。

Старик лечится в Циньхуандаоском санатории только два месяца, почему-то он стал черным и худым, его волосы совершенно побелели, как снег [Чэнь Чаошэн, Море звезд(1985)].

В интенсивности проявления белизны снега видится даже возможность чтения в его отраженном свете: 孙康映雪 (букв. ' снег блестит, (светится) как свеча'). Ср.: Сунь Кан учился при свете, отражённом от снега неудержимое стремление бедняка к учёбе даже в то время, когда не на что купить свечу' [Хань Дянь].

Интересна ассоциация снега в китайской культуре со стихами высокого стиля. Выражение 阳春白雪 (букв. Белый снег солнечной весной) происходит от названия старинной мелодии и используется для номинации произведений литературы или искусства высокого стиля, возвышенных, утонченных, в отличие от 下里巴人 (букв. Место и люди, где музыка написана), что означает 'лёгкие жанры, популярные, простонародные'. Если первые не пользуются популярностью, поскольку отличаются высокой художественностью и предназначены только для избранных, то вторые доступны пониманию широких масс [БКРС].

В речи носителей китайского языка, в современном дискурсе признак белизны снега встречается довольно часто – в отношении различных предметов, например:

它那长长的羽毛, 像雪一样白[洪洋, 春江水暖鸭先知, 1963, 长江文艺出版社]。 Ее длинные перья белы как снег [Хунян, Утки заранее знают погоду (1963)].

灰布袍子给灯一照，赛银；领口袜口净白纯白绝白，赛雪[冯翼才，阴阳八卦，1988，百花文艺出版社]。

Под светом серая ткань блестит как серебро, воротники и носки белые как снег [Фон Ицай, Иньян (1988)]

我没有到过樱花的国度，然新近也曾看过从那像移植过来的南京明陵附近的樱花，如云如雪，颇使人起缥缈之感，然有色无香，终嫌味薄[小默，欧游漫忆，1934，生活书店]。

Я никогда не была в стране, где растут вишни. В последние дни увидела цветы вишни из города Наньцзин, они красивые как облако, как снег [Сяо Мо, Память о путешествии в евре (1934)].

Весьма типичным для китайских устойчивых выражений, особенно – для компаративных фразеологических конструкций использование, с одной стороны, образов лепестков цветов, цветков деревьев, а с другой – составляющих параллель или контраст аналогичных конструкций, содержащих элементы колоративного спектра. Ср.:

春天，碧波潋潋，桃花火红，梨花似雪，野鸭游弋[谭顺正，知识窗，1986，江西科技出版社]。

Весной волны реки поднимаются, цветы персика *красные как огонь*, цветы груши *белые как снег*, дикие утки плавают [Тань Шуньчжэн, окно знаний(1986)].

墙角数枝梅，凌寒独自开。遥知不是雪，为有暗香来[梅花，王安石]。

На углу дома несколько сливовых деревьев, пренебрегая холодом, одиноко цветут. Издалека узнаешь — это не снег, оттого, что доносится смутный аромат [Поэт Сунской династии Ван Аньши, Цветы сливы].

В китайском языке с белым снегом ассоциируются цветы вишни, сливы, грушевого дерева и т. д.

Вид белого снега в природе приобретает, таким образом, в китайской культуре положительную оценку, становится элементом прекрасного пейзажа.

昨天，他们还抱怨随雪而至的种种困厄，今日，却到白雪世界里流连光景来了，人世间一切具有审美意义的东西总是不会埋没的[薛尔康，裘皮大衣，1984，山东文学出版社]。

Вчера они жаловались на всякие *бедствия, принесенные снегом*. А сегодня все вышли любоваться этим прекрасным видом природы. Как говорят, *всё красивое не будет забыто* [Сюе Эركان, Шуба (1984)]

4. *Своевременность* снега и его эффективности именно при этом условии отмечена в ФЕ 于时始雪 (букв. снегопад начался в своё время, т.е. 'вовремя') [БКРС] – о случившемся в нужное время событии, происшествии/

5. Весьма своеобразным представляется осмысление снега как символа *бедствия, несчастья, трудных жизненных обстоятельств*. Ср. оборот, где представлены два «погодных» компонента:

雪上加霜 (букв. на снег ещё и иней – 'Несчастье за несчастьем'; ср. Беда не приходит одна). В переводе: «*Новая беда обрушилась на голову. К старым страданиям (бедам) прибавились новые*». [СХФС 2015: 832]

1934 年，我们老家夏旱秋涝，反动派又抓兵抢粮，真是雪上加霜。В 1934 году после летней засухи и последовавшего за ней наводнения нам на голову обрушилась *новая беда*: набор рекрутов в реакционную армию и налёты мародёров [КРИС 1980: 625].

Идея оказанной вовремя помощи (ср. рус. *Дорога ложка к обеду; Дорого яичко к Христову дню*) реализуется во фразеологизме 雪中送炭 (букв. прислать угля в зимнюю стужу, во время снегопада – 'помогать человеку в беде (своевременно)') [СХФС 2015: 832].

你们派技术员来帮助我们修电站，这真是雪中送炭呀。Вы прислали нам техника на строительство электростанции, и *ваша помощь пришла как раз ко времени* [КРИС 1980: 626].

6. В китайском обороте 程门立雪 (букв. стоять на снегу у двери дома философа Чэна) использовано имя человека Чэн И, который известен как учитель раннего неоконфуцианства. С этим связана история о двух его

учениках, которые пришли к учителю и застали его дремлющим. Не решившись его потревожить, они молча с почтением ждали, когда он проснется. Тот же, зная об их присутствии, не отрывая глаз, тоже молча ждал. После довольно продолжительного времени, в течение которого ученики стояли на зимнем холоде, Чэн И открыл глаза и притворился удивленным, увидев их. Когда ученики прощались со своим учителем, снега на улице – за время их ожидания и последовавшей беседы с учителем – прибавилось на один *чи* (мера длины, равная 0,333 метра) [Ханьдянь], что является знаком долготерпения учеников и проявления уважения к учителю.

Вывести целостное семантическое значение китайского фразеологизма довольно затруднительно, поскольку смысл, безусловно, складывается не из суммы значений отдельных компонентов, а отталкивается от знания описываемой культурной ситуации в целом; важна культурно-историческая или мифологическая подоплека оборота.

Так, без знания свойственного китайскому менталитету особого отношения к Учителю может оказаться непонятным и смысл фразеологизма

程门立雪 – следует понимать так: некто 'стремится стать учеником достойного учителя'. А главное свойство снега в этом устойчивом выражении коренится в осознании снега как *холодного* и поэтому создающего *трудности, которые надо преодолевать*. Данный фразеологизм в китайском языке используется в качестве выражения своего уважения к учителю или почтительного отношения к окружающим высокообразованным людям.

7. Совокупность объектов, названных в выражении 风花雪月 (букв. ветер, цветы, снег и луна) [БКРС], трактуется в словаре как семантическое целое: (1) наименования романтических объектов – образ, часто используемый в литературе, а также при 'описании красоты природы всех четырех времен года'; (2) указание на 'не особенно содержательное произведение, бульварную лирику, скучное (пустое) чтение, макулатуру (старые газеты)'. Также присутствует и иной вектор осмысления этого

оборота – значение (3) ‘любовь, роман’ и, наконец, (4) ‘разгул, развратная жизнь’

Материалы Национального корпуса китайского языка (НККЯ) делают также очевидными иные векторы ассоциаций, вербализуемые в контекстах с иероглифом (雪) ‘снег’.

2.1.2.2. Представления о снеге, отражающиеся в современном языковом сознании китайцев, отсутствующие в лексикографических источниках

В результате поиска по слову *снег*, представленному иероглифом 雪, в корпусе найдено 2306 примеров, вербализующих основные признаки снега, на которых мы и остановимся ниже. Нельзя не отметить среднюю численность примеров с этим иероглифом в Китайском корпусе – в сравнении с количеством примеров, иллюстрирующих представления о дожде (3312) и граде(84).

1. Китайцы, как и русские, отмечают пользу обильных снегопадов для будущего урожая. В Китае, который долгое время был аграрной страной, также существует двадцать четыре периода (сезона) сельскохозяйственного года. Каждый период отнесён к определённому лунному месяцу для сочетания лунного календаря с солнечным. Среди этих периодов выделяют такие периоды, номинации которых включают наименования осадков: 小雪 'маленькие снега' (с 22-23 ноября, период отнесен ко второй половине 10-го лунного месяца), 大雪 'большие снега' (с 7-8-го декабря, отнесен к первой половине 11-го лунного месяца), далее – 谷雨 'хлебные дожди' (период с 20-21 апреля, отнесен ко второй половине 3-го лунного месяца) и 雨水 'дожди' (период года с 19-20 февраля, отнесен ко второй половине 1-го лунного месяца) [Хань Дянь].

雪好春耕生产就错不了[燕燕, 迷路, 1989, 人民文学出版社]。

Снегопад сильный – значит, весенняя вспашка будет в порядке (успешной) [Янян, Заблудиться (1989)].

2. В трудной ситуации снег представляется съедобным, способным утолить жажду.

他轻轻拨开一层雪，挖一团松松的雪粉吃一口，……雪下面有一枚黄色的子弹壳[燕燕，迷路，1989，人民文学出版社]。

Он мягко раскрыл слой снега, набирал мягкие снежинки и глотал их... Под снегом лежит одна жёлтая гильза патрона [Янян, Заблудиться (1989)].

但秋红斩铁断钉地说："俺们人穷心不穷，跟着他，吞风吃雪我也受活[张雷，变天记，1955，通俗读物出版社]。

В следующем контексте поедание снега воспринимается как нежелательное и неприятное испытание: (букв.) Цюхун решительно ответила: мы бедные в кармане, но не в душе. Я готова с ним вместе даже проглотить ветер и есть снег [Чжан Лэй, Большое изменение (1955)].

3. Температура снега, как говорят специалисты, колеблется от -2 до $-0,5$ градуса. Вне зависимости от этого носителям языка снег всегда представляется холодным:

一片刺眼的雪光夹着逼人的寒气扑过来[燕燕，迷路，1989，人民文学出版社]。Сверкающие хлопья снега бросятся с резким холодом (с порывом холода) [Янян, Заблудиться(1989)].

4. Интересно переносное значение слова *снег*, основанное на признаке *холодный* и позволяющее использовать образ снега для характеристики слов, речи как эталон неласковых, равнодушных, жёстких.

一个人愤愤地低声说，这句话冷冷的，冷得像雪风一般的，刺入李的耳里[巴金，灭亡，1948]。

Он один там мучительно излагает, его холодные как снег слова услышал Ли [Ба Цзинь, Уничтожение (1948)].

5. В поэтических китайских текстах можно встретить неординарные развернутые метафоры с использованием образа снега.

千山鸟飞绝，万径人踪灭。孤舟蓑笠翁，独钓寒江雪。[柳宗元，江雪]

В горах нигде уж не летают птицы, стираются следы на мириадах троп. В одинокой лодке старик в камышовом плаще и бамбуковой шляпе, Отрешенно ловит снег в холодной реке [Поэт Танской династии Лю Цзунъюань, Снег на реке]

В данном контексте словосочетание *ловить снег* может иметь самые разные коннотации и потенциальные значения: ‘заниматься бессмысленным делом’; ‘размышлять’; ‘предаваться тоске и унынию’ и др. Это знак определенного эмоционального состояния.

б. Интересно стереотипное представление о способности снега выступать средством очищения. Причем как в прямом смысле, т.е. от очевидного загрязнения, т.е. привнесения куда-либо чужеродных, нежелательных, а то и опасных элементов, так и в переносном смысле, когда очищению подлежит, например, совесть, честь, душа.

Примером первого варианта служит следующий контекст:

他们抓起雪洗伤口，痛得直咧嘴[何建明，勇探西眉峡，1981，中国青年出版社]。

Они набрали снега (снежинок) и чистили им рану, кривя рот от боли [Хэ Цзяньминь, Симэнь ущелье (1981)].

事实教训了张学良，使他开始认识到，依靠蒋介石抗日复土是靠不住的，要报家仇，雪国耻，就必须改弦易辙...[李云峰，西安事变史实，1981，陕西人民出版社]。

Чжан Сюеляну это послужило наукой. Он начал понимать, что напрасно надеяться на другого. Если сам хочешь отомстить японцам за отца и смыть национальный позор, обязательно надо что-то изменить [Ли Юньфэн, Сианьские события(1981)]. Смыть национальный позор – в буквальном прочтении звучит как «вымыть (очистить) снегом».

Сравнение стереотипных представлений о снеге в русском языковом сознании на фоне китайских, вербализованных средствами устойчивых выражений и примерами контекстов, содержащих лексему *снег*, показало, что

набор признаков, выявленных в русской лингвокультуре, намного больше и разнообразнее, чем в китайском.

Наглядно результаты сопоставления совокупности представлений о снеге, реализованных средствами русского и китайского языков, отражены в **Таблице 1. (Приложение 2)**

2.2. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках

Устойчивые ассоциации с дождем как погодным явлением в разных его проявлениях – весьма характерны для концептуального и образного мышления носителей многих языков, в том числе – русского (и китайского). Это проявляется как в переносных значениях слова *дождь*, обретаемых в языке этой лексемой и отражаемых в толковых словарях, так и в ассоциациях, послуживших основанием для образования устойчивых выражений русского языка – сравнений, фразеологизмов, пословиц. Внимание исследователей привлекает характеристика дождя как многомерного культурно-значимого образования в коллективном сознании, вербализующего некий культурный смысл [Карасик 2004: 74]. Нельзя в этой связи не вспомнить и работу В.П. Васильева, детально анализирующего словную организацию когнитивного содержания концепта «Дождь» и выделяющего около 29 различных его признаков физического, консистенциального, квантитативного, аксиологического и проч. свойства [Васильев 2003: 3].

В данном разделе работы мы остановим наше внимание на стереотипных представлениях о дожде, характерных для русского этнокультурного пространства и рассматриваемых на фоне аналогичных представлений, сложившихся в китайском языке и культуре. Мы опираемся по-прежнему на данные толковых, двуязычных и фразеологических словарей, материалы Национального корпуса русского языка и Китайского национального корпуса, что позволяет сопоставить языковые репрезентации представлений и увидеть универсальное и этномаркированное в каждой из

лингвокультур. Нашей целью является определение векторов осмысления явления, стоящего за лексемой *дождь*, выделение в нем некоторых значимых сторон.

Назовем последовательно те представления, которые отражены словарями, а затем те из них, которые характерны для ментальности носителей русского языка, но не зафиксированы имеющимися источниками.

2.2.1. Осмысление дождя в русской культуре и его отражение в языке

Из слов, номинирующих такое явление, как дождь, в настоящее время наиболее частотными являются лексемы *дождь*, *ливень*, *реже – морось*, и, конечно, некоторые из устойчивых выражений – например, *льет (поливает) как из ведра*.

Основное содержание слова «дождь» определяется в русском языке как номинация 'атмосферных осадков в виде капель воды или струй, выпадающих из облаков' [Д.1: 750; ТСУ.1: 302]. Второе и третье значения русского слова связаны, согласно данным словаря русского языка, с семантикой «много»: 2. '*перен.* Множество, большое количество чего-л. падающего, сыплющегося' (и оттенок 'Множество, непрерывный поток, обилие чего-л. '); 3. *в знач. нареч.* дождём – 'Обильным потоком, во множестве; подобно дождю'. Приводится также фразеологизм *золотой дождь*, используемый для наименования больших, неожиданно появившихся денег [СРЯ.1: 417]. Следовательно, семантика 'множество' является важной составляющей в семантической структуре слова *дождь*.

Последнее значение в статье этого словаря основано на зрительном восприятии сильных и частых струй дождя: 'длинные нити из цветного металла для украшения новогодней елки: Елка сверкала живыми огоньками свечек. Огоньки отражались искрами на золотом и серебряном дожде [там же]'.

Проявления дождя как природного явления номинируются словами *капли*, *струя*, *поток* и др., слово *дождь* часто встречается в сочетаниях с

лексемами *небо, туча* (ср. ПЕ *Нет тучи без дождя*), *поток*, с прилагательными, дающими дождю самые разные характеристики (*редкий, сильный, проливной, затяжной* и др.), с глаголами, описывающими характер его выпадения: *хлынуть, моросить, идти, зарядить* и др.

Типология обнаруживаемых нами признаков дождя представляется довольно сложной и разнообразной, хотя значительное место в этой классификации занимает, безусловно, отражение ***обильности, множественности***, ассоциируемой с дождём.

1. Так, в основе сравнения *валиться (сыпаться, лететь) как дождь (дождём)* – ‘О ***множестве*** чего-л. густо, плотно ***сыплющегося, летящего***’ [БСРНС: 176] лежит аналогия между большим и практически неисчислимым количеством падающих капель дождя и значительным количеством предметов, совершающих стремительное движение (падение, полёт) в определенном направлении, преимущественно – вниз. Ср. также выражение *как дождя* чего-л. у кого-л. – ‘о ***множестве***’ [БСРНС: 176].

1.1. Ближайшая прямая аналогия – между дождем и каплями любой иной жидкости – воды, слёз и проч. проводится благодаря природному свойству дождя, его ***водной природе***; ср.: *залиться дождем слёз* [БСРНС: 176]. Лодка трещала, падая на волны, и серебряные *капли дождём сыпались* из-под ее киля [П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (кн. 2)] – речь идет о каплях морской воды.

1.2. Частые капли дождя могут ассоциироваться по своей частоте с ***«падением», появлением в большом количестве*** различных предметов – как материальных (артефактов), так и неких абстрактных явлений. Эта связь представляется в языке достаточно прочной и подтверждается данными словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (ср. иллюстрации: И мелкий дождь серебряных цветов В него с прибрежных сыпался дерев. Лермонтов, Аул Бастунджи; Засновали по залу пары, с хор хлынул дождь конфетти. Б. Полевой, Елка [СРЯ.1: 415-416]). Это значение указывается и в словаре сравнений, в котором приводится достаточно широкий круг глаголов,

образующих варианты устойчивого оборота: *литься/ политься/ падать/ сыпаться/ рассыпаться/ лететь дождем* [БСРНС: 176]. Ср. также в материалах Национального корпуса русского языка: Они побежали между верстаками, задевая за пачки листов. *Листы дождем сыпались* на землю, девушки-фальцовщицы в испуге и удивлении кидались в стороны [В. В. Вересаев. Два конца].

Предметы в большом количестве, как мы видим, могут падать на что/кого-л. в буквальном смысле; ср.: Успех был, без всякого преувеличения, грандиозный. Когда мы выходили на овации зрителей, на нас *дождем сыпались* не просто цветы – нас *засыпали лепестками роз*. <...> Украинские слушатели устроили мне такой же «дождь» [И. К. Архипова. Музыка жизни].

С помощью выражения *сыпаться дождем* акцентируется не только поступление чего-л. в значительном количестве, но и частота появления предметов: Два года цветным *дождем сыпались* на Анисью *открытки* – голубые, красные, желтые, зеленые, с диковинными нездешними картинками [Ф. Абрамов. Алька].

Ср. также в дискурсе:

Его уважаемые учителя не стеснялись так говорить, хотя ещё полыхали митинги, *шёл дождь брошюр, плакатов*, всё было насыщено политикой, призывами, казалось, ими одними можно повернуть русскую машину к новой жизни [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Затем на меня пролился *дождь из червячков* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].

1.3. Весьма характерным для русского дискурса является сопоставление с дождем падения в устрашающем количестве различного вида **снарядов** (аналогичное употребление отмечено и для слова *град*). Ср.:

Чем ближе подходили колонны, тем ожесточеннее осыпали их *картечью и пулями* наши матросы и солдаты. И пули *летели дождем* [К. М. Станюкович. Севастопольский мальчик. Повесть из времени Крымской войны].

На передовой усилился огонь из пулеметов и минометов. <...> С тыла была вражеская артиллерия. Осколки *сыпались, как дождь* — вынуждены отходить. [А. А. Авдеев. Дневник (1941)]

Но владимирцы мужественно отбивались на стенах, и стрелы *летели как дождь*. Однажды Мстислав стоял на забрале, наблюдая за действиями врагов. [А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)]

В словаре сравнений отмечена и иная версия сравнения – *что дождь* – 'О сильном ружейном или пулемётном огне' [БСРНС: 176].

1.4. **Речевые реплики** разной прагматической направленности (комментарии, обвинения, замечания, предложения и проч.) также нередко характеризуются оборотом *сыпаться дождем*: И речи, произнесенные над его могилой, <...> все были выдержаны в казенно-антиправительственном тоне. <...> *Дождем сыпались выражения* типа «светлые и свободные убеждения», «борец с бюрократизмом», «философ-идеалист и защитник прав гражданина» [Андрей Левандовский. «Не дождался, голубчик, свободы...» // «Родина», 1999].

В современном дискурсе примеров употребления сопоставления с дождем речевых реплик, высказываний и проч. совсем немного и не исключено, что это объясняется выбором говорящего в пользу выражения с компонентом *град*, весьма частотным.

2. Интересна ассоциация различных предметов с дождем на основе такого его признака, как многочисленные ***брызги, летящие в разные стороны***: Расползались задом наперед раки, торопливо, бочком, убегали крабы <...>. *Рыбы* разноцветным *дождем летели* подальше от этого страшного места [Григорий Адамов. Тайна двух океанов].

Являясь результатом падения, удара, «брызнуть» в разные стороны могут не только пролитые жидкости, но и другие многочисленные (чаще мелкие) предметы, движение которых сравнивается с «поведением» воды: *брызнуть в разные (все) стороны*; ср.: Он с припадочной силой

в несколько ударов расщепил стол, потом яростно хватил шашкой по зеркалу, и *осколки* от него сверкающим радужным *дождем брызнули* во все стороны [А. И. Куприн. Поединок].

Значение ‘врассыпную’ реализуется и в устойчивом сравнении *дождем бежать* – ‘бежать большой толпой или врассыпную’ [БСРНС: 176].

3. В народных сравнениях *появиться/ подняться как дождь* и *исчезнуть как дождь* [БСРНС: 176] проявился такой признак дождя, как ***непредсказуемость, неожиданность*** его начала и окончания; ср. приведенный выше оборот *как снег на голову*. Ср. выражение *Либо* дождь, *либо снег, либо будет, либо нет* – о непредсказуемости погоды и иных жизненных событий. Это качество дождя отразилось в стихотворных строчках: *Любовь как дождь пропала./ Наверное, я опоздала. / Любовь как дождь – исчезла.*²

4. В устойчивых выражениях отразилась водная субстанция дождя, его ***способность вымочить*** (намочить, смочить) попавших под него (*дождем не смочить* кого-л. – ‘о большом скоплении людей’³; пословица *Мокрый дождя <а нагой разбою> не боится* – ‘о человеке, которому нечего терять’ Д.1: 453) и доставить тем самым неприятности: *ровно дождем намочило* кого-л. – ‘о нахмурившемся, нахохлившемся, надувшемся человеке’ [БСРНС: 176]; *ходить как дождём прибитый* – ‘смутный, вялый’ [Д.3: 398]. Ср. также паремию *Дождик вымочит, солнце высушит; Дожди мочат – не размочат*.

Ср. в дискурсе:

В Максатихе гостей из Твери и жителей самого посёлка встречали на площади гостеприимные хозяева и... *проливной дождь*, решивший сразу же *окунуть* всех в атмосферу праздника. [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», 2004].

² Зотина, К. Любовь как дождь пропала // Поэтический портал. – №1. [Электронный ресурс]. / К. Зотина. – 2016. – Режим доступа: <http://poem4you.ru/Kristina1/lyubov-kak-dojd-propala.html>.

³ Этот диалектный пример находим в таком контексте: Что ты, княже, будто в осаде от своих же людей? Народ невесть что подумает. — А что, много собралось? — Князь оглянулся на воеводу. — Да порядочно... народу — *дождем не смочить!* [Е.А. Дворецкая. Чары колдуньи]

Глагол *окунуть* реализует сразу два своих значения – прямое, перекликающееся с семантикой 'вода', и переносное – 'погрузить в атмосферу чего-либо (праздника, делового общения и проч.)'.

Логически из предыдущего положения вытекает лингвокультурологическая установка «**От дождя нужно прятаться**, искать прибежище»: *Дырявая крыша – от дождя не прибежище; Крытому боку и дождь нипочем; Не под дождем: постоим да подождем; Человек не грибочек, не вырастет под дождичек*. Несколько пословиц указывают на бесполезность сомнительного, плохого укрытия: *От дождя под бороной не спасешься (не спрячешься); Поприкрылся цыган неводом от дождя*.

Отсюда и фразеологические обороты, описывающие неудачную попытку укрыться от дождя: *Ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны; Ни от ветру затулья, ни от дождя покрышки* – со значением 'о бесполезности принятой меры или неотвратимости чего-либо, незащитности. На бедность, отсутствие самого необходимого у человека указывает выражение *Дождем покрыто, полем огорожено* – где вместо крыши над головой выступает дождь.

От дождя необходимо не только **прятаться** самим, но и **укрывать** вещи, следует **пережидать** дождь:

При перевозке мебели желательно постелить на багажник куски гофрированного картона, и при малейшем намёке на *дождь* укрыть груз полиэтиленовой плёнкой. [Навыки: Как правильно перевозить груз на крыше (2002)].

Там вода верхом идёт. *Переждал бы дождь...* Люди поедут, я поспрошаю [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996].

Осмысление дождя как **неприятности, опасности** проявляется и во фразеологической характеристике смелого человека: *ни дождя ни облою не боится* [БСРП 2010: 193]. Как показывают пословицы, компонент *дождь* выступает в их составе не только как номинация погодного явления, но и как символ неприятности, невезения, огорчения: *Наше счастье – дождь да*

ненастье – 'о невезучем, неудачнике; о невезении' [ДП.1: 42]. О смене одной неприятности другой говорится в ироничной паремии *Быть было ненастью, да дождь помешал* [Д.1: 453]. Оба компонента – *ненастье* и *дождь* – обретают в составе пословиц способность передавать значение 'печаль, плохое настроение, беда': *На сердце ненастье, так и в ведро дождь* [ДП.1: 117]. Здесь хорошо ощущается семантическая связь между словами *дождь* и *ненастье*, образующими своеобразную синонимическую пару. Ср. также вариант ПЕ: *У кого на сердце ненастно, тот хмур и в ясный день*. Ср. также пословицы: *Однажды дождь шел дважды* – 'двойное несчастье', *Тихой дождь* – 'длительное, затяжное несчастье'. Такое осмысление дождя наблюдается и в современном употреблении – например, в песне «У тебя на сердце дождь» И. Круг и М. Круга, где дождь символизирует печаль⁴.

Эта же ассоциативная линия лежит и в основе фразеологизма (*попасть от дождя да в воду* [Д.1:453], *от дождя да под капель* со значением 'из одной неприятной ситуации в другую' [БСРП: 193], образованного по весьма распространенной модели (ср.: *из огня да в полымя; От волка бежал, да на медведя попал*).

Интересно сочетание в одной ПЕ двух наименований осадков в значении 'неприятность': *Был бы дождь, да снег помешал*. С этой семантикой связано и выражение *На одном часу (на одной неделе) и дождь и снег (и снег и дождь)* – т.е. не ладится и одно, и другое; неприятности следуют одна за другой.

Дождь, наоборот, может рассматриваться и как незначительная неприятность, которой можно не опасаться – в сравнении с куда большей: *От дождя уйдешь, а от беды не уйдешь, Человек не глина, а дождь не дубина*.

В ПЕ с двумя параллельными частями – *Дождь – не дубина, не убьет; беда – не смерть, в гроб не уберет* – осуществляется и буквальное

⁴ У тебя на сердце дождь, / Мокрые ресницы. / Ты сегодня не придешь, / Даже не приснишься [И. Круг, М. Круг; <http://ru23348.mp3cc.org/m/185458-irina-krug-i-mihail-krug/>]

прояснение значения компонента *дождь*: это не большая беда, а лишь маленькая проблема.

5. Отдельный большой блок единиц составляют устойчивые выражения, отражающие важность дождя для растений, для сельского хозяйства: *Будет дождик – будут и грибки, а будут грибки – будет и кузовок; Без дождя виноград не роден; От бога дождь, а от дьявола ложь.*

Дождь нужен для хорошего урожая хлеба: *Дождь – мужику рожь, а бурлаку – вошь; В мае дождь – родится (будет и) рожь; Весною дождь парит, а осенью молчит. Радуга-дуга, принеси ты нам дождя!* – формула, связанная с представлением о том, что высокая радуга к ведру, а низкая – к ненастью. Отсюда и большое внимание к приметам, отмеченным в форме паремий: *Лебедь летит к снегу, а гусь – к дождю; На святого Петра дождь – жито как хвост; До Ильи поп дождя не умолит; после Ильи баба фартуком нагонит* (До Ильи – т.е. до праздника Св. Ильи, до 2 августа). Крестьянский календарь многие праздники связывает с типичными для этой поры погодными условиями: *Вознесенье с дождем, Илья с грозой. Вознесенье* – это сороковой день после Пасхи, т.е. весной, когда дожди особенно нужны, чтобы хорошо смочить землю для будущих посадок.

Поговорка *делать дождевую* указывает на обычай (ритуал) женщин, которые брызгают на себя, чтобы вызвать дождь [БСРП: 193].

Однако если дождь очень нужен во время посева и созревания хлеба, то он совсем нежелателен во время его уборки, косьбы, молотьбы – урожай может испортиться, что отразилось в пословицах: *Тут дождя просят, а он идет, где косят; Поколь дожди стоят, косить нельзя! Думал косить, а дождь косит* – здесь использован прием сочетания в узком контексте двух омонимов; *косить* – ‘о косом дожде’ (*бьет накось*); *Небольшой дождишко – хозяину горе, работникам отдышка.* Отсюда и указание, что все нужно делать быстро и в свое время: *В ведро – гулянка, в дождь – молотьба.*

Особенно важен дождь в длительную засуху, что отразилось в выражениях с переносным смыслом, где этот образ говорит о важности

своевременной помощи, поддержки: *Помощь в несчастье (ко времени) – что дождь в засуху; Доброе слово человеку – что дождь в засуху.*

На уместность/ неуместность действия указывается и в ПЕ *Ты в сухмень полей, в дождь и так мокро; В дождь коси, а в ведро греби*
Пословица *Запоздалый совет – все равно, что дождь после жатвы* говорит скорее о неуместности предлагаемого – того, что было важным, насущным раньше.

Важность дождя проявляется и в его использовании в качестве приметы во время свадьбы: *Дождь на молодых – счастье.*

Дождь в оборотах народного происхождения противопоставляется сухой хорошей погоде – вёдру: *В вёдро епанчу носи, а в дождь – сама идет; Будет дождь – будет и ведро. В дождь избы (крыши) не кроют, а в ведро и сама не каплет (не течет).*

В устойчивых выражениях говорящие связывают с дождем и иные природные явления:

Капля – каплевидная «структура» дождя актуализируется в следующих пословицах: *По капле дождь – а дождь реки поит: реками море стоит; По капле дождь, по росинке роса*, позволяющих передать мысль о том, что большой, значимое складывается из небольшого, из мелочей (ср. *С миру по нитке – голому рубаха*);

Интересно выражение *Некуда из тучи капле дождя кануть* со значением 'о большом скоплении людей, о тесноте' (ср.: *яблоку негде упасть*);

туча как источник дождя (*Без тучи нет дождя, без печали нет слез; Туча прошла, а дождя не видали*);

грязь как результат длительных дождей, размывающих землю: *Дождь, грязь, а мы на лыжах* – современная шутивная поговорка, выступающая в двух значениях: 1) 'о неуместности планируемых, осуществляемых действий'; 2) 'всегда ко всему готовы'; ср. в речи:

Ни дождь, ни грязь не были помехой [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996].

град, сменяющий дождь при резком понижении температуры и представляющий серьезную угрозу для урожая: *Дождь прибьет – хлеб да трава встанет, град – в лоск уложит*;

снег – в мире природы соседствующий с дождем: *Тепло светит солнышко, да Авдотьей поглядывает – либо снег, либо дождь*.

Интересно выражение, не связанное, возможно, с циклом хозяйственных работ: *после дождичка в четверг* [РФ: 193] – 'Неизвестно когда, никогда'. Его происхождение можно объяснить объективным фактом непредсказуемости появления дождя, т.е. нужно дожждаться, а уж потом будет видно, пойдет ли дождь. Т.е. обещание, сопровождаемое этой фразой, исполниться практически не может.

В отличие от снега, для которого признак «температура», «холодный» является весьма характерным, дождь может характеризоваться антонимичными прилагательными – дающими позитивную или негативную оценку: *теплый, прохладный, холодный, ледящий, противный, мерзкий*.

Но первый приступ зимы оказался коротким, и уже к вечеру моросил *тёплый дождь*, быстро слизывая снег с крыш и газонов. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

Лето в Сочи вступает в свои права с трудом: бывает, что и в июне люди носят плащи — моросит *холодный дождь*. [Ю. Н. Карпун. Природа района Сочи (1997)]

Фрейдинг не знал ни песка, ни снега, даже сейчас, в середине зимы, с неба лил лишь *холодный дождь*, а под ногами чавкала грязь, грозившая поглотить каменные мостовые. [Лукияненко Сергей. Бхеда (2014)]

В художественном тексте при показе негативного настроения героя, его пессимистического взгляда на мир, состояния дискомфорта и т.д. дождь может прямо или косвенно указывать на недоброжелательность атмосферы в целом, например:

В Свердловске *шел холодный дождь*. Голев мучительно старался найти что-нибудь хорошее в городе своей любимой, но не мог – *серо-*

коричневая, шинельного цвета, грязь, унылые, как документальные фильмы, дома, и вода из-под крана пахла несвежим бельем [Анна Матвеева. Голев и Кастро].

Как видим, указание на холодный дождь вписывается в широкий ряд средств, направленных на формирование представления о настроении героя.

6. Отдельные устойчивые выражения описывают **характер выпадения дождя, степень его интенсивности**: *лить как нанятый; лить (хлынуть) как из ведра*.

На характер дождя, на факт его начала и окончания говорящие в обыденной речи указывают весьма часто и самыми разнообразными способами:

Моросил дождь, машину кое-где заносило на мокрой листве. [Андрей Волос. Недвижимость (2000)].

И вдруг этот велосипед появился в фильме — в сцене, когда *начинается дождь* [Джим Керри – изнутри и снаружи (2004)].

Похоже, дело шло к наводнению. Краткими залпами *брызгал дождь*. [И. Грекова. Фазан (1984)].

На лобовом стекле начали появляться *мелкие волдыри дождевых капель* — гуще, гуще, — и скоро дождь *хлестал* вовсю: было видно, как он *чёрными полосами бежит* по дороге, и ветер швыряет его вправо и влево [Андрей Волос. Недвижимость (2000)].

Приехали под *проливным дождем*, взяли такси и отправились с Севкой в издательство "Советский писатель". [Н. Катерли. «Сквозь сумрак бытия»].

Особенно удивила Голева сценка на одной из автобусных остановок: пошел *мелкий дождик*, и граждане встали под навес [А. Матвеева. Голев и Кастро].

— Не знаю, товарищ полковник. Может быть, *дождь* их задержал. Вон как *хлещет* [Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные

приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)].

Таковы результаты осмысления такого явления, как дождь, отразившиеся в устойчивых выражениях русского языка. Анализ современных контекстов позволил уточнить круг типичных ассоциаций, связываемых носителями русского языка с дождем за счет следующих представлений.

Так, например, для носителей языка оказываются весьма важными (1) *звуки, издаваемые дождем*, что часто отражается в контекстах:

Худые, протекающие крыши. *Дождь* по ним *стучал*, будто когтями. [И. Грекова. Фазан (1984)].

...Это просто невозможно терпеть – опять проснулась *под шум дождя!* На улице тьма кромешная, я думала еще лечь, а посмотрела на часы – 10 уже... [Н. Катерли. «Сквозь сумрак бытия»]

Наше внимание привлёк контекст, в котором шум, создаваемый спорящими людьми, сравнивается со звуками сильного дождя и даже с отдельными струями, под которыми, вероятно, понимаются реплики отдельных говорящих:

Тут они зашумели. *Шум обрушился, как обильный грозовой дождь. Застучали* отдельные струи [И. Грекова. Без улыбок (1975)].

Интересно восприятие дождя как типичного для некоторых регионов. В частности, дождливой погодой, как считают носители языка, отмечен Санкт-Петербург. Ср. подмеченное в литературных строках:

Дождь по асфальту рекою струится, *Дождь* на Фонтанке и *дождь* на Неве, Вижу родные и мокрые лица, Голубоглазые в большинстве [К. Григорьев и Б. Гершт. 1963 г.].

Шёл *дождь*, и я подумал: вот она, петербургская литературная традиция [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].

Шум дождя может восприниматься как фактор, определяющий эмоциональное состояние героя:

Мокрый снег сменился холодным *дождем*, более *шумным* и *сердитым*, чем снег, лишь лизавший окна автобуса, тогда как дождь начал *буйно в них стучать* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982)].

На фоне буйно, сердито стучащего дождя вчерашний мягкий (ласковый) снег воспринимается как благо.

С дождем часто ассоциируются у говорящих состояние скуки, тоски; проводится параллель между монотонностью дождя и однообразием жизни:

Вечный уличный *дождь*, безлюдье, воздух напоен *смертной скукой* [Запись LiveJournal (2004)].

И наоборот, улицы, сам город, природа, омытые дождем, часто воспринимаются как *обновленные*, предстающие в ином свете, внушающие желание жить:

В том сне я отчетливо видел себя *в промытый дождем предзакатный час*. Я шел по Кутузовскому проспекту, а в небе над Триумфальной аркой горела небывалая радуга [Л.Г. Зорин. Трезвенник]

2.2.2. Осмысление дождя в китайской культуре и его отражение в языке

В китайском языке интересна графическая (пиктографическая) фиксация семантики 'дождь': это иероглиф 雨, две горизонтальные символизируют небо, три вертикальных черты – пространство этого природного явления, а точки внутри напоминают капли дождя (см. **Приложение 1**). Трактовка слова в китайских толковых словарях близка к русской традиции: 雨, 从云层中降向地面的水。云里的小水滴体积增大到不能悬浮在空气中时,就下降成为雨。(букв. Дождь – это вода, которая выпадает из облаков на землю). В статье словаря современного китайского языка приводится и краткое объяснение способа образования дождя: «Когда размер капель воды в атмосферных осадках постепенно увеличивается, воздух не может поддерживать его вес, капли воды падают – таким образом возникает дождь» [ССКЯ: 1591]. В качестве иллюстрирующих сочетаний

приводятся: 雨点 (капли дождя)、雨季 (сезон дождей)、雨量 (объем дождевых осадков)、雨水 (один из 24 сезонов сельскохозяйственного года по лунному календарю, с 18 по 20 февраля; «дождь» – название этого сезона), 雨衣 (дождезащитная одежда)、雨意 (предвестие дождя).

В китайском языке также немало устойчивых выражений с компонентом 雨, вербализующих стереотипные представления о дожде. Некоторые из них связаны с дождем как с исключительно природным явлением:

噴雨噓云 (букв.: «разлетаются в разные стороны капли дождя и облако развалилось») – ‘Гребни волн забрызгивались (разбивались, распадались)’ [СКЯ, zdic.net⁵].

В выражении 呼风唤雨 (букв.: «вызывать ветер и дождь») совмещаются два значения: ‘управлять погодой (природой)’ и ‘заниматься подстрекательством’; 人类支配自然做到呼风唤雨的日子已经不远了。 «Недалёк тот день, когда человечество покорит природу и научится управлять погодой» [КРИС: 194]. Здесь невольно напрашивается параллель с русским оборотом *делать погоду*, т.е. ‘управлять ходом событий, определять его’.

М.В. Домбровская отмечает, что с развитием человеческой цивилизации «природное начало» в составе лексемы *дождь* еще преобладает, но роль «природного» постепенно уменьшается [Домбровская 2006: 108]. И, следовательно, становится все более активным использование слова в переносных смыслах.

В устойчивых выражениях китайского языка, обнаруженных нами в словарных материалах, очевидно, как положительное отношение китайцев к

⁵ На этом сайте, ориентированном на профессионалов и любителей китайского языка, располагается словарь, содержащий подробную информацию: определения китайских слов, их толкования, перевод на английский язык, особые сведения о каждом иероглифе. Словарь включает 75983 иероглифов, 361998 словосочетаний и устойчивых выражений и 32868 их толкований.

дождю, так и отрицательное его восприятие. Отметим последовательно отдельные отмеченные нами признаки.

А. Положительное отношение к дождю в китайской лингвокультуре

Дождь как природное явление (雨) приносит *пользу* крестьянам, занятым сельскохозяйственными работами: он поливает посевы и способствует получению хорошего урожая. В китайском языке с этим словом (иероглифом) существует много устойчивых выражений, свидетельствующих о важности хорошей погоды, дождя:

雨我公田 (букв. «Пролей дождь на поля моего господина») [БКРС].

风调雨顺 (букв. «ветер мягок и дожди благоприятны») – 1) 'благоприятная для будущего урожая погода; 2) 'благоприятные погодные условия, хорошая погода';

这一年风调雨顺，五谷丰登。В этом году погодные условия были благоприятными и урожай – обильным [КРИС: 140]; 五风十雨 (букв. «один ветер за пять дней и один дождь за десять дней») – 'подходящие для сельского хозяйства климатические условия' [БКРС].

Восприятие дождя как *животворной влаги* отразилось в сравнительном обороте 雨后春笋 (букв. «как побеги бамбука после весеннего дождя; как весенний бамбук после дождя») – 'появляться в большом количестве'; ср. рус. *как грибы после дождя*; 各种信息公司如雨后春笋，相继而出。В городе, как весенний бамбук после дождя, выросли тысячи и тысячи небольших информационных фирм [Ян Чаоцюань, Ли Яньчэн. Информатика (1988)].

Если в русской культуре быстрота появления чего-либо в большом количестве передается с помощью выражения *как грибы после дождя*, то в китайской культуре таким образом становится бамбук. В Китае бамбук употребляется в пищу – именно ростки молодого бамбука, поэтому его быстрый рост воспринимается китайцами положительно. Будучи типичным

для восточных жизни и культуры растений, бамбук служит символом постоянства, изящества, гибкости и пластичности, а также хорошего воспитания, длительной дружбы, долголетия и цветущей старости – поскольку он постоянно зелен [Филимонова 2003: 31].

Дождь как залог успешного произрастания посевов, **источник необходимой влаги, питания** развивает и переносное значение, поэтому в идиоматическом выражении дождь может символизировать «питательные вещества», формирующие определённое идейно-нравственное воспитание человека. Например:

和风细雨 (букв. «лёгкий ветер и мелкий дождь») – ‘умеренное; мягкое; доброжелательное воспитание’; 本以为流沙河老师会翻起怒涛, 不料竟是一派和风细雨。他看出来我的不安, 反过来安慰开导我。 Сначала думал, что преподаватель Лю Шахэ будет сердиться, но он вел себя мягко и доброжелательно, избегая резкости. Заметив мое волнение, он утешил меня парой фраз [Син Сюлин. Незаслуженно забытый поэт Лю Шахэ (1993)].

春风化雨 (букв. «весенний тёплый ветер обдувает и своевременный дождь идёт; очень хорошая погода для растений») – ‘говорится о семенах (сеять семена) просвещения; благотворное влияние воспитания’ [БКРС]. 当连长的这几年, 我努力像张安定一样春风化雨, 我觉得自己对大多数的兵都能做到这一点。 В последние годы в качестве командира роты я стараюсь воспитывать солдат без криков и наказаний, как Чжан Аньдин [Ван Кай. Всё равно уходит (2010)].

Понимание дождя как **блага, ниспосылаемого свыше**, как благодеяния, проявления доброты, обнаруживается в таком обороте, как 惠泽雨施 (букв. «дождь идёт, милости ниспосылаются») – ‘о благах, получаемых в изобилии’. [БКРС] Вероятно, речь идет о чем-либо, получаемом без материальных затрат, бесплатно, получаемом свыше, «от неба». Если верующие христианства и православия получают все блага от Бога, то

китайцы воспринимают небо как безличную божественную силу [Максимов 2011].

Восприятие дождя как *своевременного*, как долго ожидаемого и потому *желанного* – один из признаков, сформировавшийся за долгую историю хозяйственной жизни китайского крестьянина. Это весьма актуально для северной части Китая, где людям часто приходится бороться с засухой. Отсюда и трактовка дождя, легшая в основу переносных значений ‘приятный сюрприз’, ‘реализация давней мечты’:

久旱逢甘雨(букв. «долгожданный дождь после длительной (долгой) засухи») – ‘исполнение заветных чаяний; заветное желание исполнилось’; 当市委书记把自动筹集的一万元送到少数民族校长手中时, 他激动地说: “这笔钱对我们学校来说, 真是久旱逢甘雨啊!”。Секретарь муниципалитета передал десять тысячи юаней директору школы в районе национальных меньшинств, тот сказал с благодарностью: «Эти деньги для нас словно долгожданный дождь после длительной засухи!» [Сообщение Информационного агентства Синьхуа 07, 2001].

随车致雨 (букв. «сезонный дождь идёт вслед за колясками»); *коляски* – метонимическое обозначение чиновников, которые в них передвигаются. ‘Чиновники вовремя предлагают важные (нужные) услуги людям’ [СКЯ]. В китайской культуре император считается сыном неба, а его служители (чиновники) могут принести людям благо. «Вслед за колясками» – означает, что всё нужное, хорошее поступило (появилось) вовремя (с прибытием чиновников); людям не пришлось долго ждать.

Положительно воспринимается именно своевременный дождь, выпадающий, когда он более всего необходим:

支援麦收, 事不宜迟, 错过时机就是雨后送伞了。Уборка пшеницы не терпит промедления, если упустим время, то наша помощь окажется запоздалой [КРИС: 713].

Такое восприятие дождя приводит к формированию и переносного значения: 雨后送伞 (букв. «приносить зонтик, когда дождь уже кончился») – говорится о запоздалой учтивости (внимании, любезности, помощи), подоспевших поздно и потому уже ненужных [КРИС: 713]; ср. рус. *после ужина горчица*.

Б. Отрицательное отношение к дождю в китайской лингвокультуре

Дождь как знак плохой, нежелательной погоды часто ассоциируется с ветром (风) и поэтому мы встречаем в устойчивых выражениях комбинацию «дождь + ветер», обозначающую трудные погодные условия и – в переносном смысле – любые **трудные жизненные ситуации**. Эта семантика представлена во многих китайских устойчивых выражениях.

栉风沐雨 (букв. «причесываться ветром, дышать дождем») – ‘невзирая ни на дождь, ни на ветер; и в дождь и в бурю; в любую погоду; под открытым небом’; ‘невзирая на тяготы, трудности, лишения (пути, путешествия) и проч.’; 青年突击队员栉风沐雨绿化荒山。Молодые ударники вели лесопосадки в горах, невзирая на трудности (на дождь и ветер) [КРИС: 748].

餐风宿雨 (букв. «питаться ветром и иметь ночлег (ночевать) на дожде») – ‘о бедной или бродячей жизни; переносить тяготы пути’ [БКРС].

Это сочетание компонентов входит в обороты, ассоциируемые в сознании носителей китайского языка с **неудобствами, трудностями, невзгодами**, например:

风吹雨打 (букв. «порывы ветра и удары дождя») – ‘неприятности и невзгоды’ [БКРС].

风雨同舟 (букв. «быть вместе в ветре и дожде») – ‘быть вместе в трудностях; делить горе (лишения); плыть в бурю в одной лодке с кем-л.; жить одной судьбой’. Например: 我们在斗争中风雨同舟，生死与共。Мы жили одной судьбой, делили в борьбе лишения и невзгоды [КРИС: 147];

风雨无阻 (букв. «Ни дождь, ни ветер не могут служить препятствием») – ‘ничто не может остановить (помешать, воспрепятствовать); ничто не помеха; не считаться ни с кем/ чем; *при любых обстоятельствах*; в любую погоду’. 老师每天送这孩子回家, 风雨无阻。 Каждый день, в любую погоду, учительница провожает этого мальчика домой [КРИС: 146];

经风雨, 见世面。 (букв. «ветер и дождь (т.е. бури) испытать, на мир посмотреть») – ‘испытать бури, пройти школу жизни; закалиться (побывать) в трудностях, узнать жизнь; о бывалом, много повидавшем; идти по жизни навстречу бурям’ [БКРС]. 如何改变这一现象, 现任让新秀尽早、尽多地参加国际比赛, 让他们经风雨、见世面 [新华社 2004 年 1 月报导]。 Как в корне изменить эту плохую ситуацию? Молодые спортсмены должны больше участвовать в международных конкурсах, они должны идти навстречу бурям, должны идти в жизнь [Сообщение Информационного агентства Синьхуа 01, 2004].

Сочетание ветра и дождя стало в китайской культуре символом *большой неприятности, несчастья*, например:

风雨交加 (букв. «ветры и дожди (грозы) сменяют друг друга») – ‘несчастье за несчастьем, беда за бедой; сплошные беды’ [БКРС].

风雨飘摇 (букв. «ветры и дожди неистовствуют») – ‘о смутном, тревожном времени, поре кризисов и затруднений, шатком положении’ [БКРС]. В качестве русских эквивалентов авторы словаря приводят такие выражения, как *плыть (находиться) в утлом челне; шататься; трещать по всем швам; колебаться; быть неустойчивым*; 明末, 在农民起义军的打击下, 崇祯皇帝的统治处于风雨飘摇中。 К концу династии Мин господство императора Чунчжэня зашаталось под ударами крестьянских повстанцев [КРИС: 141] – (буквально: претерпело неистовство дождей и ветров).

狂风暴雨 (букв.: «Буря с ливнем») – ‘житейские бури, *большие невзгоды*; гроза, грозный; непогода; шторм’ 在那狂风暴雨的时代, 有许多伟大历史事件, 是跟延安的名字联系在一起的。Много великих исторических событий тех грозных лет неразрывно связано с именем Яньани [КРИС: 274]. В китайском языке вследствие отсутствия особого иероглифического обозначения бури эта семантика передается двумя иероглифами – «сильный» и «дождь» (狂 и 风). Степень неистовства «бури с ливнем» (狂风暴雨) во много раз сильнее, чем «дождя и ветра» (风雨飘摇).

凄风苦雨 (букв. «Проливной дождь и ледяной ветер») – ‘ненастье; жалкое положение; *горе и страдания*; тяжёлые времена’. 这些孤儿是在凄风苦雨中长大的。Эти сироты росли в горе и страданиях [КРИС: 237].

Дождь как погодное явление, которое не всегда является неожиданным – иногда его приближение ощущается заранее и предполагается – отразилось в обороте 密云不雨 (букв. «На небе полно туч, а дождя ещё нет») – ‘события назрели; в преддверии бури’ [БКРС].

В. Иные стереотипные представления о дожде

Как и в русской лингвокультуре, носители китайского языка видят в дожде проявление *множественности, обильности*.

В первую очередь речь идет о *жидкостях, каплевидных субстанциях*, ассоциируемых с дождем.

泪如雨下 (букв. «слёзы полились из глаз, как дождь») – ‘горько заплакать; рыдать в три ручья’ [БКРС]. 国歌声中, 泪如雨下 [1994 年报刊精选]。При исполнении государственного гимна у всех слёзы градом покатались из глаз [Сборник газетных публикаций (1994)].

挥汗成雨 (букв. «пот льёт как дождь») – ‘обливаться потом; знойный (жарко)’ [БКРС]. 在那挥汗成雨的日子里, 炼钢工人仍忘我地奋战在炉旁。В

жаркие дни сталевары самозабвенно (букв. «обливаясь потом, как дождем») продолжали работу у печей [КРИС: 206].

Оборот может использоваться применительно к *другим предметам*: 雨谷三日 (букв. «шёл дождь хлебом (зерном) в течение 3 дней» – 'было много хлеба (зерна)' [БКРС].

Весьма характерной является и параллель, проводимая между обильно выпадающим дождем и *количеством снарядов (выстрелов, пуль и т.д.)*:

枪林弹雨 (букв. «лес ружей и ливень пуль») – 'ожесточённый бой; ураганный огонь' [КРИС: 389]. 昨天枪林弹雨中大难不死, 今天照样若无其事的炸死你 [张爱玲, 小团圆]. Хотя вчера ты выжил в ожесточённом бою (под ливнем пуль), это не значит, что сегодня ты можешь избежать опасности [Чжан Айлин. Маленькая счастливая встреча. 1976].

В китайской культуре, как и в русской, с дождем ассоциируется и *значительное количество людей*. Ср.: 谋臣如雨 (букв. «мудрецов как дождя») – 'чрезвычайно много мудрецов' [СКЯ].

Нельзя не отметить интересный элемент национальной культуры – широкие рукава, характерные для традиционного китайского костюма – в устойчивом выражении 袂云汗雨 (букв. «люди подняли свои рукава, рукава собрались как облако, люди вытерли пот, пот пролился дождем») – 'о большом скоплении людей' [baidu]. С другой стороны, дождь выступает как бы в двух проекциях, ассоциируясь с большим количеством людей и потоком каплеобразной жидкости – пота.

С потоками дождевой воды могут ассоциироваться и *потоки крови*:

腥风血雨 (букв. «ветер, воняющий мясом, и кровавый дождь») – 'О кровавом (т.е. жестоком); потоки (реки) крови; в крови'; 在白色恐怖的腥风血雨中, 他一直坚持党的地下工作。 В кровавые дни белого террора он ни на минуту не прекращал подпольной партийной работы [КРИС: 613].

Непредсказуемость как признак дождя отразилась в выражении, говорящем о трудности прогнозирования событий и целесообразности

предварительной подготовки к ним: 未雨绸缪 (букв. «еще до дождя подумать о покрывале, накидке») – ‘принять меры заблаговременно’ [БКРС].

Такие признаки дождя, как возможность изменения *степени его интенсивности*, а также способность покрывать большую или малую территорию (ср. *сильный дождь; слабый, редкий дождь*), являются основанием для переосмысления идеи дождя в следующих оборотах:

雷声大，雨点小。(букв. «Гром гремит, а дождь чуть каплет») – ‘Много шуму, да мало толку’ [БКРС]. 不能再像打击假冒伪劣商品那样，雷声大雨点小，打了几年之后，不少消费者仍是投诉无门 [1994 年报刊精选]。

Проблемы борьбы с контрафактной продукцией надо решать по существу (по- настоящему), не надо, чтобы было много шуму, да мало толку. Иначе людям обратиться с этой проблемой не к кому [Сборник газетных публикаций (1994)]. Ср. русские выражения *Гора родила мышь* и др.

Следующее китайское выражение, возможно, основано на переосмыслении *шума* дождя. 满城风雨 (букв. «в городе везде дует ветер и идёт дождь») – ‘О *пересудах, толках; сенсация*; нашумевшее дело, *шумиха*; свистопляска; всеобщее осуждение’ 情况还没弄清，你就到处小广播，弄得满城风雨，影响不好。 Дело ещё не выяснено до конца, а ты уже треплешься повсюду, поднимаешь шум. Нехорошо ведь получается [КРИС: 312].

В древнем Китае считалось, что во время дождя неудобно заниматься сельскохозяйственными или полевыми работами, в это время разумно принимать дома друзей. Таким образом, дождь в древнем Китае также ассоциируется с *друзьями, дружбой*.

旧雨重逢 (букв. «друзья ещё раз встретились во время дождя») – ‘вновь встретить старого друга’ [БКРС].

Дождь случается не часто и бывает кратковременным. А промежутки между дождями бывают довольно длинными, что и порождает восприятие дождя как свидания, после которого люди страдают от разлуки.

Дождь ассоциируется с *грустью, печалью, тоской*. Это проявляется, например, в обороте 云愁雨怨 (букв. «облако тоскует, дождь жалуется») – ‘печальное настроение при разлуке’ [СКЯ].

Эта связь усматривается также в ставшем крылатым названии фильма 巴山夜雨 (букв. «ночной дождь над горой Ба») – ‘об одиночестве живущего на чужбине’. Источником этого устойчивого выражения является стихотворение известного китайского поэта Ли Шанин[СКЯ].

Особое осмысление дождя как явления романтического (сайты сети Интернет изобилуют изображениями лирических свиданий под дождем, стихотворными лирическими строками, упоминающими дождь как символ любовного настроения) обнаруживается в оборотах, связанных с представлениями *о любви*.

巫山楚雨 (букв. «дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань») – ‘любовное плотское свидание’ [БКРС]. Ср. также: 雨散云收 (букв. «дождь прошёл и облака рассеялись») – ‘а) о разлуке; б) о закончившемся половом акте’ [там же]. Это устойчивое выражение – в силу достаточно крепких пуританских традиций – крайне редко встречается в речи носителей китайского языка и, соответственно, в корпусе современного китайского языка.

Гора Ушань находится на территории уезда Ушань (пров. Сычуань), перегораживая реку Янцзы и образуя знаменитые Три ущелья (Санься). С ней связано предание о страстных свиданиях чуского князя Сяна с феей этой горы, которая прилетала на свидания в виде тучки и проливалась дождем. Также известны стихи "Ночую у колдовской горы" китайского поэта Ли Бо, написавшего строки: Я ночь провел под Колдовской горой, Вой обезьян в мои врывался сны, А персики наряд цветастый свой Роняли к дамбе Цуй в лучах луны. Порывом тучку унесло на юг — Там чуский князь когда-то ждал ее. Высокий холм... Сун Юя вспомнив вдруг, Слезой я платье омочил свое" [Ли Бо 2005: 4].

По преданию, безвременно умершая дочь мифического государя Яньди по имени Яо-цзи была похоронена на склоне горы Чу, и Небесный государь назначил ее божеством этой горы. Превращаясь утром в легкую тучку, она парила над горами, а по вечерам проливалась дождем. Поскольку она умерла вскоре после выхода замуж, то ее сексуальная жажда не угасла. В предисловии к оде Сун Юя «Горы высокие Тан» и в его оде «Святая фея» говорится, что Яо-цзи явилась чускому князю Хуай-вану в виде дождя и предложила свою любовь, а утром исчезла. Князь повелел построить Храм Утренней Тучки. С тех пор в Китае выражение *«тучка и дождь»* (юнь юй) стало *синонимом любовного свидания* [Рифтин 2010: 279]. Об этом свидетельствует и выражение 撥雨撩云 (букв. «соблазнять дождь и искушать облако») – ‘о страстной встрече двух любовников’ [БКРС].

Наш анализ показывает, что устойчивые выражения с компонентом «дождь» в китайском и русском языках основаны на осмыслении разнообразных признаков дождя, обнаруживают как общие векторы в представлениях об этом погодном явлении (степень интенсивности и продолжительности; неожиданность, непредсказуемость; неприятности и невзгоды и т.д.), так и этномаркированные представления. Так, в русских устойчивых выражениях отсутствуют отмеченные в китайской культуре ассоциации с разлукой, любовью, романтическим свиданием, с малым результатом по сравнению с неоправданно большими усилиями, с неудобством.

В китайском же нет, например, отразившихся в русских оборотах ассоциаций с брызгами и речевыми репликами.

Результаты сопоставления полученных данных о вербализации культурных стереотипных представлений носителей двух языков представлены в **Таблице 2 Приложения 3.**

2.3. Стереотипные представления о граде, отразившиеся в русском языке на фоне китайского

2.3.1. Осмысление града в русской культуре и его отражение в языке

В данном разделе работы мы остановимся на тех стереотипных представлениях о граде как метеорологическом явлении, которые вербализованы средствами русского и китайского языков и представляются типичными для каждой из культур.

В толковом словаре В. И. Даля, помимо дефиниции «замороженные на воздухе дождевые капли; в самом мелком виде, крупа», названы различные по величине и форме варианты града: «град орешковый, с русский орех; град с голубиное, с куриное яйцо; град ивернями, не круглый, как бы ледяными осколками» [Д.1: 445].

Согласно словарю Д.Н. Ушакова, *град*¹ – 1. Один из видов атмосферных осадков, выпадающий небольшими ледяными шариками. *Г. побил посеvy. Шел дождь с градом. Г. величиною с орех* [ТСУ.1: 255].

Словарь русского языка приводит следующее определение: атмосферные осадки, выпадающие в виде округлых льдинок (величиной с горошину и больше), представляющих собой дождевые капли, замерзшие в воздухе. *Дождь с градом. Не дозрела моя колосистая рожь, Крупным градом до корня побитая!* И. Никитин [СРЯ.1: 341]. Близкое к приведенным толкование дается и в «Русском семантическом словаре» [РСС.3: 144].

На основе приводимых словарями прямых значений слова *град* можно выделить такие элементы стереотипных представлений, как: ‘осадки (‘вода, выпадающая с неба’)', ‘замороженный (дождь → лед (дождь с градом))’, ‘мелкий’, ‘круглый (округлый)’, ‘частый’, ‘обильный (сильный град)’, ‘наносающий урон’ (*Градом побил посеvy*) [там же].

В поле исследуемого объекта могут быть включены также слова *градина*, *градинка* – ‘крупинка (частица) града’ (но может быть и с голубиное яйцо); *градовой* – ‘содержащий град’ (*градовая туча*), *градобитие* (*градобой*) – ‘уничтожение посевов, трав, хлебов, садов градом’; *градобитный*,

градобойный – ‘обильный градобоем’ (*градобойное лето*), ‘побитый градом’ (*градобитные посева*), *градоотвод* – ‘устройство для устранения града’, но некоторые из них являются малоупотребительными, а наиболее часто в речевом дискурсе и в массиве устойчивых выражений встречается лексема *град*.

Всеми толковыми словарями приводятся переносные значения, реализуемые преимущественно в словосочетаниях, но если в словаре В.И. Даля переносное значение лексемы *град* – ‘множество, большое число’ реализуется, лишь когда говорят о выстрелах (*град пуль, град ядер*) [Д.1: 445] – здесь, на наш взгляд, актуализируются семы ‘частота/ густота падения’ и порождаемая этой ассоциацией семантика ‘опасность’, ‘гибельность’ – то более поздние словари распространяют это значение на разнообразные предметы (*град выстрелов*). Ср.: 2. *перен.* ‘Множество (о чем-н. осыпающем, поражающем; книжн.)’. *Град пуль. Град камней. Град насмешек. «Град колкостей и шуток ваших грянет».* Грибоедов [ТСУ.1: 255].

Семантика стрельбы из орудий, винтовок, пушек и т.д., связанная со словом *град* и реализуемая в многочисленных сочетаниях с наименованиями различного рода боеприпасов (ср. снарядов, гранат, пуль, мин и проч.) – повлияла и на выбор наименования «Град» для советской реактивной системы залпового огня.

Обращает на себя внимание тот факт, что в обнаруженных примерах, даже в тех словосочетаниях, где отсутствуют слова военной семантики (ср.: *град выстрелов*), явления, которые характеризуются с помощью слово *град*, воспринимаются как наносящие урон, ущерб, причиняющие боль (*град булыжников, град камней*). В «Русском семантическом словаре» даются такие словосочетания: *Г. пуль. Г. ударов. Г. упрёков, колкостей* [РСС.3: 143]. К факторам, причиняющим неприятности, отнесены, как видим, и звучащие в разговоре реплики собеседника, содержащие критику, претензии, выражающие недовольство, издёвку и т.д.; ср: *град насмешек, упрёков,*

колкостей, шуток. Основанием для этого является восприятие тактики ведения разговора как нападающей, агрессивной.

Показательно, что в качестве синонимов к слову *град* приводятся в основном слова с семантикой ‘большое количество чего-л.’: *изобилие, каскад, лавина, масса, мириады, множество, море, несметное количество, обилие* и др. [СС].

Отдельно словари выделяют употребление слова в форме *градом* – чаще в сочетании со словом *пот*, но также и в иных сочетаниях со словами, обозначающими обильно, непрерывно стекающую крупными каплями жидкость: *Пот градом* – ‘крупными и частыми каплями’ (Д.1: 445); *Пот [льется] градом*; *Пот катится градом* [РСС.3: 143] и др. Подобное употребление слова отмечено уже в словаре XVIII в.: Я сколько тут ни харабрился, Но *пот с меня как град катился*, И дыбом волос поднялся. Осипов. Енеида I 96; Грудь ея видимо подымалась и опускалась; *слезы катились градом* по бледному лицу. Крм. ПРП VI 54 [СРЯ XVIII: 203].

В качестве устойчивого выражения сочетания *слезы градом* и *слёзы [катятся (льются)] градом* зафиксированы в словарях сравнений: ‘о чьих-л. крупных и обильных слезах, о сильном плаче, рыданиях’ [БСРНС: 150].

В русских пословицах отразилось исключительно метеорологическое значение слова: *Весной град – всякий рад*; *Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет* [ДП.1: 117] и т.д., а словарь устойчивых сравнений приводит обороты, отражающие актуализацию признака ‘обильный’ и связь с военными ударами и физическими побоями: *ровно вешний град летит* – Волог. Фольк. ‘О частой интенсивной стрельбе из ружей’; (падать) *как град сыпал* – ‘О частом и интенсивном падении бомб’, *шрапнель как град* – ‘о мелкой и частой шрапнели’. Для оборота *сыпаться как град (градом)* словарь приводит, помимо указанных выше, также значение ‘об обильно, во множестве падающих фруктах, плодах’ [БСРНС: 150].

Способность града нанести ущерб и видимые негативные последствия отразилась в диалектном сравнении *лицо у кого как градом зачокало* – ‘Кар. О чьем-л. корявом, с большими рябинами лице’ [БСРНС: 150].

Обращение к материалам Национального корпуса русского языка позволило увидеть картину использования слова в современной речи и отметить, помимо словарных значений, контекстуальные семантические приращения, не отмеченные лексикографическими источниками, но отражающие современные представления о граде.

В ряде контекстов (1) представлено прямое значение слова *град* – речь идет *о погодных условиях и осадках*: *Осенние дожди с градом заливали траншеи водой* [Николай Петрухинцев. Дорога к Петербургу].

Небо громынуло так, что стекло затряслось, а через секунду или две ветер поменял направление, и по оцинкованному подоконнику звонко *застучал град*. [Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)]

Град напал в песочницу и разогнал малышню. [Кира Сурикова. Несладкий кофе (2003)]

Большое разнообразие сочетаний демонстрирует слово *град* **при реализации семантики ‘стрельба’** (2):

В небе появились самолеты, посыпался *град бомб*. [Герман Садулаев. Когда проснулись танки (2010)]

На мужа и жену обрушился *свинцовый град* — пулеметчик открыл огонь. [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)]

Крупный *град шрапнели* поднимал вокруг фонтанчики пыли. [В. П. Катаев. Юношеский роман (1980-1981)]

Град осколков вместе с искрами засыпал окопы. [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)]

Общее значение (3) *«о чем-либо падающем сверху (на человека) в большом количестве»* реализуется в сочетании с несколькими тематическими разрядами слов:

(а) **«о чем-либо, напоминающем снаряды или выполняющем их функцию»**

Непрекращающийся *град камней* продолжал сыпаться на головы, разбивал каски, ломал руки [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)];

Град кирпичей посыпался на сыщика, оставшегося за стеной. [К.Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)]

(б) Типичны контексты, в которых лексема *град* вступает в сочетание со словами лексико-семантической группы **«удар как намеренное применение кем-либо физической силы»**:

Справа ему в лицо *градом сыпались тычки и удары* [Андрей Геласимов. Степные боги];

Они не стеснялись бить связанных собак и обрушили на них *град тумачков*. [Марта Баранова, Евгений Велтистов. Тяпа, Борька и ракета (1962)]

Ветер появился тут с новой силой и заметался по траве и кустам во все стороны, зашлепал по стеклам, как *град пощечин...* [Андрей Битов. Жизнь в ветреную погоду (1963-1964)]

(в) Тяжеловесные **«плоды и фрукты»** также напоминают град:

Хрястнула ветка, за которую зацепилась мартышка, и *град груш посыпался* на землю. [Фазиль Искандер. Кролики и удавы]

Какая-то почти карликовая порода яблонь, *град мелких груш* сыпался с ветвей на прохожую часть улицы, зато смородина крупная, чёрная, сладкая. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

(г) **«о большом количестве разных мелких артефактов, падающих (часто сверху) один за другим»**:

Он знал, что теперь у него за спиной на помост *градом летят бронзовые монеты, финики*. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита]

(д) **«о любых “предметах” в большом количестве, следующих один за другим»**. Отметим при этом, что это могут быть как артефакты, так и абстрактные понятия

Послышалось негромкое потрескивание, которое бывает, когда пускаешь искры. *Целый град искр*. Кольцо на пальце у Тани раскалилось. [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)]

Вы думаете, от одного этого факта на вас деньги градом посыплются? [Александра Маринина. Чужая маска]

В тот вечер я решила: если во мне есть что-то, если не все еще «прижалось» под *градом неудач*, то вот он — единственный путь. [Людмила Гурченко. Аплодисменты]

Это уже не первый налет на нашу газету, известную в основном тем, что с ее страниц на читателя каждый раз обрушивается *град сенсаций и водопад скандальных разоблачений*. [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)]

В качестве (4) отдельного можно отметить так называемое «речевое» значение лексемы *град* – ***‘о последовавших в большом количестве речевых нападках на собеседника’*** – оно реализуется в следующем контексте:

Тема работы и отношения к ней вызвала целый *град сентенций* блатняцкой философии. [Г.Г. Демидов. Амок (1972-1980)]

Потом последовал *град стрел и копий* сразу от двух клиентов, которым нагородили ошибок в авиабилетах [Улья Нова. Инка (2004)] – здесь в образной форме говорится *о нападках*, выражении недовольства.

Конечно, каждый предвоенный день на меня обрушивался *град упреков*. [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]

В ответ донесся *град ругательств* на незнакомом гортанном языке. [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

Применительно к речи выбор слова *град* говорит не только об обилии высказываемых в чей-либо адрес замечаний, претензий, упреков, но и об отрицательном восприятии подобных высказываний адресатом. Попавшими под такой «обстрел» подобное речевое поведение воспринимается как применение некоего оружия.

Использование образа града в составе сравнения позволяет актуализировать и другие семантические признаки слова *град* и векторы осмысления концепта «град»:

1) с градом ассоциируется ***множество мелких предметов округлой формы***:

За одну эту ночь сад преобразился. <...> Черный, словно обугленный, вишеник выпускал *крохотные, как град*, бутончики [Виктор Курочкин. Последняя весна];

2) обнаруживается ***ассоциативная связь между рядом громких дробных звуков и стуком града***:

Что за звон? Такого не было от сотворения мира. Залил все другие звуки. Рвется в уши, *колотит по барабанным перепонкам, как град* [В. Ф. Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь];

3) ***'шумный'***:

Но стало еще темнее, потом дождь посыпался *тяжелый и шумный, как град* [С. Н. Сергеев-Ценский. Верховод]. Шум признается более свойственным граду, чем дождю.

4) Актуализируется в контексте и семантический оттенок ***'холодный, ледяной'***:

Прискакал нарочный с телеграфным сообщением, да никто и не спит в ту ночь. Какой сон! Прорыв Мамонтова *оледенил нас, как град* [Ю. В. Трифонов. Старик];

5) ***'неожиданно', 'незаслуженно'***:

Состояние надо заслужить. Тогда будешь чувствовать себя достойно. А если так просто — *как град сверху...* Я знаю многих, кто готов повеситься от тоски среди богатства [Семен Данилюк. Рублевая зона].

Как нам представляется, здесь ощущается некоторая переключка с известным устойчивым выражением *как гром среди ясного неба* со значением ***'неожиданно'***.

б) **‘бесполезность’** – град, бьющийся о стекло снаружи, не ощутим, как и слова, в попытке описать красоту природы:

Но там подлинная красота, — есть вещи, о которые слова *бьются*, как град о стекло, — только звенит [А. С. Грин. Сердце пустыни];

7) **‘с большой частотой’**:

Из серых дымных туч падали горячие камни, крупные и мелкие, частые, как град [Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда];

8) **‘отвесный’**, ‘крупный’ – в необычном сравнении дождя с градом:

Он мог разглядеть разрушенную северную русскую деревню, обложенную в этот миг каким-то удивительным дождем, *отвесным и крупным*, как град [Андрей Битов. Фотография Пушкина].

9) Крайне редко – в отличие от снега – в контекстах актуализируется цветовая характеристика града, его белизна:

Не успели рушники, на которых опускали, вытащить, как вдруг — страшный гром и град, помню, град, *как белый гравий на цветущей сирени*, хрустит под ногами. [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984-1994)]

Интересно отметить, что в большей части контекстов, где слово *град* выступает в сочетании с существительным в родительном падеже (*град выстрелов, молний, замечаний* и т.д.), проявляется отрицательная оценочная коннотация. Она ощущается даже в тех случаях, когда слова, входящие в лексическое окружение данной лексики, таких оттенков не имеют. Ср., например: *Она постоянно несла кому-то коробки конфет, кому-то звонила и просила принять такого-то, кого-то устраивала к какому-то врачу. Несмотря на широкий охват, мне доставалось в первую очередь. Я жил под градом забот и беспокойств* [Андрей Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза]. С другой стороны, слова лексико-семантической группы ‘форма одобрения, восхищения’ – *град аплодисментов, град комплиментов, град похвал* и др. – в сочетании со словом *град* могут формировать позитивную оценку, выражение признания.

2.3.2. Осмысление града в китайской культуре и его отражение в языке

Энциклопедическая трактовка града в китайских словарях мало отличается от той, что приводят российские словари, однако нельзя не заметить, что китайские источники особо отмечают ущерб, наносимый несвоевременным выпадением града [КБЭ, с. 22]. Чтобы подчеркнуть его возможные негативные последствия, в китайском языке используется устойчивое сочетание 雹灾 ('Бедствия, вызываемые градом') [ССКЯ, с. 44].

В устойчивых выражениях китайского языка, зафиксированных в лексикографических источниках, отразились различные признаки града. Так, процесс образования града образно представлен в выражении 衔冰吐雹 со значением 'идет крупный сильный град' (букв. На горе Сун несколько ящериц пили воду и выплюнули лед, выпавший в виде града) [БКРС].

Опасность града для сельского хозяйства вызвала к жизни немало примет, существующих в виде устойчивых изречений; ср.: 西北黄云现, 冰雹到跟前。(На северо-западе желтое облако, скоро выпадет град); ср. также: букв. «Послышался раскат грома – как шум ручной мельницы, это признак приближения града» [Прогноз погоды на следующие 15 дней] и т.д.

Отразились во фразеологии и вызываемые градом болезненные ощущения от ударов по голове, лицу: 雹来顺风走, 顶风就扭头。(Во время града иди по ветру, иначе в лицо бьют шарики града, т.е. следует отворачивать голову в сторону) [Прогноз погоды на следующие 15 дней]. Это типичная для прогноза форма предупреждения о плохой погоде.

Несколько разных признаков града легло в основу фразеологизма 陨雹飞霜 (букв. Падающий град и летящий иней) – 'о возведении на кого-л. ложного обвинения' [БКРС]. История появления выражения такова: при императоре Ву в мае вдруг выпал очень большой град, попортил постройки и побил посевы. Люди были напуганы и посчитали, что непогода вызвана несправедливой обидой (оговором), нанесённой почётному министру Ван Цзюнь [СРЯ]. Подобный семантический перенос можно объяснить, вероятно,

такими признаками, как неожиданность обрушившегося града, способность побить что-л., нанести урон, а также ассоциацией необоснованной лжи с недолговечностью выпавшего града. Кроме того, важен и температурный фактор: неожиданное и несправедливое может производить «леденящий эффект». Таким образом, стереотипные представления о граде делают его своеобразным символом напрасного обвинения – всего того негативного, что обрушивается на человека.

Поскольку град чаще идёт летом и выпавшие льдинки быстро тают на земле, с ним связано представление о недолговечности, лёгшее в основу фразеологического оборота 电雹 (букв. молния и град) – 'преходящие явления' [БКРС].

С разгулявшейся природной стихией – сочетанием грома, молний и града – ассоциируется психоэмоциональное состояние человека: 雷霆电雹 (букв. Гром гремит, молния сверкает и идёт град) – 'о человеке в состоянии раздражения, запальчивости, нетерпения, которое быстро проходит' [СКЯ]. Очевидна аналогия между быстро тающим градом и проходящим состоянием гнева.

Материалы Национального корпуса китайского языка (НККЯ) делают также очевидными иные векторы ассоциаций, вербализуемые в контекстах со словом *град*.

Град – это вид осадков, чаще всего воспринимаемый в китайском языковом сознании как природная катастрофа, катаклизм. Его включают в список стихийных бедствий; ср. выдержку из китайского правительственного документа по проблемам труда и социального обеспечения: «В Китае много стихийных бедствий: наводнение, засуха, ураган и градобитие, наносящие людям серьёзный урон» [Белая книга (2000)]; здесь и далее иллюстрации из НККЯ приводятся в нашем переводе – Ма Сянфэй.

田野中的玉米，顶穗及上部一律被冰雹打光，高粱全部倒地；谷子就似被碾过一般；各类瓜果菜蔬一塌糊涂。Хлебные колосья, посадки

кукурузы, проса и различные овощи были *уничтожены градом*, в поле все овощи в беспорядке [Сборник газетных публикаций (1994)].

突如其来的大雨和蚕豆大的冰雹把刚做出来的道面砸出一个个小坑和麻点。Вдруг пошел сильный дождь и *крупный, как бобы, град*, капли и льдинки пробили небольшие отверстия и оставили точечные щербинки на тротуаре [Сборник газетных публикаций (1994)].

Носители русского языка также часто обращают внимание на необычную величину и форму града: «град с русский орех; град с голубиное, с куриное яйцо; град ивернями» [Д.4: 445]. Современными сводками погоды с упоминанием необычной величины града мы почти не располагаем (ср.: *В Австралии выпал град величиной с мяч для гольфа* (заголовок); <http://www.vesti.ru/doc.html?cid=9&id=625998>), хотя со ссылкой на более ранние события приводятся такие контексты:

Горные орлы уносили солдат, а с неба падал *град величиной с дыню* [НКРЯ; Надоело воевать! // Трамвай (1990)].

29 июня 1904 г. в Москве выпал *град величиной с кулак взрослого мужчины*, весом более 400 г. (<http://www.bibliotekar.ru/7-pogoda-v-moskve/8.htm>).

Негативное воздействие града послужило основанием для особого рода метонимического переноса по модели «явление → его последствие», в результате которого с градом, доставляющим людям неприятности, стали ассоциироваться в китайской культуре и иные (совсем не метеорологические) трудности – беды и неудачи.

竞赛场上各种情况都会发生, 有和风丽日, 也有雷雨冰雹, 优秀的运动员在挫折、失败中更要挺得住。На спортивной арене бывают самые разные ситуации. *Иногда хорошая погода, иногда град и дождь*; и выдающийся спортсмен может испытать неудачу и поражение [Сообщение Информационного агентства Жэньминь жибао (1996)].

Стереотипные представления о граде связаны у современного носителя китайского языка с множеством каких-либо предметов в состоянии падения сверху – одного за другим или всех сразу. Ср.:

在这一速度下, “星尘”号将遭遇到“怀尔德-2”彗核周围尘埃颗粒等冰雹般的袭击。При такой скорости спутник «Звёздная пыль» испытывает *падение града* (букв. как град) *пылинок и зёрнышек от ядра кометы «Уайлдер-2»* [Сообщение Информационного агентства Синьхуа (2004)]. Ср. также: букв. «Очевидец услышал взрыв и увидел: металлические *осколки, багаж, самолетные кресла и пассажиры посыпались с неба на землю как град* [Сборник газетных публикаций (1994)].

Убойная сила града, направленного на определенный объект и способного нанести серьёзный урон, отразилась в сравнении его с использованием пуль стрелкового оружия и иных снарядов: *子弹如冰雹般倾泻在“恐怖分子”的藏匿地。 Пограничники стреляли по террористам. Все снаряды и пули пущены террористами как град* [Сообщение Информационного агентства Синьхуа (2004)].

Ассоциации с градом проявляются в образном восприятии различных предметов, получающих «функцию оружия», способных наносить побои, причинять боль. *皮划艇到了落差大的地方, 那冰雹般的浪花劈头盖脑打在我们身上。 Гребля на байдарках и каноэ проходила на перепаде воды, гребни волн ударили нас как град* [Сообщение Информационного агентства Жэньминь жибао (1996)]. Ср. также: букв. Когда Лю Лунцзи с солдатами начал наступать, с командной высоты *покатились вниз камни и круглые брёвна, как град* – все войска династии Мин не могли более продвигаться вперёд [Ли Вэньдэн. Нурхаци (1999)].

В китайском языке, как и в русском, отмечено так называемое «речевое» значение – оно обнаруживается в сравнениях, когда говорят о последовавших в большом количестве речевых нападках на собеседника. Ср.: *球迷开始为印尼队加油, 叫骂声和不满声像冰雹般砸向中国足球队。*

Болельщики начали устраивать овацию Индонезийской футбольной команде и *осыпать бранью и недовольством, как градом* (букв. бросили градом), китайскую футбольную команду [Сообщение Информационного агентства Синьхуа (2004)].

眼下，他看到汪霞冰雹般地话语朝敌人甩过去，心里不由得暗暗佩服。В данный момент, слыша уничтожающие критические реплики Ван Ся в адрес врагов, [летающие] *как град*, он невольно уважал её в душе [НККЯ; Фэн Чжи. Отряды военных пропагандистов (1998)].

Наконец, град ассоциируется с шумом. Ассоциативная связь между рядом громких дробных звуков и стуком града отмечена и в русском, и в китайском языках. 雹子打在屋顶上乒乓作响。Градины ударяют по крыше, как пинг-понг [ССКЯ: 44].

Хотя многие стереотипные представления о граде, характерные для языкового сознания русских и китайцев, являются общими, нами обнаружены и некоторые расхождения в его восприятии. В Таблице 3 Приложения 4 приведены параллельно векторы ассоциативного осмысления града и примеры реализации стереотипных представлений о нем в двух языках и культурах, наглядно показывающие степень общности в восприятии града и лакуарности стереотипных представлений в одном из языков.

Выводы

Подведем итоги проведенного исследования.

Стереотипные представления об осадках, отражаемые в контекстах и выражениях с лексемами *снег, дождь и град*, выявленные в результате анализа данных словарей и текстового материала Национальных корпусов русского и китайского языков, демонстрируют широкий спектр ассоциаций и признаков.

С одной стороны, говорящими отмечаются природно-физические особенности выпадающих осадков. В русском языковом сознании для снега, например, это связь с зимним сезоном, способность покрывать надолго

землю и запечатлевать/скрывать что-либо, служить гарантией обильного увлажнения земли, способствовать сохранности зерна в амбаре, способность таять и т.д. Дождь ассоциируется у русских со способностью обеспечивать условия для хорошего урожая, но также мешать его сбору и обработке, с необходимостью прятаться от него, с возможностью вымокнуть и т.д. Град связывают с нанесением урона сельскому хозяйству – в силу несвоевременности его выпадения, низкой температуры и размера (тяжести), а также с громким звуком и т.д.

Благотворность дождя и снега для будущего урожая отмечается и в китайском материале; в нем нашли отражение и свойства града – способность наносить вред, производить шум, громкий звук и т.д.

С другой стороны, устойчивые выражения отражают и такие ассоциации, которые являются результатом сопоставления, метафорического переноса, мыслительной деятельности человека, наблюдающего и отмечающего многочисленные и весьма разнообразные свойства осадков (питательность/ питательность снега, температуру и тяжесть выпадающего града и вызываемые им серьезные последствия, желательность и пользу дождя и др.), которые со временем обретают определенную словесную и художественную форму и становятся клишированными выражениями. Так происходит с представлением об обилии снега в зимний период, из которого – в результате переосмысления – возникает ассоциация с бесценностью и эталонные свойства снега как символа множества (последнее касается и дождя, и града). Исчезновение (таяние) снега весной до следующего года дает основание для актуализации семантики «(абсолютная) бесследность», «невозвратность».

Такое переосмысление признаков осадков характерно и для китайской ментальности, в которой представление о благотворности дождя формирует представление о располагающей обстановке, благоприятности ее для какой-л. деятельности, об исполнении желаний (эти ассоциации в русской лингвокультуре не отмечены), а признак недолговечности снега кладется в

основу фразеологизма, характеризующего быстрое и бесследное исчезновение чего-л.

Проведенный анализ позволяет говорить в каждом случае о преобладающих признаках, приписываемых носителями языка отдельным видам осадков. Так, осмысление града носителями русского языка осуществляется преимущественно в двух аспектах – в связи с его способностью наносить ощутимый ущерб посадкам и в связи с формой его выпадения (падения сверху) в виде большого количества ледяных шариков, иногда достаточно большого веса. Это привело к формированию таких векторов его восприятия, как «убойная сила» (град снарядов, осколков, камней), «множество» (град похвал, аплодисментов) и др. Эти признаки затмевают по своей актуальности иные отмеченные нами ассоциации, связанные с градом: «белизна», «низкая температура», «круглая форма» и т.д.

В представлениях о дожде в качестве наиболее частых и/или весомых нами отмечены: признак «множество», реализуемый в отношении разных предметов – каплевидных субстанций, снарядов и подобных им предметов, речевых реплик; дождь как «полив, влага, жидкость» – это признак, давший основание для появления иных ассоциаций: со своевременностью, желательностью/ нежелательностью, предсказуемостью/ неожиданностью и др.

Ядро признаков и ассоциаций, связанных со снегом (признаки белизны, чистоты, множества, неожиданности, недолговечности, температуры, и др.), отмечено нами как в лексикографических источниках, так и – с большей или меньшей частотностью – в современном речевом употреблении. Эти свойства и признаки актуализируются в значительном количестве контекстов, что подтверждает их актуальность для коллективного носителя языка.

Наше исследование показало ряд представлений, общих для всех трех видов осадков («бедствие, урон») или для двух из трех. Так, представление об их водной (ледяной) природе порождает у носителей русского языка такие семантические векторы, как «увлажнять землю», «чистота, способность

очищать» (для снега и дождя); общими являются признаки «белизна» (для снега и града), «непредсказуемость» (для снега и дождя), «производимый шум» (град, дождь) и др.

Особенно показательным является ассоциируемый со всеми тремя видами осадков признак «множество» – следствие способности выпадать в большом количестве.

Изучение материала русского языка на фоне китайского позволило увидеть, с одной стороны, известную долю совпадений в осмыслении осадков и их отражении в каждой из языковых картин мира. Следует, однако, признать, что не всегда интересующий нас признак выражен в двух языках одинаковыми или близкими средствами: это могут быть соответствия на уровне устойчивых выражений (рус. *Зима без снега – лето без хлеба* и кит. *Снег предвещает урожайный год*; рус. *растаять как апрельский снег* и кит. *исчезнуть, как лёд растаял и снег растаял*) или же в одном языке мы находим устойчивое выражение, являющееся результатом фразеологизации, а в другом – признак может быть назван нефразеологическими средствами. Например, представление о снеге как о бедствии, весьма актуальное в наши дни, особенно в городе, не находит отражения в русском материале в виде устойчивых словосочетаний, в то время как в китайском языке имеется оборот (букв.) *на снег еще и иней* со значением «одна беда (следует) за другой». Интересно, что представление о жизненных невзгодах, неудачах ассоциируется в китайской культуре с образами града и дождя (Иногда хорошая погода, *иногда град и дождь* – ‘о смене удачи неудачей’).

В приведенных в приложении таблицах наглядно представлена степень сходства и различий в стереотипных представлениях, характеризующих видение анализируемого фрагмента языковой картины мира русскими и китайцами. Так, например, в китайском языковом сознании отсутствуют отмеченные в русском материале такие признаки, как «непредсказуемость, непрогнозируемость» снега, «шум» дождя, связанные с дождем «необходимость прятаться» и «возможность вымокнуть», аналогия между

дождем и «большим количеством речевых реплик», круглой формой градин и иных «предметов» – в том числе жидкостей (капель слёз, пота).

В русском материале не находят отражения такие представления носителей китайского языка, как, например,

связь образа *падающего града и летящего инея* с «возведением на кого-л. ложного обвинения»;

ассоциация *выпадающего дождя* с «ниспосылаемыми сверху милостями, благодеянием», с «ситуацией, располагающей к приему друзей»;

параллель между *белизной снега* и стихами высокого стиля, недоступными простым людям; восприятие блеска снега как источника света (для чтения) и т.д.

Таким образом, изучение стереотипных представлений носителей русских языка и культуры о снеге, дожде и граде и их рассмотрение на фоне аналогичного китайского материала позволяет увидеть как особенности их вербальной репрезентации в каждом из языков, так и долю универсального и национально-маркированного в этом важном фрагменте двух языковых картин мира.

Заключение

Поскольку от погодных явлений во многом зависит возможность осуществления различных видов деятельности, ими может определяться физическое и психическое состояние человека, – снег, дождь и град не просто присутствуют в языковом сознании носителей языка как номинации наблюдаемых явлений, но активно и весьма разнообразно ими осмысляются.

Устойчивые выражения, рассматриваемые как средство фиксации стереотипных представлений, репрезентирующих этнокультурную традицию определенного народа, являются важным источником информации о погодных явлениях в целом и об осадках в частности.

Привлечение контекстов, иллюстрирующих современный дискурс, позволяет увидеть более широкую палитру ассоциативного восприятия и осмысления снега, – в том числе и отдельные признаки, не отмеченные в лексикографических источниках.

Такая совокупность данных позволяет говорить о целой системе образов, ассоциаций, стереотипов, весьма далекой от упрощенного типизированного представления о каждом из видов осадков.

Выявленные на материале устойчивых сравнений, поговорок и пословиц и подкрепленные данными языковых корпусов, стереотипные представления о снеге, дожде и граде различаются по количеству актуализируемых говорящими признаков. Наибольшее их разнообразие отмечается в представлениях о снеге, наименьшее – в представлениях о граде. Однако близость их естественной природы очевидна: она проявляется в общности отдельных признаков и ассоциаций.

Тот факт, что стереотипные представления, отмеченные нами в устойчивых выражениях русского языка, почти все представлены в современном речевом дискурсе, – даже при том, что сами устойчивые единицы могли выйти из употребления (связанные, например, с успешностью полевых работ), – свидетельствует об актуальности отраженных ассоциаций,

о том, что они действительно входят в круг важных представлений русских и китайцев об осадках.

В то же время некоторые представления об осадках, выявленные нами в речи современников, не отмечены в устойчивых выражениях. Это может объясняться, с одной стороны, спецификой единиц народной речи, фиксирующих в сравнительно большей степени данные народного календаря, приметы, связанные с погодой, факторы, влияющие на получение хорошего урожая. Ассоциации же, связанные с городской жизнью, по вполне понятным причинам практически отсутствуют в устойчивых выражениях – единицах народного происхождения. Так, например, в устойчивых выражениях не отмечен признак катастрофичности обильного снега, необходимость чистки улиц и проч., достаточно важные для современных носителей языка. Не представлен в русских устойчивых выражениях и лирический аспект восприятия осадков, в то время как в речи современников он весьма ощутим (ср. ассоциации дождя с грустью, печалью).

При этом отдельные зафиксированные в сегодняшней речи обороты являются подтверждением общей тенденции к фразеологической интенсификации отмеченного в устойчивом выражении признака и его тиражированию. Так, обилие снега, его избыточность и привычность становятся основанием для образования современных выражений *продать снег зимой, продать снег эскимосам*, свидетельствующих о предприимчивости продающего.

Благодаря материалам Национального корпуса русского языка и сети Интернет можно получить достаточно четкую картину наиболее востребованных говорящими выражений – своего рода фразеопаремиологический минимум. Так, например, не отмеченное словарями словосочетание *мартовский снег* обретает постепенно устойчивость благодаря закрепляющимся за ним ассоциациям, вербализуемым в том числе прилагательными *рыхлый, пористый, тяжелый, податливый, мокрый, дряблый, гнилой, умирающий*, формирующими

представление о чем-то, что подошло к своему концу и неизбежно исчезнет (ср.: *Плачьте, дети! Умирает мартовский снег. Мы устроим ему веселые похороны* [Сергей Чесноков. Песенки в жизни персонажа // «Знание — сила», 2003]).

Выявленные нами особенности в видении сравнительно небольшого фрагмента языковой картины мира представителями двух этносов касаются не только совпадений, т.е. универсальности отдельных вербализованных культурно-маркированных представлений, или их отсутствия в одном из языков – при очевидной важности в другом. Ср. указание на блеск снега как возможный источник света, при котором можно учиться.

При сопоставлении данных двух языков обнаруживаются различия как в форме выражения стереотипного представления (пословицей, поговоркой, компаративной конструкцией), так и в характере вербализации определенного содержания – образной или безобразной. Так, обращает на себя внимание специфичность репрезентации представлений, типичных для китайской лингвокультуры: их характеризует, в отличие от русской традиции, склонность к яркой образности, поэтичности, недоговоренности, намёку. Ср. кит. 满城风雨 (букв. «в городе везде дует ветер и идёт дождь») – 'О пересудах, толках, шумихе'; 云愁雨怨 (букв. «облако тоскует, дождь жалуется» – 'о подавленном настроении, тоске, грусти'); *след гусей на снегу* – 'воспоминания о былом, следы прошлого' и др.

Особенно ощутима этнокультурная маркированность отдельных устойчивых выражений – как русских, так и китайцев – для понимания которых требуются знания экстралингвистического характера – о старинных легендах и мифах («дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань» – 'о любовном свидании'), особенностях национального календаря (*Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком*) и др.

Список словарей и источников и их сокращенных наименований

1. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bkrs.info>.
2. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма, 2008. – 625 с. (БСРНС).
3. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с. (БСРПог)
4. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010. – 1024 с. (БСРП).
5. Горбачевич, К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке / К.С. Горбачевич. – М.: АСТ, Астрель, Ермак, 2004. – 285 с.
6. Даль, В.И. Пословицы русского народа. Сб.: в 2 т. / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 2004. (ДП).
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В.И. Даль. – М: Дрофа, 2011. (Д).
8. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/).
9. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. – 926 с. (РФ).
10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 720 с. – (РСС).
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-41. Т. 29. СПб.: Наука, 1965 – 2007. (СРНГ)
12. Словарь русского языка: в 4-х. / РАН, Институт лингвистических исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
13. Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1984. – 256 с. (СРЯ XVIII).

14. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – 4-е изд. доп. – М: Оникс, Мир и Образование, 2008. – 736 с. (Ож).
15. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир Книги, 2001. (ТСУ).
16. Тришин, В.Н. Словарь синонимов ASIS / В.Н. Тришин. – 2013. (СС). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trishin.ne>.
17. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель, АСТ., 2008. – 881 с. (ФСРЛЯ).
18. 中国大百科全书, 北京: 中国百科出版社, 2009 年. Китайская большая энциклопедия – Пекин: Китайская большая энциклопедия, 2009. (КБЭ).
19. 吕叔湘、丁声树. 现代汉语词典. 北京商务印书馆, 2005 年. Люй Шусян Словарь современного китайского языка / Люй Шусян, Дин Шэншу. – Пекин: Бизнес-Изд-во, 2005. – 1790 с. (ССКЯ).
20. 天气预测十五天, 访问日期 2017 年 4 月 21 日. Прогноз погоды на следующие 15 дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.15tianqi.com/news14291>.
21. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015 年. Синхуаский фразеологический словарь – Пекин: Бизнес-Изд-во, 2015. (СХФС).
22. 汉典, 台湾国语词典修订本. Хань Дянь Словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdic.net>. (СКЯ).
23. 汉语国家语料库. Национальный корпус китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnccorpus.org>. (НККЯ).
24. 蔡毅、李英男. 汉俄成语小词典. 上海译文出版社, 1980 年 854 页. Цай И. Китайско-русский идиоматический словарь / Цай И, Ли Иннань. – Шанхай: Изд-во «И Вэнь», 1980. – 854 с. (КРИС).

Список использованной литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №1. – С. 20-39.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Языковые стереотипы этнокультурного пространства / Н.Ф. Алефиренко // Филология и культура. – 2014. – №3. – С. 11-20.
4. Алёшин, А.С. К вопросу о принципах лингвокультурологического анализа устойчивых сравнений (на материале устойчивых сравнений шведского языка на фоне русского языка) / А.С. Алёшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – Серия 9. – Вып. 1. – С. 85-90.
5. Андреева, С.М. Понятие стереотипа в контексте современных исследований [Электронный ресурс]. / С.М. Андреева, Ван Ци // V научно-практическая интернет – конференция «Альянс наук» 25-26 февраля 2010 г. – Режим доступа: <http://www.confcontact.com>.
6. Ани Рахмат. Концепт «семья» в русской паремике: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 231 с.
7. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – С. 7-15.
8. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
10. Баранникова, Г.И. Учебная модель организации номинативного поля концепта «зима» / Г.И. Баранникова // Гуманитарный вестник. – 2013. – №2. – С. 1-13.
11. Барановская, О.Б. Культурные установки как границы индивидуального сознания / О.Б. Барановская, Е.Б. Полянская // Актуальные вопросы

- филологических наук: матер. Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011). – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 109-111.
12. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
 13. Бельчиков, Ю.А. Русский язык как явление национальной культуры / Ю.А. Бельчиков. – 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_b757740_ee93e86c313fd4285561d5a95.
 14. Береснева, Н.И. Стереотип и индивидуальные стратегии речевого поведения в онтогенезе / Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI всероссийский симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации. – М., 1994. – 174 с.
 15. Бочина, Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2002. – 196 с.
 16. Бредис, М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах(на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 24 с.
 17. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
 18. Буслаев, Ф.И. Мысли об истории русского языка И.Срезневского: рецензия / Ф. Буслаев // Отечественные записки. X – 1850. – Т.72. – отд. V. – С. 31-58.
 19. Буянова, Л.Ю. Константы «Жизнь», «Душа», «Любовь» как основа русской ментальности и культуры: специфика вербализации / Л.Ю. Буянова, А.Р. Ерошенко // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Матер. X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30.06. – 5.07.2003. – СПб., 2003. – С. 204-209.
 20. Буянова, Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 184 с.

21. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Либроком, 2009. – 232 с.
22. Ван Хунвэй. Фразеологизмы с элементом "вода" в русской лингвокультуре на фоне китайского языка: лингвокультурологический подход / Ван Хунвэй, Янь Кай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №5 (71). – Ч.3. – С. 64-67.
23. Васильев, В.П. Концепт дождь и особенности его организации / В.П. Васильев // Мир человека и мир языка: коллективная монография / под ред. М.В. Пименова. – Вып. 2. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. – С. 184-229.
24. Васильев, В.П. Базовый концепт как элемент когнитивно-идеографического областного словаря / В.П. Васильев, Э.В. Васильева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. — Благовещенск: АмГУ, 2007. – С. 17-34.
25. Васильев, В.П. Денотативный класс с опорным словом град как средство представления культурной информации / В.П. Васильев // Вестник НГУ. Вып. 2: Филология, 2009. – Т.8. – С. 29-33.
26. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: Общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах / А. Вежбицкая // Thesis – 1993. – Вып. 3. – С. 185-206.
27. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
28. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
29. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. — 288 с.
30. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
31. Гарипова, И.Д. Лингвокультурное содержание фразеологических единиц с компонентом видеть / смотреть / И.Д. Гарипова // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ, филол. фак-т, 21-24 марта 2012 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 80-81.

32. Го Лицзюнь. Ментальные стереотипы в межкультурной коммуникации / Го Лицзюнь // Language. Philology. – Culture, 2014. – №4. – С. 82-93.
33. Григорьева, Т.А. Стереотипность шлягера как текста массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 18 с.
34. Гукова, Л.Н. Концепт «зима» в языковой картине мира А.С. Пушкина / Л.Н. Гукова // А.С.Пушкин и мировой литературный процесс: сб. науч. ст. по материалам науч. конф., посвящ. памяти проф. А.А. Слюсаря. – СПб.: Астропринт, 2002. – С. 284-292
35. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры: пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. – М.: РУДН, 1985. – 456 с.
36. Добровольский, Д.О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) / Д.О. Добровольский, В. Т. Малыгин, Л.Б. Коканина – Владимир: ВГПИ. – 1990. – 80 с.
37. Домбровская, М.В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук/ Домбровская Мария Владимировна. – Новосибирск, 2006. – 307 с.
38. Драчук, В.И. Концепт «зима» в русской поэтической картине мира (на материале русской лирики 19 века) [Электронный ресурс]. / В.И. Драчук. – 1990. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/226/96596.php>.
39. Жданова, В.В. Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания / В.В. Жданова // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2000. – С. 151-160.
40. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов. Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «русский язык и литература» / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
41. Жуков, В.П. Русская фразеология: Учебное пособие для филол. спец. ВУЗов / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
42. Жуков, В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках / В.П. Жуков // Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. – 544 с.

43. Жукова, М.Е. Проблема толерантности в зеркале русских пословиц и поговорок / М.Е. Жукова // Вестник НГУ им. Ярослава Мудрого. – 2006. – №36. – С. 58-60.
44. Зацепина, Е.А. Лексико-фразеологическая объективация концепта "вежливость" в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 189 с.
45. Зверева, Т. Р. Эмоции во фразеологической картине мира русского языка: с позиции носителя удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 159 с.
46. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: Теория и практика. / Е.И.Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
47. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология. От теории к практике: учебное пособие / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ, Нестор-История, 2016. – 182 с.
48. Зиновьева, Е.И., Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) / Е.И. Зиновьева, Пи Цзянькунь // Коммуникативные исследования. – 2016. – №1. – С. 18-24.
49. Золотых, Л.Г. Взаимодействий фразеологической семантики и семиотических средств культуры / Л.Г. Золотых // III междунар. науч. конф. 19-21 марта 2013 г., Белгород / под ред. Н.Ф.Алефиренко. – Белгород: БГНИУ, 2013. – С. 71-76.
50. Зотина, К. Любовь как дождь пропала // Поэтический портал. – №1. [Электронный ресурс]. / К. Зотина. – 2016. – Режим доступа: <http://роем4you.ru/Kristina1/lyubov-kak-dojd-propala.html>.
51. Зотова, Е.М. Коммуникативно-когнитивная организация художественной картины мира в рассказах Бориса Викторовича Шергина / Е.М. Зотова. – Архангельск: СГМУ, 2013. – 136 с.
52. Зыкова, И.В. Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти / И.В. Зыкова // Мир русского слова. – 2013. – №1. – С. 43-49.
53. Зыкова, И.В. О личности: лингвокультурологические заметки / И.В. Зыкова // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред.

- М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, А.И. Изотова, И.В. Зыковой. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 32-47.
54. Зыкова, И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 510 с.
55. Зыкова, И.В. От знаков культуры к знакам языка: теоретические аспекты культурного трансфера в процессе формирования фразеологии / И.В. Зыкова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технология: коллективная монография / под ред. В.В. Фещеко. М.: Культурная революция, 2016. – С. 451-467.
56. Иванова, Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц) / Е.В. Иванова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
57. Изотова, Н.Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации / Н.Н. Изотова // Межкультурная коммуникация. – 2012. – №6 (27). – С. 179-182.
58. Ильина, Е.В. Объективация концепта ветер в языковой картине мира поморов (на материале «Словаря поморских речений» К.П. Гемп) / Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2013. – №4 (11). – Ч.2. – С. 80-82.
59. Ильина, Е.В. Концепт белое море в языковом сознании поморов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2014. – 17 с.
60. Ипанова, О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 24 с.
61. Исаева, Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1996. – 310 с.
62. Калько, В.В. Вербальная репрезентация концепта «женщина» (на материале украинских паремий) / В.В. Калько // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород 4-6 мая 2008г.). – Белгород: БелГУ, 2008. – 2 т. – С. 336-340.
63. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 71-76.

64. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
65. Карасик, В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект / В.И. Карасик // Грани познания. – 2013. – №1. – С. 23-33.
66. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
67. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кириллина. – М.: ИС РАН, 1999. – 155 с.
68. Ковшова, М.Л. «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования / М.Л. Ковшова. // Знание. Язык. Культура. – Тула: Петровская Гора, 2007. – С. 30-33.
69. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: Либроком, 2012. – 456 с.
70. Ковшова, М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход / М.Л. Ковшова // Филология и культура. – 2014. – №4. – С. 115-120.
71. Ковшова, М.Л. Традиционные смыслы и сквозные образы в поговорках и идиомах (на материале русских единиц с костюмными компонентами) / М.Л. Ковшова // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография / под ред. Х. Вальтера, В.М. Мокиенко. – Грайфсвальд-СПб., 2018. – С. 195-205.
72. Козлова, Т.Л. Универсальность когниции и соответствия во фразеологическом фонде индоевропейских культур / Т.Л. Козлова // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород 4-6 мая 2008 г.). – Белгород: БелГУ, 2008. – 2 т. – С. 236-239.
73. Колесов, В.В. Жизнь происходит от слова... / В.В. Колесов – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
74. Комаров, Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 199 с.
75. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... д-ра культурол. наук. – М., 2000. – 460 с.

76. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: 2-е изд., испр. и доп. / О.А. Корнилов. – М.: Черо, 2003. – 349 с.
77. Косяков, В.А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвящённых войне в Ираке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2009. – 22 с.
78. Кравцов, С.М. Фразеология и когнитивная лингвокультурология / С.М. Кравцов // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. – Белгород: БелГУ, 2008. – 2 т. – С. 219-223.
79. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекции / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
80. Кривошاپко, С.А. Концепты время и пространство в лирической поэзии С.А. Есенина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.А. Кривошاپко. – Ростов н/Д, 2010. – 198 с.
81. Кубединова, Л.Ш. Правда и ложь в зеркале фразеологии разноструктурных языков (на материале крымскотатарского, русского и английского языков) / Л.Ш. Кубединова // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Матер. междунар. научно-практ. конф. (Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / под ред. А.М. Мелерович. – Кострома, 2012. – С. 269-272.
82. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Институт языкознания РАН. – 1995. – С. 144-238.
83. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е.С. Кубрякова. // Известия РАН. Серия: литература и язык. – 1999. – №5-6. – С. 3-12.
84. Кузнецова, И.В. Русские и чувашские устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте / И.В. Кузнецова, М.Р. Лукина // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / под ред. В.М.Мокиенко. – СПб.-Грайфсвальд, 2016. – С. 190-197.

85. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранного языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
86. Купчик, Е.В. Поэтический мир А. Городницкого: образная репрезентация концептосферы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2006. – 17 с.
87. Лантух, Н.А. Добро как этнокультурная доминанта русской цивилизации / Н.А. Лантух // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Матер. X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30.06. – 5.07.2003. – СПб., 2003. – С. 243-250.
88. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
89. Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта "счастье": с позиции носителя вьетнамской культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 24 с.
90. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 191 с.
91. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
92. Ли Бо. Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Ли Бо, С.А. Торопцев, А.Е. Лукьянов, Лян Сэнь. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 320 с.
93. Ли, В.С. О наивной этике и ее национально-культурной специфике / В.С. Ли // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы междунар. научно-практ. конф. (Кострома, 22-24 марта 2012г.) / под ред. А.М. Мелерович. – Кострома, 2012. – С. 80-82.
94. Лян Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 175 с.
95. Мазурик, А. Концепт “снег” в русской и японской поэзии серебряного века: Серебряный век: диалог культур / А. Мазурик. – Одесса, 2006. – 217 с.

96. Максимов, Г. Конфуцианство как религия [Электронный ресурс]. / Г. Максимов. – 2011. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1875775.html>.
97. Максимовских, А.Г. Лингвокультурология как новое направление современной лингвистики / А.Г. Максимовских. – Альманах современной науки и образования. – 2009. – №8 (27). – Ч.1. – С. 88-90.
98. Малафеев, А.Ю. Языковая объективация концепта «Смерть» в современной русской православной картине мира / А.Ю. Малафеев // Мир русского слова. – 2012. – №3. – С. 38-43.
99. Маркелова, Е.В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени): дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Маркелова. – Новосибирск, 2004. – 237 с.
100. Маркова, Е.М. Умный человек средствами вторичной номинации в билингвальном аспекте / Е.М. Маркова // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Матер. междунар. научно-практ. конф. (Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / под ред. А.М. Мелерович. – Кострома, 2012. – С. 83-85/
101. Маругина, Н. И., Ламинская Д. А. Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира // Н.И. Маругина, Д.А. Ламинская / Язык и культура. 2010. – №2. – С. 36-46.
102. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
103. Мегирьянц, Т.А. Концепт «город» в творчестве Б.Пастернака: дис. ... канд. филол. наук: / Т.А. Мегирьянц. – Воронеж, 2002. – 198 с.
104. Мелерович, А.М. Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи / А.М. Мелерович // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспекты): Междунар. научно-практ. конф., посвящ. юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008г.). – М.: Элпис, 2008. – С. 34.
105. Михайлова, О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О.А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические

- проблемы толерантности: коллективная монография / под ред. Н.А. Купиной, М.Б. Хомякова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 99-110.
106. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: 2-е изд., испр. и доп. / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
107. Мокиенко, В.М. Предисловие / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. Большой словарь русских пословиц – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010. – С. 4-9.
108. Мокиенко, В.М. Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное / В.М. Мокиенко // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Матер. междунар. научно-практ. конф. (Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / под ред. А.М. Мелерович. – Кострома, 2012. – С. 9-13.
109. Мокиенко, В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии / В.М. Мокиенко // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.-Грайфсвальд, 2016. – С. 37-49.
110. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.
111. Молчановский, В.В. Теоретическая разработка и практическая реализация лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка как иностранного: Аналитический обзор / В.В. Молчановский. – М., 1985. – 96 с.
112. Небольсина, П.А. Языковая картина мира: определение понятия / П.А. Небольсина // XV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. – 438 с.
113. Немец, Г.И. Концептуальное пространство художественного текста: структура и способы представления (на материале языка романов И.С. Тургенева «Отцы и дети» и Ф.М. Достоевского «Бесы»): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Краснодар, 2002. – 29 с.
114. Николаева, Е.К. Пищевые образы в устойчивых сравнениях / Е.К. Николаева // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Грайфсвальд, 2016. – С. 152-158.

115. Новосельцева, В.А. Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах (на материале произведений 40-80-х гг. XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 22 с.
116. Опарина, Е.О. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты [Электронный ресурс]. / Е.О. Опарина // Язык и культура: Вып. 2. – М., 1999. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_2.htm.
117. Ошева, Е.А. Лингвокультурная специфика паремиологического пространства: дис. ... канд. филол. наук: / Е.А. Ошева. – Пермь, 2013. – 215 с.
118. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – 236 с.
119. Перфильева, Н. Ю. Специфика вербализации концепта погода средствами русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 15 с.
120. Песина, С.А. Философия языка. Учебное пособие / С.А. Песина. – М.: Флинта, 2014.
121. Пи Цзянькунь Оппозиция правда-ложь в паремиологическом пространстве русского языка (Лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 171 с.
122. Пименова, М.В. Концепты внутреннего мира (русско–английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001. – 497 с.
123. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т.1. – С. 17.
124. Пименова, М В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 176 с.
125. Пищальникова, В.А. Специфика вербальной репрезентации понятия «вежливость» в русском языке и иврите / В.А. Пищальникова, В.В. Киселев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – №1 (25). – С. 78-85.
126. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.

127. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 226 с.
128. Постовалова, В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25-33.
129. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 203 с.
130. Просвирнина, И.С. Концепт «скромность» в русских и китайских паремиях // И.С. Просвирнина, Шао Жуй / Филология и культура. – 2013. – №4. – С. 34.
131. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Педагогика пресс, 1996. – 224 с.
132. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие / Т.Б. Радбиль – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
133. Рифтин, Б. Л. О синологических словарях и справочниках, старых и новых / Б.Л. Рифтин // Рабочая библиография китаиста / под ред. В.М. Алексеев. – СПб.: БАН, Альфарет, 2010. – С. 278-371.
134. Рольгайзер, А.А. Объективация архетипических ментальных образований в русском и французском языках (на примере слов ‘звезда’ и ‘étoile’): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 21 с.
135. Рябов, О.В. Матушка-Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
136. Рябых, Е.Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006. – 242 с.
137. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2002. – 240 с.
138. Савенкова, Л.Б. Концепт «хвастовство» в русских паремиях // Русский язык: Исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исслед. рус. языка: Труды и материалы / под ред. М.Л. Ремневой,

- О.В. Дедовой, А.А. Поликарповой. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 140-141.
139. Селиверстова, Е.И. Люди с жабыми глазами: особенности устойчивых оборотов с семантикой сравнения / Е.И. Селиверстова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. – СПб.-Грайфсвальд: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 159-165.
140. Селиверстова, Е.И. Молоко и мед: жизнь и судьба героев Марины Степновой сквозь призму съедобного / Е.И. Селиверстова // Язык. Культура. Этнос: к 65-летию юбилею проф. З.К. Дербишевой. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». 17-18 апреля 2017 г. – СПб., 2017. – Вып. 12. – С. 334-344.
141. Селиверстова, Е.И. Ум в паремийных манифестациях прошлого и современности / Е.И. Селиверстова // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография / под ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – Грайфсвальд-СПб., 2018. – С. 205-213.
142. Семенов, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н.Н. Семенов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – 355 с.
143. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
144. Сепир, Э. Новое в лингвистике / Э. Сепир. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 464 с.
145. Синячкин, В.П. Лингвокультуремы концепта хлеб в русском языке и русской культуре / В.П. Синячкин // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Матер. X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30.06. – 5.07.2003. – СПб., 2003. – С. 255-263.
146. Соколова, М.Г. О существе фразеологической картины мира в отличие от других картин мира / М.Г. Соколова // Вектор науки ТГУ. – №4 (14). – 2010. – С. 169-173.
147. Сорокин, Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю.А. Сорокин // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – 174 с.

148. Стешина, Е.Г. О структурных компонентах вербализации концепта «бедность» (на материале русского и английского языков) / Е.Г. Стешина // Мир русского слова. – 2012. – №3.
149. Тарасова, И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте : монография / под ред. И.А. Тарасовой – 2-е изд., перераб. – М.: Флинта, 2012. – 196 с.
150. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
151. Телия, В.Н. От редактора // Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 8-11.
152. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13-24.
153. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 624 с.
154. Тимкова, Т.Н. Специфика вербализации концепта снег в турецкой языковой картине мира / Т.Н. Тимкова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета, 2013. – С. 355-358.
155. Токарев, Г.А. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): монография / Г.А. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
156. Толстая, С.М. Стереотип и картина мира / С.М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы международной конференции – Екатеринбург, 2009. – С. 262-264.
157. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Изд-во «Индрик», 1995. – С. 27-40.
158. Трынков, Д.С. Семантические механизмы стереотипизации образов Солнца и Луны в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук/ Трынков Дмитрий Сергеевич. – М., 2011. – 157 с.
159. У Вэй. Зима в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка) / У Вэй // Мир русского слова. – 2012. – №3. – С. 50-52.

160. Филимонова, Е.Н. Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с корейского и китайского языков) / Е.Н. Филимонова // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 25. – 200 с.
161. Фисенко, О.С. Концепт гроза в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 191 с.
162. Хазагеров, Т.Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов н/Д, 1992. – 147 с.
163. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93-119.
164. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайлуллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.
165. Хохлова, Н.В. Лексическое значение и внутренняя форма как способы концептуализации мира природы (на материале говоров Архангельской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2004. – 24 с.
166. Цзу Сюецин. Национально-культурные концепты времен года в русской языковой картине мира (на фоне китайской): дис. ... канд. филол. наук: / Цзу Сюецин. – Владивосток, 2009. – 204 с.
167. Чакалова, Э.П. Языковая репрезентация национальной картины мира в художественном тексте: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 25 с.
168. Чемерчева, А.А. Народная метеорология: поверья, обряды и терминология (этнолингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006. – 21 с.
169. Чибисова, О.В. Концепт «время» в русской и китайской лингвокультурах / О.В. Чибисова, И.В. Каминская // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2012 (35). – С. 93-103.
170. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 190-191.

171. Шмелев, А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги / А.Д. Шмелев // Мир русского слова. – 2009. – №4. – С. 14-19.
172. Эмих, Т.А. Концепт "обида" в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 191 с.
173. Юань Лиин. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект) дис. ... канд. филол. наук / Юань Лиин. – СПб., 2016. – 242 с.
174. Юздова, Л.П. Адвербиальные качественные фразеологизмы как средство отражения русской языковой картины мира / Л.П. Юздова // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. – Вып. 32. – №17 (155). – С. 119-123.
175. Юй Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук/ Юй Фэнин. – СПб., 2016. – 252 с.
176. Юрков, Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2012. – 55 с.
177. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Языки славянской культуры, 1994. – 345с.
178. Яценко, Т.А. Концепт причины в «Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля» / Т.А.Яценко // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня - 5 июля 2003 г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений / под ред. Н.О. Рогожиной, В.В. Химика, Е.Е. Юркова. – СПб., 2003. – С. 283-293.
179. 孙玉华 俄语语言文化: 回顾与前瞻, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2010. Сунь Юйхуа Русская лингвокультурология: ретроспектива и перспектива / Сунь Юйхуа. – Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 2010.

Приложение 1.

История появления современного иероглифа «снег»

Подписи к рисункам:

Рис. 1. Изображение снега в древнем китайском языке

Рис. 2. Упрощенная сегодняшняя форма иероглифа, обозначающего снег (2 варианта написания)

Приложение 2.

Таблица 1. Векторы осмысления снега в русском и китайском языках (*курсивом даются устойчивые выражения; **за знаком → следует переносное значение)

<i>Наименование представления о снеге</i>	<i>Вербализация средствами русского языка</i>	<i>Вербализация средствами китайского языка (букв.)</i>
Способность снега покрывать землю, ложиться ковром; скрывать из видимости → прятать	<i>Бел снег землю прикрывает, не меня ли, молодю, замуж снаряжают. Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодю, женишком</i>	Снежинки образовали во дворе и на крыше кучу, напоминающую хлопок. Горы и пустынные равнины были скрыты снегом
Способность слоя снега на крыше сохранять зерно от порчи	<i>На котором амбаре снег, из того покупай хлеб</i>	—
Способность влиять на будущий урожай	<i>Зима без снега - лето без хлеба Больше снега на полях, больше хлеба в закромах Снегу надует, хлеба прибудет</i>	<i>Снег предвещает урожайный год; Снегопад сильный, значит, весенняя вспашка будет в порядке</i>
Неожиданность выпадения снега (сверху); приход зимы. Своевременность / несвоевременность Непредсказуемость	<i>Как снег на голову; Застала зима в летнем платье Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет</i>	букв. <i>снегопад начался в своё время</i> , т.е. 'вовремя'
Множество, безграничное количество → привычность	<i>Как снега зимой чего-л. у кого; как снега налетевши; у него зимой снега не выпросишь; продать снег зимой</i>	букв. <i>один за другим лететь</i> (нести) - о снежинках; 'непрерывным (нескончаемым) потоком'
Недолговечность, временность; таяние снега	<i>растаять как апрельский снег. она таяла как снег, сквозь который проникает лава;</i>	Снежинки падают на землю и медленно тают; Осторожность и враждебное сознание сразу исчезли, <i>как лёд растаял и снег растаял</i>
Способность бесследно исчезать → бесполезность,	<i>Нужен, как прошлогодний снег; Исчезнет грусть, как прошлогодний снег</i>	—
Низкая температура снега;	<i>бросаться в снег после парной бани (Снегом да паром, так не</i>	

<p>холодный</p> <p>→ испытание, трудности</p> <p>→ снег как эталон неласковых, равнодушных, жёстких слов</p>	<p><i>будешь старым</i>). Снег проникал в чум, засыпал очаг, а вслед за ним тем же путем вполз холод.</p>	<p>_____</p> <p><i>стоять на снегу у двери дома философа Чэна - 'стремиться стать учеником достойного учителя'</i></p> <p><i>холодные как снег слова</i></p>
<p>Звуки, издаваемый снегом под ногами, колесами транспорта и проч.</p>	<p>скрипеть/ шуршать/ повизгивать/ хрустеть и др.</p>	<p>_____</p>
<p>Несъедобность, неспособность служить продуктом питания; непитательность →</p> <p>поедание снега как испытание</p>	<p>В последнее время он часто ел снег — от жажды и от голодной тошноты</p>	<p>Он набирал мягкие снежинки и глотал их.</p> <p>Я готова с ним вместе даже проглотить ветер и есть снег ('готова к испытаниям')</p>
<p>Белизна → белизна зубов, волос и проч.</p> <p>«Белизна снега» как номинация стихов высокого стиля</p> <p>Ассоциация со снегом цветущих деревьев (поэтич.), элемент прекрасного пейзажа</p>	<p><i>Белее снега не будешь</i></p>	<p><i>Цвета снега - 'о белоснежном' цветы груши белые как снег; в волосах на висках появился снег, а усы покрылись инеем 'о седом'; белый как снег - о цвете лица</i></p> <p><i>Белый снег солнечной весной - о возвышенных произведениях литературы или искусства, высокого стиля, недоступных для широких масс</i></p> <p><i>Цветы вишни (груши, сливы) как снег;</i></p>
<p>Блеск снега как источник света</p>	<p>—</p>	<p><i>учиться при свете, отражённом от снега - 'неудержимое стремление бедняка к учёбе'</i></p>
<p>Чистота; Невинность, целомудрие; Незапятнанность репутации</p> <p>Очистить(ся) совесть, честь, душу</p> <p>Способность очищать</p>	<p><i>Чистый, как снег; Я грешен гневными мыслями, ты же чиста как снег</i></p> <p>Как почистить снегом ковер?</p>	<p><i>Смыть снегом национальный позор</i></p> <p>Они набрали снега и чистили им рану.</p>

('прочищать - в букв. смысле)		
Безупречность, качественность	Он (кофе) черен только снаружи, а по сути бел, как альпийский снег	—
Своевременность/ несвоевременность	<i>Хороший тот снег, когда бывает во время своё</i>	—
Способность запечатлеть следы	<i>Не было снегу, не было и следу, Пойдет снег, оставишь и след</i>	След гусей на снегу - 'воспоминания о былом, следы прошлого'
Толщина снежного слоя → недоступность	<i>Зимой и рад бы сорвать грибок, да снег глубок</i>	Он раскопал снежный занос и вынул кучу дров из-под снега
Природное явление, погода. Сопряженность с ветром, дождем	<i>На одном часу и снег и дождь</i>	<i>Мороз и вьюга, снега и льды.</i>
Снег как бедствие → беда, несчастье	Задержаться из-за снега (т.е. из-за снегопада).	букв. <i>на снег ещё и иней</i> – 'несчастье за несчастьем'; <i>прислать угля во время снегопада</i> - 'оказать своевременную помощь'
Форма выпадающего снега (хлопья, снежинки); <i>валит, сыплется, падает...</i>	Мелькает, вьется первый снег. Звездами падая на брег.	<i>снег идёт большими хлопьями</i> как символ зимы, холодов
Снег как знак, символ зимы (времени года)	<i>Февраль богат снегом, апрель - водою</i>	букв. <i>ветер, цветы, снег и луна</i> 1) при описании романтических объектов, 'красота природы четырех времен года'; 2) 'бульварная лирика, скучное чтение, макулатура'; 3) 'любовь, роман'; 4) 'разгул, развратная жизнь'

Приложение 3.

Таблица 2. Векторы осмысления дождя в русском и китайском языках (*курсивом даются устойчивые выражения; **за знаком → следует переносное значение)

Наименование представления о дожде		Вербализация средствами русского языка	Вербализация средствами китайского языка
Множество	Какие-либо жидкости (водная природа дождя)	Капли, слёзы <i>Залиться дождем слёз</i>	泪如雨下 (букв. «слёзы полились из глаз, как дождь»); 挥汗成雨 (букв. «пот льёт дождем»); Кровь лилась дождем
	О различных видах снарядов и подобных им предметов	Снаряды (пули, стрелы, камни) <i>Пули летели дождём.</i>	枪林弹雨 (букв. «лес ружей и ливень пуль») 雨矢 (осыпать дождем стрел)
	О различных предметах	Листы, цветы, открытки	雨谷三日 шёл дождь хлебом (зерном) в течение 3 дней
	О людях	—	谋臣如雨 (букв. «мудрецов как дождя») – ‘очень много’
	О речевых репликах	комментарии, обвинения, замечания <i>сыпались дождем</i>	—
О предметах, летящих в разные стороны подобно брызгам	<i>Дождём бежать (рыбы, осколки)</i>	—	
Намочить, смочить (о попавших под дождь) .	<i>Дождём не смочить (‘много’); Мокрый дождя не боится; Дождик вымочит,</i>	—	

Прятаться, пережить	<i>солнце высушит; Ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны</i>	
Дождь как полив, гарантия хорошего урожая	<i>Дождь – мужику рожь, а бурлаку – вошь; В мае дождь – родится (будет и) рожь;</i>	风调雨顺 (букв. «ветер мягок и дожди благоприятны») 雨后春笋 (букв. «как побеги бамбука после весеннего дождя»;
Непредсказуемость, неожиданность	<i>Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет</i>	—
Благоприятные погодные условия → располагающая обстановка	—	雨我公田 (букв. «пролиться дождем на поля моего господина») 风调雨顺 (букв. «ветер мягок и дожди благоприятны»)
Исполнение желаний	—	久旱逢甘雨 (букв. «долгожданный дождь после длительной (долгой) засухи»)
Своевременность дождя → нежелательность дождя	<i>Доброе слово человеку – что дождь в засуху. Помощь в несчастье (ко времени) – что дождь в засуху; Тут дождя просят, а он идет, где косят; Небольшой дождишко – хозяину горе, работникам отдышка</i>	和风细雨 (букв. «лёгкий ветер и мелкий дождь»), 春风化雨 («весенний тёплый ветер обдувает и своевременный дождь идёт; отличная погода для растений»)
Доброта, благодеяние	—	惠泽雨施 (букв. «дождь идёт, милости ниспосылаются»)

		随车致雨 (букв. «сезонный дождь идёт вслед за колясками»)
Плохие условия для сельскохозяйственных работ. Шум (звук)	—	风吹雨打 (букв. «порывы ветра и удары дождя»)
Трудные жизненные ситуации, невзгоды, испытания, невезение	<i>Наше счастье – дождь да ненастье; Быть было ненастью, да дождь помешал; тихой дождь; Однажды дождь шел дважды; от дождя да под капель</i>	栉风沐雨 (букв. «причесываться ветром, дышать дождем») 风雨交加 (букв. «ветры и дожди (грозы) сменяют друг друга») 狂风暴雨 (букв.: «Буря с ливнем») – ‘житейские бури, большие невзгоды
Опасность	<i>Ни дождя ни облою не боится</i>	—
Неудобство (для работы)	<i>В дождь крыши не кроют, а в ведро и сама не каплет</i>	风雨无阻 (букв. «Ни дождь, ни ветер не могут служить препятствием»), ‘при любых обстоятельствах’
Плохое настроение, печаль, тоска. Подавленность.	<i>На сердце ненастье, так и в ведро дождь. Ходить как дождём прибитый Вечный уличный дождь, безлюдье, воздух напоен смертной скукой</i>	云愁雨怨 (букв. «облако тоскует, дождь жалуется») 雨散云收 (букв. «дождь прошёл и облака рассеялись»)
Друг, дружба (дождь как время для встречи друзей)	—	旧雨重逢 (букв. «друзья ещё раз встретились

		во время дождя»))
Туча, капля, град, снег, дождь	<i>Туча прошла, а дождя не видали; Дождь прибьет – хлеб да трава встанет, град – в лоск уложит</i>	+ + +
Характер выпадения, степень интенсивности	Моросить, брызгать, хлестать, идти, бежать, обрушиться	+ + +
Шум (звук) → →	<i>Дождь по ним стучал; шум дождя; сердитый</i> —	满城风雨 (букв. «в городе везде дует ветер и идёт дождь») - ‘О пересудах, толках, шумиха’;
Любовь, любовное свидание	— —	楚雨巫云 (букв. «дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань »)

Приложение 4.

Таблица 3. Векторы осмысления града в русском и китайском языках (*курсивом даются устойчивые выражения; **за знаком → следует переносное значение)

	Наименования представления о граде	Вербализация средствами русского языка	Вербализация средствами китайского языка
Множество	О каких-либо каплевидных жидкостях	О каплях пота, слёз: <i>слёзы</i> катятся (льются) <i>градом</i>	—
	О снарядах и предметах, выполняющих аналогичную функцию (пулях, стрелах, камнях и под.)	посыпался град бомб На мужа и жену обрушился свинцовый град – пулеметчик открыл огонь	букв. Все снаряды и пули пущены террористами <i>как град</i> . букв. Камни и круглые брёвна, <i>как град</i> (для отражения врага).
	О любых падающих предметах, преимущественно мелких	Плоды, фрукты, другие мелкие предметы: <i>как град</i> сыпал; град груш посыпался на землю	букв. Падение града («как град») пылинок и зёрнышек от ядра кометы
	Речевые реплики (нападки, обвинения и проч.)	Град упрёков, колкостей; град площадной брани	букв. <i>Падающий град и летящий иней</i> ; осыпать бранью и недовольством, как градом
	Нанесение урона сельскому хозяйству, серьёзная помеха	<i>Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет</i>	букв. Градобитие нанесло людям большой ущерб

<p>Трудные жизненные ситуации; невзгоды, неприятности; неудачи,</p>	<p>—</p>	<p>букв. Иногда хорошая погода, <i>иногда град и дождь</i>, и выдающийся спортсмен может испытать неудачу и поражение</p>
<p>О человеке в состоянии раздражения, запальчивости, нетерпения, которое быстро проходит</p>	<p>—</p>	<p>букв. <i>Гром гремит, молния сверкает и идёт град</i></p>
<p>О возведении на кого-л. ложного обвинения'</p>	<p>—</p>	<p>букв. <i>Падающий град и летящий иней</i></p>
<p>Круглый (форма)</p>	<p>вишенник выпускал крохотные, как град, бутончики</p>	<p>—</p>
<p>Шумный (звук)</p>	<p>Рвется в уши, колотит по барабанным перепонкам, как град</p>	<p>букв. Начался дождь с градом, <i>градины</i> звучали как барабанная дробь.</p>